

Сборник материалов всероссийской конференции с
международным участием «Перспективы процессов
дестабилизации в странах Африки»

(11 декабря 2025 года, г. Москва)

Москва – 2026

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

Институт Африки РАН
Центр цивилизационных и региональных исследований

**«Перспективы процессов
дестабилизации в странах
Африки»**

Москва
Издательство «Учитель»
2026

Ответственные редакторы:
д.филол.н. Л.Е. Гринин, к.полит.н. Т.Р. Хайруллин

Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки: материалы всероссийской конференции с международным участием. — М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2026. — 200 с.

ISBN 978-5-7057-6517-1

Сегодня Африка представляет собой быстро растущий регион и один из потенциальных центров силы в складывающемся новом мировом порядке. Это вызывает необходимость более детального изучения происходящих там процессов, привлекая широкий круг исследовательских инструментов в т.ч. из смежных наук. В основу сборника положены материалы проведенной 11 декабря 2025 г. Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН ежегодной всероссийской конференции с международным участием на тему «Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки». В ней приняли участие представители ведущих научных и образовательных центров России. Авторами статей, докладов и тезисов приведены возможные сценарии развития общественно-политической ситуации в странах африканского континента в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также предложены пути разрешения конфликтных ситуаций, дестабилизирующих внутреннее положение в отдельных регионах. Материалы будут полезны политологам, философам, культурологам, социологам, конфликтологам, историкам, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными политическими процессами.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-7057-6517-1

© Авторы, 2026

Московская редакция издательства «Учитель»

109202, г. Москва, ул. Басовская, д. 16.

Контактные телефоны: (8442) 42-17-71 (доб. 129), 42-04-08.

СОДЕРЖАНИЕ

Гринин Л.Е., Хайруллин Т.Р. ПРЕДИСЛОВИЕ _____	7
Абрамова А.А. ОТ ОПЕРАЦИИ «СЕРВАЛ» ДО ОПЕРАЦИИ «БАРХАН»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦИИ ПО СТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ НА ТЕРРИТОРИИ САХЕЛЬСКОЙ ПЯТЕРКИ С 2013 ПО 2022 ГГ. _____	11
Аверьянов Я.С. КВАЗИРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ В САХЕЛЕ (2020-2025): РАЗРУШЕНИЕ НЕОКОЛОНИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВЛАСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ БЕЗОПАСНОСТИ _____	20
Белореков М.В. ВОЗМОЖНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ЗАНЗИБАР, КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ, ПРИМЕР ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ _____	24
Буркова В.Н., Бутовская М.Л. ВОСПРИЯТИЕ ОТЦОВСКОЙ ЗАБОТЫ СРЕДИ СТУДЕНТОВ ТАНЗАНИИ В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ СРАВНЕНИИ С УЧЕТОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНДЕКСОВ _____	27
Бурьянов С.А. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ _____	32
Бутовская М.Л. ТАНЗАНИЯ СЕГОДНЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ АФРИКИ _____	42
Грибанова А.А. ВИЭ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И СТРАН ССАГПЗ В АФРИКЕ _____	43
Гринин Л.Е. УСКОРЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В АФРИКЕ И ПРОЦЕССЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ _____	56
Гринин А.Л. ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА И РОЛЬ АФРИКИ _____	68
Дронова Д.А., Бутовская М.Л. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФЕРМЕРСКИХ ОБЩИН, ОБЛАДАЮЩИХ БАНКОМ СЕМЯН, В ТАНЗАНИИ: ЛОКАЛЬНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫМ ВЛИЯНИЯМ _____	79
Злобин Е.В. РОЛЬ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА В ПРОДВИЖЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ _____	87
Зубов В.В. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В ПЕРИОД _____	

«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» _____	96
Иванов А.Г., Смирнов Н.О. ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ КАНАДЫ В КОНТРИРАТСКОЙ КАМПАНИИ НАТО У ПОБЕРЕЖЬЯ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ (2008-2016 ГГ.) _____	99
Купалов-Ярополк А.И. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В МОЗАМБИКЕ 2024 Г.: ГЕНЕЗИС И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ _____	111
Матвеев А.С. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕССОВ СТАБИЛИЗАЦИИ И ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В ЛИВИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОКОВ НА БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ _____	113
Махмутова М.И. МЕХАНИЗМЫ РАННЕЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭНКУЛЬТУРАЦИИ В СИСТЕМЕ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ АЛЬ-АЗХАРА: ДИСЦИПЛИНА, НОРМА И ГЕГЕМОНИЯ _____	121
Митрахович С.П. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЛЯ БРИКС: ПОПЫТКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ _____	123
Мозговой С.А. ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УСЛОВИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В СТРАНАХ АФРИКИ _____	125
Неклесса А.И. ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ _____	133
Почта Ю.М. УКРАИНСКИЙ ФАКТОР ПРОЦЕССОВ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ АФРИКИ (НА ПРИМЕРЕ САХЕЛЯ) _____	136
Рагунштейн О.В. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОЦЕССОВ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЙ САХАРЕ _____	144
Самойлова Е.Е. ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТНЕРСТВА РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: ФОРМИРОВАНИЕ КОНТУРОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В АФРИКЕ _____	155
Турьинская Х.М. ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ПОСТЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ В КАМЕРУНЕ _____	161
Харитонова Е.В. ВОЗМОЖНА ЛИ СТАБИЛИЗАЦИЯ СИТУАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ПРОТИВОСТОЯНИЯ	

КОНКУРИРУЮЩИХ АЛЬЯНСОВ? (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРОГРАММ В СТРАНАХ САХЕЛЯ И ЗАПАДНОЙ АФРИКИ)	163
Ходунов А.С. ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ЭФИОПИИ С 2020 Г. НА ФОНЕ ИЗМЕНЕНИЯ МИРОПОРЯДКА: УДАСТЯ ЛИ СОХРАНИТЬ ЕДИНСТВО СТРАНЫ?	166
Чаденкова А.Г. «РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ» ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КОНГО: МЕХАНИЗМЫ ПРЕВРАЩЕНИЯ МИНЕРАЛЬНОГО БОГАТСТВА В ФАКТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ В XXI В.	179
Abraham Waya RELIGIOUS CONFLICTS AND THE UBUNTU ANTIDOTE: AFRICANS AS CO-ARCHITECTS OF A GLOBAL CIVILIZATIONAL ORDER	181
Antonino Adamo BETWEEN MERCENARISM AND PEACEKEEPING: PRIVATE MILITARY COMPANIES VERSUS THE ECONOMIC COMMUNITY OF WEST AFRICAN STATES MONITORING GROUP IN SIERRA LEONE – A CASE-STUDY (1995-2000)	183
Birender Kumar Pandey THE ROLE OF BRICS+ IN SHAPING STABILITY AND GOVERNANCE IN AFRICAN COUNTRIES	184
Nayla Mohamed Elhassan, Kamal Ahmed Karrar THE SUDAN WAR AND ITS IMPACT ON DESTABILIZATION IN SUDAN AND THE AFRICAN REGION	186
Mohammed AbdAlwahid Mohammed Hussain THE SUDAN CONFLICT AS A REGIONAL DESTABILIZATION CATALYST: HUMANITARIAN, SECURITY, AND ECONOMIC IMPLICATIONS FOR CHAD, SOUTH SUDAN, EGYPT, AND ETHIOPIA	190
Nuah Makungu SECURITY ISSUES AND DESTABILIZATION ON THE BORDERS: IN THE NAME OF WHAT IDEOLOGY IS THE UGANDAN ADF (THE ALLIED DEMOCRATIC FORCES) SOWING INSECURITY AND DEATH IN WEAK-GOVERNED ITURI AND NORTH KIVU IN EASTERN DRC?	192
Neha Sinha, Arindam Goswami PIRACY DYNAMICS AND MARITIME SECURITY IN THE GULF OF GUINEA: TRENDS AND CHALLENGES	195
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	198

Гринин Леонид Ефимович
д.филол.н., гл.н.с., НИУ ВШЭ;
в.н.с., Институт востоковедения РАН
(leonid.grinin@gmail.com)

Хайруллин Тимур Радикович
к.полит.н., с.н.с. Центра цивилизационных и региональных
исследований, Институт Африки РАН;
старший преподаватель Кафедры политологии,
Финансовый университет при Правительстве РФ
(jumglaw16@yandex.ru)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях распада существующего и формирования нового мирового порядка все больше возрастает роль Африканского континента как растущего экономического и политического актора, а также нового потенциального центра силы. Это вызывает необходимость более пристального изучения социально-политических процессов в Африке на фоне обострения глобальных, межгосударственных, кланово-племенных, экономических и др. противоречий и активизации внешних сил, влияющих на африканские страны. Проблема нестабильности и вопросы поиска путей выхода из нее стали особенно актуальными на Африканском континенте в последние несколько лет. Этому способствовали как достаточно быстрый рост во многих странах, так и внешние факторы. Богатый ресурсный потенциал Африки, а также новые рынки сбыта продолжают оставаться важнейшими причинами борьбы глобальных и региональных игроков, которые опираются на разнообразный спектр инструментов. К числу новых инструментов относятся передовые технологии с использованием искусственного интеллекта (ИИ), в т.ч. и военные технологии или технологии двойного назначения. Стремление обладать технологическим суверенитетом является сегодня одной из важнейших целей в процессе перехода к новому мировому порядку. В свою очередь, технологически развитые

государства активно борются за расширение своего влияния в Африке, пытаясь получить свои выгоды, а то и установить новый вид неокOLONиального порядка. Все это нередко ведет к бесконечной череде дестабилизационных процессов на африканском континенте.

Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН провел 11 декабря 2025 г. ежегодную всероссийскую конференцию с международным участием на тему «Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки». На мероприятии ученые из ведущих отечественных и зарубежных ВУЗов и исследовательских центров обсудили актуальные проблемы социально-политического и экономического развития стран Африканского континента. Тема и проблематика конференции определяются усилением роли религиозного фактора в возникновении и развитии конфликтных ситуаций в странах Африки, в том числе крупных вооруженных конфликтов. Важное значение имеют пути разрешения конфликтных ситуаций. Цель конференции состояла в обсуждении и выработке механизмов по предотвращению и выходу из нестабильности, вызванной различного рода факторами. На обсуждение были вынесены следующие вопросы:

- основные факторы процессов дестабилизации/стабилизации в странах Африки;
- влияние этих процессов на условия и возможности цивилизационного транзита;
- революционные и квазиреволюционные процессы в странах Африки;
- влияние мировых кризисов на дестабилизационные процессы в странах Африки;
- БРИКС+ и принципы нового мирового порядка;
- возможные сценарии.

При всей острой актуальности темы конференции проблематика выступлений на ней вышла за рамки указанных вопросов и приобрела междисциплинарный характер. Многообразие изложенных точек

зрения было представлено в ходе пленарного заседания и работы трех секций.

Открыл конференцию председатель оргкомитета, д.и.н., профессор, заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований, эксперт РАН И.В. Следзевский. На пленарном заседании (модератор – д.и.н. И.В. Следзевский) эксперты выступили с содержательными дискуссионными докладами, вызвавшими широкую полемику среди участников конференции. В частности, были рассмотрены процессы глобального переустройства мировой политической системы и роль Африки в них (С.А. Бурьянов, А.Л. Гринин, А.И. Неклесса). Вопросы ускоренной модернизации и роли внешних игроков, усиливающих внутреннюю дестабилизацию в африканских странах на фоне нового миропорядка также не остались без внимания экспертов (Л.Е. Гринин, Ю.М. Почта, Е.Е. Самойлова, О.В. Рагунштейн).

На заседании первой секции (модератор – д.и.н. А.В. Коротаев) были затронуты дестабилизационные процессы в Ливии (А.С. Матвеев), Эфиопии (А.С. Ходунов), Мозамбике (А.И. Купалов-Ярополк), ДРК (А.Г. Чаденкова), Камеруне (Х.М. Турьинская), а также в странах т.н. «Сахельской пятерки» (А.А. Абрамова, Я.С. Аверьянов). Была отмечена роль Африканского союза в продвижении региональной стабильности (Е.В. Злобин).

Во второй секции (модератор – к.полит.н. Т.Р. Хайруллин) эксперты обсудили ряд проблем, касающихся цивилизационного, культурного и технологического развития в условиях нестабильности в странах Сахеля, Восточной и Западной Африки (Е.В. Харитонова, М.В. Белореков, С.А. Мозговой, А.В. Коротаев). Комплексное изучение факторов дестабилизации на примере Танзании было представлено М.Л. Бутовской, Д.А. Дроновой и В.Н. Бурковой. Роль религии в образовательной системе Египта была рассмотрена М.И. Махмутовой.

Работа третьей секции (модератор – к.и.н. А.М. Жамбиков) носила международный характер, поскольку в ней наряду с отечественными исследователями приняли участие иностранные

специалисты. В частности, были рассмотрены религиозные конфликты в условиях нового мирового порядка (Abraham Waya). Отдельное внимание было уделено продолжающемуся суданскому кризису (Nayla ElHassan and Kamal Karrar, Mohammed Hussain), а также тяжелой политической ситуации в ДРК (Nuah Makungu) и Гвинее (Neha Sinha and Arindam Goswami). Также были затронуты исторические особенности дестабилизационных процессов на примере Сьерра-Леоне (Antonino Adamo). Не осталось в стороне рассмотрение роли БРИКС в стабилизации политической ситуации в Африке (Birender Pandey). При этом, теоретические аспекты феномена БРИКС были представлены С.П. Митраховичем. Кроме того, расширение сотрудничества африканских стран с Россией и государствами ССАГПЗ было рассмотрено А.А. Грибановой. Роль социальных сетей в период «арабской весны» проанализирована В.В. Зубовым. Отдельные аспекты борьбы с пиратством у побережья Восточной Африки были раскрыты в докладе А.Г. Иванова и Н.О. Смирнова.

Итоги конференции подвели д.и.н. И.В. Следзевский и д.и.н. А.В. Коротаяев.

**ОТ ОПЕРАЦИИ «СЕРВАЛ» ДО ОПЕРАЦИИ «БАРХАН»:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦИИ ПО СТАБИЛИЗАЦИИ
ОБСТАНОВКИ НА ТЕРРИТОРИИ САХЕЛЬСКОЙ ПЯТЕРКИ С 2013
ПО 2022 ГГ.**

Сахель — территория, которая охватывает бывшие французские колонии. Это страны с растущим демографическим потенциалом, с запасами природных ресурсов и уникальным географическим положением. При этом, на сегодняшний день территория Сахеля является одной из самых нестабильных и конфликтогенных территорий планеты. Внутривнутриполитические конфликты, вооруженные столкновения, террористическая активность, а также территориальные споры влекут за собой большие потери и жертвы.

Влияние Франции на сегодняшний день находит свое отражение в неокOLONIALИЗМЕ, при котором осуществляется культурная и языковая экспансия, между бывшими колониями и метрополией выстраивается неравноправное экономическое взаимодействие и неравноправные военно-политические отношения¹. На особенности сотрудничества стран Сахеля с Францией активно оказывает влияние нестабильность в самом регионе. Для противодействия ей Франция активно использовала военные операции, которые могли осуществляться как по официальному обращению местных властей, так и без. Являясь влиятельной державой и бывшей метрополией, Французская Республика продолжает проявлять интерес к защите собственных национальных интересов на территории Африканского континента. Стратегическое значение Сахеля для Франции, бесспорно, поэтому стоит считать, что действия Республики во многом

---

¹ Андреева Л.А., Бобохонов Р.С., Воронина Н.А., Грибанова В.В., Мозговой С.А., Мосейко А.Н., Нефляшева Н.А., Пономарев И.В., Следзевский И.В., Уланова Н.С., Хайруллин Т.Р., Харитоновна Е.В. Цивилизационные альтернативы Африки. Том IV. Постколониальный цивилизационный транзит Африки. М: Институт Африки РАН, 2024. 274 с.

продиктованы именно защитой собственных интересов и сохранением влияния в регионе.

Одним их примеров введения военной операции является операция «Сервал». В 2012 г. начался крупный кризис в Республике Мали. Тогда же возникло понимание, что могут начаться беспорядки, которые в дальнейшем перекинутся и на другие западноафриканские страны. Очаги нестабильности, терроризм и радикальный исламизм с огромной скоростью стали распространяться и на другие территории, в т.ч. выходя и за пределы описываемого региона. Предлогом для начала операции стали действия малийских исламистов в лице маловлиятельных до 2012 г. движений «Ансар-ад-Дин»², «Исламское движение Азавада»³, «Движение за единство и джихад в Западной Африке» (ДЕДЗА)⁴, «Боко Харам»⁵ и, в особенности, организации «Аль-Каида в Исламском Магрибе» (АКИМ)⁶, известной ранее как «Салафитская группа проповеди и джихада».

10 января 2013 г. исламисты захватили город Кона и начали стратегически немотивированное и крайне поспешное продвижение на север в направлении столицы Мали г. Бамако. Именно по причине стремления стабилизировать ситуацию в Мали и борьбы с исламским терроризмом 11 января 2013 г. Франция начала военную операцию «Сервал». Важно, что ранее в вопросе обеспечения безопасности в регионе Франция в большинстве своем использовала кратковременные интервенции, в том числе для подавления государственных переворотов. Развертывание военной операции «Сервал» стало беспрецедентным случаем⁷.

Это стало возможным исходя из внутренних документов самой Французской Республики. Так, на момент проведения операции «Сервал» действовала Белая книга 2013 г., разработанная по указу

---

² Террористическая организация, запрещена в РФ.

³ Террористическая организация, запрещена в РФ.

⁴ Террористическая организация, запрещена в РФ.

⁵ Террористическая организация, запрещена в РФ.

⁶ Террористическая организация, запрещена в РФ.

⁷ Жигулева А.А. Французская военная операция «Сервал» и ее роль в решении кризиса в Мали // Мой выбор-наука. 2023. С. 171.

Франсуа Олланда. Согласно тексту данного документа, вторжение войск Франции на территорию других государств предусматривается в следующих случаях:

- а) защита граждан за рубежом;
- б) защита стратегических интересов Франции, а также ее партнеров и союзников;
- в) выполнение международных обязательств.

При этом в Белой книге выделяются также зоны, являющиеся приоритетными для Франции с данной точки зрения. К ним относятся в основном бывшие колонии, включая, часть Африки от Сахеля до Экваториальной Африки⁸. Стоит также отметить и то, что вмешательство было санкционировано Советом Безопасности ООН в т.ч. в рамках принятой 21 декабря 2012 г. Резолюции №2085, а также тем фактом, что Франция откликнулась на просьбу о помощи временного президента Мали⁹. Помимо этого, между Францией и бывшими колониями подписаны многочисленные двусторонние соглашения о военном сотрудничестве. С Мали также с 1985 г. действовало соглашение о военно-техническом сотрудничестве.

Сама операция началась с воздушной атаки по боевикам, а 12 января была задействована морская пехота Франции. Всего в Мали было переброшено около 5 тыс. военнослужащих Франции. Уже через пять дней малийским солдатам при поддержке Франции удалось отбить г. Конна. Началась массированная поставка вооружения, бронетехники, а также увеличен численный состав французских военных и специалистов.

21 января ведущие международные средства массовой информации распространили новость о том, что силы Франции совместно с малийскими вооружёнными подразделениями освободили населённый пункт Дуэнца, находящийся на пути к г. Гао.

---

⁸ Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale, Paris, 2013 // Le Figaro. URL: http://www.lefigaro.fr/assets/pdf/Livre_blanc_2013.pdf (дата обращения: 01.09.2025)

⁹ Резолюция 2085 Совета Безопасности ООН // Совет Безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-2012> (дата обращения: 28.11.2025).

Спустя шесть дней, 27 января, совместные франко-малийские войска вошли в знаменитый исторический центр Томбукту. А ещё три дня спустя, 30 января, агентство Reuters сообщило, что французский контингент овладел г. Кидаль. Наконец, 8 февраля поступили известия о захвате одного из ключевых укреплений боевиков-исламистов — населённого пункта Аджелхок¹⁰.

Безусловно, благодаря вмешательству Франции в активной фазе конфликта удалось переломить ход действий. Например, с 19 февраля по 25 марта 2013 г. французский контингент вместе с чадскими войсками провел операцию по ликвидации укрепленных позиций боевиков «Аль-Каиды Исламского Магриба»¹¹ в плоскогорье Адрар-де-Ифогаса. Этот район представлял собой труднодоступную местность, служившую убежищем для боевиков. В ходе боев 25 февраля был уничтожен её лидер Абдельхамид Абу-Зейд. Хотя точное количество погибших боевиков неизвестно, французские силы сообщили о значительном числе убитых боевиков. Однако операция также привела к потерям среди французского контингента и подразделений армии Чада¹².

Власти Бамако были спасены от краха государственности благодаря контртеррористической операции «Сервал», предпринятой Францией в январе 2013 г. и введению в страну большого контингента войск африканских стран-членов ЭКОВАС, а также сил, подчиненных Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МШИБМА)¹³.

При этом территория Сахеля не смогла обрести спокойствие во время работы операции «Сервал». Успех французской миссии привел к постепенному восстановлению контроля правительства Мали над территориями, ранее находящимися под контролем террористов на

---

¹⁰ Французы заняли последний крупный город на севере Мали // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2013/01/30/kidal/> (дата обращения: 29.11.2025).

¹¹ Террористическая организация, запрещена в РФ.

¹² Рагунштейн А.Г., Рагунштейн О.В. Гражданская война и борьба с терроризмом в Мали (2012-2022 гг.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. №3 (63). С. 118.

¹³ Исаев Л.М., Бобарыкина Д.А., Коротаев А.В. Туарегский сепаратизм и исламистская угроза в Азаваде // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2022. № 4. С. 25.

первом этапе. Позднее стало очевидным превосходство радикальных группировок, которые перешли в фазу партизанской войны. А международное сообщество признало вклад Франции в стабилизацию ситуации в регионе, хотя последующие годы были отмечены продолжающимися атаками со стороны различных джихадистских группировок.

Именно по этой причине Франция начала операцию «Бархан», которая завершилась 9 ноября 2022 г. Операция «Бархан» получила свое название в 2014 г. и являлась продолжением операции «Сервал». В отличие от операции «Сервал», операция «Бархан» охватила также и другие страны Западной и Центральной Африки, а именно страны «Сахельской пятерки» (G5 Sahel) - организации, которая была создана в 2014 г. для упрочнения кооперации в борьбе с экстремизмом. В «Сахельскую пятерку» с 2014 по 2022 гг. входили такие страны как Мали, Буркина-Фасо, Нигер, Мавритания и Чад, но в 2022 г. государство Мали вышло из организации, а позднее из объединения вышли Буркина-Фасо и Мали, что привело к распаду объединения.

В свою очередь, согласно заявлению Министерства вооруженных сил Франции, цель операции «Бархан» заключалась в том, чтобы «побудить государства - партнеры группы G5 Sahel взять на себя ответственность за борьбу с вооруженными террористическими группировками»¹⁴. В действительности, несмотря на обилие инструментов поддержания структурной власти, традиционно именно военный фактор является наиболее распространенным инструментом французской политики на континенте. Военное присутствие позволяет влиять на внутреннюю ситуацию в странах, а также казаться гарантом мира и безопасности в регионе.

Однако, на саммите «Сахельской пятерки» в начале 2020 г. во Франции лидеры стран признались, что военное присутствие Франции в Сахеле и операция «Бархан», которая поддерживалась «пятеркой», не несет каких-то значимых позитивных результатов.

---

¹⁴ Давидчук А.С., Дягтерев Д.А., Сидибэ О. Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «коллективного Запада» // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 68.

Наоборот, террористические атаки, которым не видно конца, становятся все более дерзкими и кровавыми. Агентство «Регнум» оценивало ситуацию так: «Вооруженные силы Франции вмешались в конфликт в Мали четыре года назад, однако ситуация в области безопасности за этот период только ухудшилась»¹⁵. Кроме того, в странах бывшей «пятерки» имеет место активное противодействие присутствию французских войск на территории Сахеля, в т.ч., в Нигере и Мали¹⁶.

Важно отметить, что французское правительство было не готово видеть динамичную ситуацию на местах, отвергая многие предложения сил «Бархана». Помимо этого, французское командование испытывало трудности в разведывательном обеспечении из-за сложности местности.

Были также и явные проблемы с финансированием. Так, на финансирование «пятерки» в 2017—2022 гг. французское правительство выделило 42 млн. евро, в т.ч. 24 млн евро на вооружение. Но этого не хватало для ведения борьбы с террористами, поскольку необходимая финансовая поддержка оценивается минимум в 300-400 млн. долл.¹⁷

Говорить о том, что данные операции были совсем неэффективны нельзя, поскольку удалось замедлить распространение террористической угрозы в регионе. Помимо этого, удалось ликвидировать ряд лидеров террористических организаций, например, в 2020 г. был ликвидирован Абдельмалек Друкдель, «эмир» Организации «Аль-Каида» странах исламского Магриба¹⁸ (AQIM)¹⁹.

---

¹⁵ Макрон: Франция продолжит политику приверженности Мали // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/2277216> (дата обращения: 20.11.2025).

¹⁶ Кортунов А.В., Асланов И., Соломон Х., Мезенцев С.В. и др. Болевые точки Африканского континента: Сахель (обзор ситуации и перспективы): доклад Российского совета по международным делам (РСМД) и Международного Комитета Красного Креста (МККК). 77 изд. М.: НП РСМД, 2022. С 53.

¹⁷ Филиппов В.Р. Приоритеты африканской политики Э. Макрона: операция «Бархан» // Международные отношения. 2018. № 3. С. 87.

¹⁸ Террористическая организация, запрещена в РФ.

¹⁹ The End of Operation Barkhane // International Institute for Counter-Terrorism (ICT) URL: <https://ict.org.il/the-end-of-operation-barkhane/> (дата обращения: 24.11.2025).

При этом, в 2022 г. первая страна из большой пятерки, Мали, потребовала вывод французских войск со своей территории. В 2021 г. в Мали случился военный переворот и все громче стали звучать антифранцузские лозунги, которые подхватили и другие страны «пятерки». Менее чем через месяц Франция сообщила о том, что прекращает военное сотрудничество с Мали, а чуть позже президент страны Э. Макрон заявил, что Франция будет кардинально пересматривать свое военное присутствие в регионе и прекращает операцию «Бархан».

С 17 февраля 2022 г. по 15 августа 2022 г. Франция выводила свои войска, а также военный контингент численностью 400 человек из Буркина-Фасо, а в январе 2023 г. правительство Буркина-Фасо заявило о разрыве военного соглашения с Францией²⁰. Часть военнослужащих была переброшена в Нигер, но в июле 2023 г. на территории данного африканского государства также произошел переворот и изменен вектор в сотрудничестве с Францией. Именно поэтому 9 октября 2023 г. первые 50 французских военных покинули Нигер.

Отметим, что помимо описанных военных операций в регионе также проводились и другие операции. Примером является европейская военная оперативная группа «Такуба», возглавляемая Францией, которая проводилась параллельно с операцией «Бархан». Она была создана в 2020 г. и была направлена на борьбу с террористическими группировками в большинстве своем на территории Мали²¹. В 2022 г. операция была завершена в связи с реорганизацией военной стратегии Франции на территории Сахеля.

В итоге полного разрешения вопроса относительно обеспечения безопасности не произошло. Из эффективного метода Парижа в системе «Франсафрики» военное присутствие привело к кризису проводимой Францией политики, а многие страны Африки на данный момент воспринимают антитеррористические операции

---

²⁰ В Буркина-Фасо заявили, что разорвали военное соглашение с Францией, но не дипотношения // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16864493> (дата обращения: 26.11.2025).

²¹ Последние французские военные покинули Мали // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15475555> (дата обращения: 26.11.2025).

французов как военную интервенцию и преследование своих интересов на континенте. В итоге, во время визита в 2023 г. в Габон Э. Макрон заявил об окончании «эпохи французской Африки». Это не означает полный уход страны с континента, но говорит о пересмотре основ сотрудничества, в т.ч. военного присутствия²².

Отметим, что сегодня ряд стран Сахеля демонстрируют интерес к сотрудничеству в данных сферах с Россией. Бывший премьер-министр Буркина-Фасо Аполлинер Кьелем де Тамбела указал на то, что его страна сделала разумный выбор и этот выбор в пользу России, у которой по-настоящему впечатляющий опыт в борьбе с радикалами и джихадистами.

Важным итогом можно считать и то, что «Сахельская пятерка» в итоге прекратила свое существование. В первую очередь, это связано с вопросом безопасности. Также в трех из пяти стран «пятерки» произошли военные перевороты, в результате которых к власти пришли военные. Военный переворот в Нигере в 2023 г. привел к тому, что Мали, Буркина-Фасо и Нигер образовали новое объединение «Альянс государств Сахеля», который начал в т.ч. и антифранцузскую политику вне «Сахельской пятерки». Выход трех основополагающих стран привел к крушению объединения.

В дальнейшем можно предположить, что отношения бывшей метрополии и стран, которые ранее входили в «Сахельскую пятерку» будут довольно натянуты, в особенности, со странами нового Альянса. Попытки обеспечения безопасности не привели к видимым результатам, а помимо прекращения военных операций большинство стран также потребовали и вывод французских войск и военной техники. В данный момент страны озадачены вопросом безопасности, но во многом обращаются к совместным внутренним силам, а также иным дружественным странам, включая Российскую Федерацию.

Литература:

---

²² Макрон заявил об окончании «эпохи французской Африки» // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/03/2023/6400cb699a79477d02064f24> (дата обращения: 27.11.2025).

1. Андреева Л.А., Бобохонов Р.С., Воронина Н.А., Грибанова В.В., Мозговой С.А., Мосейко А.Н., Нефляшева Н.А., Пономарев И.В., Следзевский И.В., Уланова Н.С., Хайруллин Т.Р., Харитонова Е.В. Цивилизационные альтернативы Африки. Том IV. Постколониальный цивилизационный транзит Африки. М: Институт Африки РАН, 2024. 274 с.
2. Давидчук А.С., Дягтерев Д.А., Сидибе О. Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «коллективного Запада» // Актуальные проблемы Европы. 2022. №4. С. 50-78.
3. Жигулева А.А. Французская военная операция «Сервал» и ее роль в решении кризиса в Мали // Мой выбор-наука. 2023. С. 168-176.
4. Исаев Л.М., Бобарыкина Д.А., Коротаев А.В. Туарегский сепаратизм и исламистская угроза в Азаваде // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2022. № 4. С. 20–31.
5. Картунов А.В., Асланов И., Соломон Х., Мезенцев С. В. и др. Болевые точки Африканского континента: Сахель (обзор ситуации и перспективы): доклад Российского совета по международным делам (РСМД) и Международного Комитета Красного Креста (МККК). 77 изд. М.: НП РСМД, 2022. 60 с.
6. Рагунштейн А.Г., Рагунштейн О.В. Гражданская война и борьба с терроризмом в Мали (2012-2022 гг.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 3 (63). С. 112-122.
7. Филиппов В.Р. Приоритеты африканской политики Э. Макрона: операция «Бархан» // Международные отношения. 2018. №3. С. 80-92.

Аверьянов Ярослав Сергеевич
Студент факультета политологии,
СПбГУ
(007963082@gmail.com)

КВАЗИРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ В САХЕЛЕ (2020-2025): РАЗРУШЕНИЕ НЕОКОЛОНИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВЛАСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

В начале 2020-х гг. в странах Сахеля (Мали, Буркина-Фасо и Нигер) произошла череда военных переворотов, которая привела к формированию т.н. «пояса переворотов». Государства, примыкающие к «поясу переворотов», оказались под властью новых правительств, которые заявили о намерении «вернуть власть народу» и «защитить страну от экстремистов». Также новые режимы демонстративно отвергли прежние модели управления, в основах которых лежали связи с бывшими колониальными державами. Перевороты в Сахеле 2020–2025 гг. являются квазиреволюционным процессом, направленным на демонтаж неоколониальных механизмов управления. Эта «революционность» проявляется в едином антиглобалистском дискурсе новых правительств, часто в пророссийском формате (анти-Франция) и создании нового регионального объединения – Альянса стран Сахеля (*Alliance of Sahel States, AES*) – после выхода из Экономического сообщества западноафриканских государств (*ECOWAS*)¹.

Сторонники новых правительств обвиняют прежние режимы и международные организации в неспособности обеспечить безопасность и развитие. Это выражено в широкой популяризации антикоррупционной риторики и критике неолиберальных реформ, проводимых под эгидой «западных партнёров». Например, во всех трёх странах военные сразу после прихода к власти разорвали

---

¹ Human Rights Research. Military Coups in the Sahel: A Step Forward for Decolonization and a Step Backwards for Human Rights. URL: <https://www.humanrightsresearch.org/post/military-coups-in-the-sahel-a-step-forward-for-decolonization-and-a-step-backwards-for-human-rights> (дата обращения: 02.12.2025).

соглашения с Францией, потребовали вывода французских войск, отменили трансляцию канала RFI и выслали французских дипломатов. Такие шаги символизируют отказ от «колониальных уз». Новые власти решили опереться на антифранцузские настроения, чтобы расширить свою легитимность в народной среде. Режимы использовали уже существовавшие антиколониальные настроения населения, преподнося свои перевороты как «необходимые» для полной деколонизации и восстановления суверенитета². Новые правительства представляют себя «наследниками панафриканизма» и противниками неоколониальной гегемонии Франции. Данная позиция позволяет им объединять граждан «против общего врага» — колониального прошлого и неоколониального настоящего — и тем самым легитимировать свою власть. Общая картина укладывается в рамки квазиреволюционной теории: власти декларируют изгнание «псевдоэлит» и «проведение настоящей независимости», формируя нарратив о «перестройке государства» по антиколониальному образцу³.

Сформировавшиеся режимы в Сахеле последовательно демонстрируют схожие ценности: с одной стороны – недовольство ролью ECOWAS и Франции, с другой – установление связей с новыми союзниками (к примеру, с Россией). После переворота 2021 г. власти Мали отвернулись от Франции и выбрали Россию в качестве своего основного военного партнёра. Это решение носит во многом символический характер «утверждения суверенитета» и объясняется неэффективностью операций французской армии (операция «Бархан») против джихадистов за предыдущие годы⁴. Аналогичным образом, новые правительства Буркина-Фасо и Нигера, унаследовавшие упадок гражданских институтов, также быстро

---

² IPS Journal. A coup after coup in the Sahel – Democracy and society. URL: <https://www.ips-journal.eu/topics/democracy-and-society/a-coup-after-coup-in-the-sahel-6976/> (дата обращения: 02.12.2025).

³ Tricontinental: Institute for Social Research. The Sahel Seeks Sovereignty. URL: <https://thetricontinental.org/dossier-sahel-alliance-sovereignty/> (дата обращения: 02.12.2025).

⁴ International Crisis Group. Mali: Avoiding the Trap of Isolation. URL: <https://www.ecoi.net/en/document/2087711.html> (дата обращения: 02.12.2025).

объявили о переориентации на Россию и отказе от сотрудничества с Западом.

В марте 2022 г. Мали предъявило Франции ультиматум – французские войска должны уйти без промедления. В результате весной 2022 г. Франция начала выводить войска из Мали и закрывать базы по всему Сахелю. К концу 2022 г. завершился вывод большей части контингента «Бархан», а в начале 2023 г. Париж официально прекратил миссию в регионе⁵. Одновременно военные правительства приостановили деятельность многих западных миссий: Мали выслало штаб миссии ООН (*MINUSMA*) и приостановило выполнение мирных соглашений⁶. Потеря этих «инструментов» Запада (финансирование, военные базы) подорвала прежнюю систему региональной безопасности.

На смену ушедшим западным силам пришли новые акторы. В период геополитической трансформации растущее антифранцузское настроение сочеталось с нестабильностью, что проложило путь для наращивания российского влияния и прихода группы «Вагнера» в Мали, а также потенциального развертывания в соседней Буркина-Фасо⁷. США, страны ЕС и Великобритания свернули военные миссии в Сахеле, тогда как Россия начала успешно заполнять возникший вакуум: сначала через группу «Вагнера», а после его ухода – через государственный «Африканский корпус». К середине 2025 г. в Мали уже появились подразделения «Африканского корпуса». Кроме того, в 2024–2025 гг. Нигер и Буркина-Фасо подписали первые соглашения о переброске российских военных сил⁸. «Ослабление» западных структур сочетается с «усилением» новых акторов на местах.

---

⁵ Ministère des Armées. Opération Barkhane URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/bande-sahelo-saharienne/operation-barkhane> (дата обращения: 02.12.2025).

⁶ Africa Is a Country. Mali's sovereignty dilemma. URL: <https://africasacountry.com/2025/10/mali-sovereignty-dilemma> (дата обращения: 02.12.2025).

⁷ ACLED (Armed Conflict Location & Event Data Project). Conflict Watchlist 2023: The Sahel. URL: <https://acleddata.com/report/conflict-watchlist-2023-sahel> (дата обращения: 02.12.2025).

⁸ RAND Corporation. The Wagner Group Is Leaving Mali. But Russian Mercenaries Aren't Going Anywhere. RAND Commentary, June 2025. URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2025/06/the-wagner-group-is-leaving-mali-but-russian-mercenaries.html> (дата обращения: 02.12.2025).

В центральном Сахеле действуют две крупные исламистские сети – «Джамаат Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин» и «Исламское государство в Большом Сахеле»⁹ – которые действуют на территориях Буркина-Фасо, Мали, Нигера и соседних стран. В 2022–2023 гг. уровень насилия достиг исторического максимума: число жертв политического насилия в Буркина-Фасо выросло более чем вдвое по сравнению с 2021 г., и почти вдвое в Мали. Джихадисты не прекратили свои кампании после установления новых правительств; напротив, два основных джихадистских движения в регионе в основном продолжили использование своих прошлых стратегий, но при этом отреагировали на появление новых акторов и использовали возможности для расширения контроля над территориями¹⁰. Фактически ослабление государственных институтов увеличило число военных столкновений.

В этой ситуации новые режимы прикрываясь наличием джихадистской угрозы в регионе пытаются оправдать свою власть. В публичной риторике они представляют себя «спасителями» государства, ведущими «войну» с экстремистами и предотвращающими распад страны. Практически все лидеры новых правительств подчёркивали, что предшествующие гражданские власти провалили борьбу с терроризмом. Перевороты были в основном оправданы желанием мятежников улучшить ситуацию после неспособности прежних режимов сделать это.

В итоге череда военных переворотов в Сахеле имеет квазиреволюционный характер, поскольку новые власти провозглашают своей целью свергнуть старый порядок, порождённый эпохой колониализма. Эти изменения произошли на фоне ослабления западных механизмов безопасности (вывода войск, распада региональных альянсов) и усиления влияния альтернативных акторов (Россия, ЧВК, другие).

---

⁹ Запрещенные в РФ организации.

¹⁰ ACLED (Armed Conflict Location & Event Data Project). Conflict Watchlist 2024: The Sahel — A Deadly New Era in the Decades-long Conflict. URL: <https://acleddata.com/report/conflict-watchlist-2024-sahel-deadly-new-era-decades-long-conflict> (дата обращения: 02.12.2025).

Белореков Михаил Вадимович
магистрант Института международных отношений и мировой истории,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
(mbelorekov@bk.ru)

ВОЗМОЖНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ЗАНЗИБАР, КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ, ПРИМЕР ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

1. Методологическая основа

Цивилизационный подход (Шпенглер, Тойнби, Хантингтон) рассматривает историю как совокупность уникальных цивилизаций с собственным культурным кодом, цикличностью развития и идентичностью. В отличие от линейных моделей, он акцентирует внимание на взаимодействии культур, роли символов и памяти. Занзибар, с его сложным синтезом африканских, арабских, индийских и европейских влияний, является идеальным примером для применения этого подхода.

2. Занзибар как цивилизация на перекрёстке миров

Исторически Занзибар был центром торговли и культурного обмена. Смешение арабских, персидских, африканских и индийских традиций сформировало уникальную социальную структуру (ширази, арабы, индийцы, магози). Революция 1964 г., свергнувшая султанат и приведшая к объединению с Танганьикой в составе Танзании, стала не просто политическим переворотом, но и цивилизационным разломом, положившим конец арабскому доминированию и вызвавшим глубокие социальные расколы.

3. Эволюция политико-культурной идентичности

Политическая история Занзибара отражает борьбу за доминирование различных цивилизационных моделей:

ZNP (Национальная партия Занзибара): арабо-исламская модель, ориентация на Ближний Восток.

ASP (Партия «Афро-Ширази»): афроцентричная модель, приведшая к революции и объединению с Танганьикой.

CUF (Гражданский объединенный фронт): современная автономистская модель, апеллирующая к культурному самоопределению.

Концепция «Афрабии» (Али Мазруи, Харис Гассани) предлагает синтез африканского и арабского наследия как основу для новой цивилизационной идентичности, альтернативной конфронтационным моделям.

4. Память и миф в формировании идентичности

Ключевым «местом памяти» для Занзибара является Революция 1964 г. Её интерпретация разделяет общество: для правящей партии ССМ это символ освобождения, для оппозиции и арабской диаспоры — трагедия и несправедливость. Это осложняет достижение национального примирения.

5. Современные вызовы и перспективы

На развитие Занзибара влияют как внутренние, так и внешние факторы. Внутренние: раскол между Занзибаром и Пембой, конфликт автономии и единства с Танзанией, религиозный фактор (ислам vs светскость). Внешние: региональная нестабильность (радикализм в Мозамбике и Сомали), экономические риски, миграционное давление, влияние глобализации на традиционную идентичность. Возможные сценарии развития: консолидация в составе Танзании — усиление интеграции в условиях региональной нестабильности; радикализация и движение к независимости — под влиянием исламистских групп («Уамшо»); адаптивный синтез — использование мультикультурного наследия как ресурса для развития (культурный туризм, диалог цивилизаций).

6. Заключение

Занзибар представляет собой «лабораторию» цивилизационного развития, где сталкиваются африканские, арабские и глобальные влияния. Его будущее зависит от способности общества преодолеть травмы прошлого, найти баланс между автономией и единством, а

также адаптировать уникальную цивилизационную модель («Афрабию») к вызовам глобализации и региональной нестабильности. Уроки Занзибара имеют значение для понимания путей развития сложносоставных обществ в современном мире.

Буркова Валентина Николаевна

*к.и.н., с.н.с. Центра кросс-культурной психологии и этологии человека,
ИЭА РАН
(burkova@v@gmail.com)*

Бутовская Марина Львовна

*чл.-корр. РАН, д.и.н., профессор,
руководитель Центра кросс-культурной психологии и этологии человека,
ИЭА РАН
(marina.butovskaya@gmail.com)*

ВОСПРИЯТИЕ ОТЦОВСКОЙ ЗАБОТЫ СРЕДИ СТУДЕНТОВ ТАНЗАНИИ В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ СРАВНЕНИИ С УЧЕТОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНДЕКСОВ

В современном мире наблюдается глубокая трансформация института семьи, затрагивающая прежде всего отношения между супругами, родителями и детьми. На смену традиционной модели приходят новые формы семейной жизни, что находит отражение в растущем числе разводов, популяризации гражданских союзов, стирании гендерных ролей и углублении разрыва между поколениями.

Уровень разводимости тесно связан с процессами социально-культурной трансформации, которые характеризуют переход к современному обществу с более высоким уровнем благосостояния. Кросс-культурные исследования показывают, что в целом индивидуалистические общества демонстрируют более благоприятные отношения к разводу, чем коллективистские¹.

Проявления отцовства существенно различаются в зависимости от этнической, социальной и культурной среды. Современные представления о «хорошем воспитании», сложившиеся в рамках

---

¹ Toth K., Kemmelmeier M. Divorce attitudes around the world: Distinguishing the impact of culture on evaluations and attitude structure // Cross-Cultural Research. 2009. Vol. 43. № 3. Pp. 280-297; Santos H.C., Varnum M.E., Grossmann I. Global increases in individualism // Psychol. Sci. 2017. № 28. Pp. 1228–1239.

ценностей европейского среднего класса, включают такие характеристики, как эмоциональная теплота, чуткость, авторитетность и высокая вовлеченность родителей. Однако подобная модель чаще реализуется в специфических условиях: когда оба родителя генетически связаны с ребенком, уровень неопределенности отцовства низкий, репродуктивный период продолжителен, а у семьи достаточно ресурсов для инвестирования в малочисленное потомство, проживающее в стабильной и безопасной среде. Напротив, стиль воспитания, оцениваемый в этой системе координат как «плохой» (например, отстраненный, пренебрежительный или низкоактивный), чаще возникает при нарушении перечисленных условий. Однако такая дихотомия не может быть универсально применима к неевропейским обществам, таким как традиционные культуры Африки или Азии. В этих контекстах как высокоинвестиционные, так и низкоинвестиционные стратегии воспитания носят адаптивный характер и отражают оптимальные решения для конкретных социальных, экономических и экологических условий². Эмпирические данные свидетельствуют, что в африканских сообществах концепция «хорошего отца» преимущественно ассоциируется с экономической функцией³. Таким образом, оценка родительских практик требует учета культурной и экологической специфики: то, что считается «недостаточной заботой» в одном обществе, может быть рациональной стратегией выживания в другом.

Цель данного исследования – кросс-культурная сравнительная оценка восприятия отцовской заботы в представлениях молодежи из Танзании в сравнении с кросс-культурными данными из 15 стран. Для

---

² Ellis B.J., Figueredo A.J., Brumbach B.H., Schlomer G.L. Fundamental dimensions of environmental risk: The impact of harsh versus unpredictable environments on the evolution and development of life history strategies // *Human Nature*. 2009. Vol. 20. P. 204–268. DOI: 10.1007/s12110-009-9063-7; Evans D.K., Jakiela P. The role of fathers in promoting early Childhood Development in Low-and Middle-Income countries: a review of the evidence // *The World Bank Research Observer* 2024. Vol. 40(2), Pp. 211–228. DOI: 10.1093/wbro/lkae009

³ Alsager A. et. al. “Good fathers”: Community perceptions of idealized fatherhood and reported fathering behaviors in Mwanza, Tanzania. *PLOS Glob Public Health*. 2024. Vol. 4(7). № e0002587. DOI: 10.1371/journal.pgph.0002587; Evans D.K., Jakiela P. The role of fathers in promoting early Childhood Development in Low-and Middle-Income countries: a review of the evidence // *The World Bank Research Observer* 2024. Vol. 40(2), P. 211–228. DOI: 10.1093/wbro/lkae009

этого данные были собраны с использованием стандартизированной методологии в 16 странах, характеризующихся различным культурным контекстом и религиозными верованиями. Полученные данные также проанализированы во взаимосвязи с индексами индивидуализма/коллективизма, дистанцированности власти, валового национального дохода и индекса гендерного равенства по каждой из стран.

Опрос проходил среди студентов различных ВУЗов в крупных городах из 16 стран мира. Выборка по Танзании составила 369 человек. Общая выборка исследования составила 10 009 человек из 4 европейских стран (Беларусь, Болгария, Греция, Россия), 11 азиатских и ближневосточных (Индия, Индонезия, Иран, Ирак, Иордания, Казахстан, Малайзия, Пакистан, Саудовская Аравия, Таиланд, Турция), 1 африканской (Танзания).

Студенты заполняли опрос онлайн на английском языке. В исследовании были использованы: 1) короткая версия опросника «Отцовская забота» (в предлагаемых в анкете утверждениях респонденты оценивали заботу отца, включая его эмоциональную и инструментальную поддержку, а также спектр родительских обязанностей); 2) модифицированная версия шкалы «Экономическое благополучие семьи», где максимальные оценки соответствовали максимальному уровню бедности. Респондентам предлагалось оценить экономический уровень жизни семьи в период детства; 3) Короткая версия опросника «Отношение к женщинам», где респондентов просили оценить свои представления о распределении мужских и женских ролей. Глобальные индексы, используемые для сравнительного анализа, взяты из свободных для доступа ресурсов: <https://www.hofstedeinsights.com>, <https://www.oecd.org>, <https://eige.europa.eu/gender-equality-index>.

Анализ данных показал, что наиболее значимыми факторами, влияющими на уровень отцовской заботы, были: статус семьи (полная или в разводе) и уровень образования отца (отцы с более высоким

уровнем образования имели более высокие баллы по отцовской заботе по мнению их детей).

Кросс-культурное сравнение данных показало, что Танзания (страна с коллективистскими ценностями) имеет одну из самых низких оценок отцовской заботы, что связано с низким уровнем социально-экономического статуса семьи вкупе с низким уровнем образования отцов. Данные факторы риска выделяются и в других исследованиях в странах субсахарской Африки⁴. Сравнительный анализ полученных данных с официальными данными по валовому национальному доходу на душу населения показал, что Танзания занимает самое последнее место из исследованных нами стран по уровню достатка, что значимо скоррелировано с низким отцовским вкладом. При этом, по уровню разводимости Танзания попала в кластер стран с низким уровнем индивидуализма, но средним уровнем разводимости (12,7%).

Материалы подготовлены в соответствии с планом НИР Института этнологии и антропологии РАН.

Литература:

1. Alsager A. et. al. "Good fathers": Community perceptions of idealized fatherhood and reported fathering behaviors in Mwanza, Tanzania. *PLOS Glob Public Health*. 2024. Vol. 4(7). № e0002587. DOI: 10.1371/journal.pgph.0002587
2. Boniphace M. et. al. The fear of social stigma experienced by men: a barrier to male involvement in antenatal care in Misungwi District, rural Tanzania // *BMC Pregnancy and Childbirth*. 2022. Vol. 22(1). № 44. DOI:10.1186/s12884-022-04383-x
3. Ellis B.J., Figueredo A.J., Brumbach B.H., Schlomer G.L. Fundamental dimensions of environmental risk: The impact of harsh versus unpredictable environments on the evolution and development of life

---

⁴ Boniphace M. et. al. The fear of social stigma experienced by men: a barrier to male involvement in antenatal care in Misungwi District, rural Tanzania // *BMC Pregnancy and Childbirth*. 2022. Vol. 22(1). № 44. DOI:10.1186/s12884-022-04383-x; Rabie S., Skeen S., Tomlinson M. *Fatherhood and Early Childhood Development: Perspectives from Sub-Saharan Africa // Handbook of Fathers and Child Development: Prenatal to Preschool*. Cham: Springer International Publishing, 2020. Pp. 459–471.

history strategies // *Human Nature*. 2009. Vol. 20. P. 204–268. DOI: 10.1007/s12110-009-9063-7

4. Evans D.K., Jakiela P. The role of fathers in promoting early Childhood Development in Low-and Middle-Income countries: a review of the evidence // *The World Bank Research Observer* 2024. Vol. 40(2), Pp. 211–228. DOI: 10.1093/wbro/lkae009

5. Rabie S., Skeen S., Tomlinson M. Fatherhood and Early Childhood Development: Perspectives from Sub-Saharan Africa // *Handbook of Fathers and Child Development: Prenatal to Preschool*. Cham: Springer International Publishing, 2020. Pp. 459–471.

6. Santos H.C., Varnum M.E., Grossmann I. Global increases in individualism // *Psychol. Sci.* 2017. № 28. Pp. 1228–1239.

7. Toth K., Kemmelmeier M. Divorce attitudes around the world: Distinguishing the impact of culture on evaluations and attitude structure // *Cross-Cultural Research*. 2009. Vol. 43. № 3. Pp. 280-297.

Бурьянов Сергей Анатольевич
к.ю.н., доцент, научный руководитель Global Law Forum
(rokiserg@yandex.ru)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Сегодня мы живем в условиях глобальных экономических диспропорций¹ и системной дестабилизации миропорядка, приближающей человечество к глобальной катастрофе². Прямо сейчас старый государствоцентричный мировой порядок распадается и уходит, разрушая города и унося миллионы жизней, а также приводя к деградации окружающей среды. Огромный потенциал цифровой глобализации 4.0³ в значительной мере используется против человечества, порождая новые глобальные негативные последствия, усиливая системный кризис и приближая точку невозврата. Данные негативные последствия неразрывно взаимосвязаны с процессами дестабилизации в странах Африки⁴. Таким образом, актуальность данного исследования предопределяется необходимостью научного поиска подходов к преодолению глобальной и региональной системной дестабилизации и достижению устойчивого управляемого развития.

Обобщая многообразие подходов, определим дестабилизацию как период повышенной турбулентности, неопределенности и

---

¹ Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. Springer, Cham. 2015.

² Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. Глобализация мирового порядка и право силы. Что привело к обострению силового геополитического противостояния в современном мире и есть ли перспектива эволюционировать к устойчивому человекоориентированному развитию? Часть 1. // Евразийский юридический журнал. 2025. № 5 (204). С. 23-27; Бурьянов С. А., Бурьянов М.С. Глобализация мирового порядка и право силы. Что привело к обострению силового геополитического противостояния в современном мире и есть ли перспектива эволюционировать к устойчивому человекоориентированному развитию? Часть 2. // Евразийский юридический журнал. 2025. № 7 (206). С. 21-25.

³ Чумаков А.Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 36–46.

⁴ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Африка: геополитические мирсистемные аспекты и возможности России // Век глобализации. 2024. № 4. С. 20–34.

дисфункций существующего мирового порядка – это нарушение стабильности на глобальном и региональном уровнях в сфере общественно-техноприроднокосмических взаимодействий, чреватые масштабными негативными последствиями (вплоть до катастрофических) и подразумевающие необходимость (и возможность) совместных усилий мирового сообщества для их устранения и перехода к устойчивому управляемому развитию.

Глобальная системная дестабилизация тесно взаимосвязана с доминирующими силовыми, т.е. допускающими применение силы в международных отношениях, моделями международных отношений (одно-, двух-, многополярных). В очень значительной мере современный государствоцентричный и подверженный существенным дисфункциям миропорядок сформирован упомянутыми центрами прежде всего военной силы. Формирование нового справедливого человекоориентированного миропорядка требует разработки и реализации принципиально новой, исключающей применение силы в международных отношениях, модели международных отношений на новых принципах. Новая неполярная и несиловая модель международных отношений должна быть основана на приоритете прав человека, во главе с цифровыми правами, что будет способствовать адекватному миропорядку и преодолению дестабилизации.

Деятельность Лиги Наций, а затем Организации Объединенных Наций (ООН) с первых дней своего существования была направлена на построение безопасного и справедливого мирового порядка. В Уставе ООН (1945) в качестве важных основ международной нормативной системы были закреплены основополагающие взаимосвязанные принципы: разрешения международных споров мирными средствами; воздержания от угрозы силой и ее применения; территориальной неприкосновенности; невмешательства; сотрудничества; равенства; обеспечения выполнения этих принципов всеми государствами для поддержания международного мира и безопасности, а также права человека (закрепленные в преамбуле).

Эволюция международного права направлена на достижение мира, безопасности и стабильности на планете⁵.

Запрет на применение силы в международных отношениях впервые в истории нашел свое правовое закрепление именно в Уставе ООН и был развит в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом ООН (1970), в Заключительном акте СБСЕ (1975), а также в Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях (1987). Однако, на практике реализация этого крайне важного для миропорядка принципа сталкивается с целым рядом теоретических и практических проблем, включая злоупотребления правом «вето» постоянными членами Совета Безопасности ООН и неоправданно широкое применение права государств на самооборону.

В июле 2023 г. впервые состоялось заседание Совета Безопасности ООН, посвященное потенциальным угрозам искусственного интеллекта для международного мира и безопасности. В октябре 2023 г. был создан Консультативный орган высокого уровня по искусственному интеллекту при Генеральном секретаре ООН, состоящий из 39 экспертов из 33 стран. 30–31 мая 2024 г. состоялся Глобальный саммит МСЭ ООН «ИИ во благо». Летом 2025 г. в Женеве состоялся очередной Глобальный саммит «ИИ во благо» (включая День управления ИИ). МСЭ ООН уже опубликовал более 100 стандартов, связанных с искусственным интеллектом, еще 120 находятся в разработке. Также в 2024 г. МСЭ ООН опубликовал отчет «День управления искусственным интеллектом: от принципов к реализации. Отчет за 2024 г. МСЭ».

Летом 2024 г. ГА ООН приняла инициированную Китаем резолюцию, призывающую государства, международные организации и финансовые институты оказать помощь развивающимся странам во

---

⁵ Фархутдинов И.З. Эволюция международного права — от Вестфалия до Версаля. М.: ИНФРА-М, 2024. 446 с.; Фархутдинов И.З. Эволюция международного права от Версаля до Мюнхена (1919–1938). Мифы и реалии. М.: ИНФРА-М, 2025. 496 с.

внедрении ИИ. Ранее в этом году США продвигали резолюцию ООН, выступающую за «безопасные, защищенные и заслуживающие доверия» системы ИИ, получив поддержку более 110 стран, включая Китай.

22 сентября 2024 г. в рамках мероприятия высокого уровня ООН «Саммит будущего» был принят, а затем утвержден на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Глобальный цифровой договор, который закрепил приоритет устойчивого развития и прав человека, устраняя такие риски, как цифровое неравенство и неправомерное использование технологий. Целью договора является преодоление цифрового разрыва и обеспечение ответственного использования технологий ИИ, способствуя глобальному сотрудничеству как в области возможностей ИИ, так и угроз безопасности.

В сентябре 2025 г. в контексте 80-й сессии ГА ООН представлен Глобальный призыв к установлению международно-правовых «красных линий» для искусственного интеллекта (Global Call for AI Red Lines). Предлагается принять конвенцию, запрещающую: передачу управления ядерным оружием ИИ, включая автоматизированное принятие решений о применении ядерного оружия; развертывание полностью автономного летального оружия без значимого контроля человека; использование ИИ для массового наблюдения и систем социального ранжирования; создание систем ИИ, способных к неконтролируемому самовоспроизведению или значительному самосовершенствованию; системы ИИ, которые невозможно немедленно отключить при потере контроля. Этот призыв позиционируется как критически важный шаг для предотвращения экзистенциальных рисков и обеспечения глобальной безопасности в эпоху быстрого развития передовых ИИ-технологий.

В эпоху цифровой глобализации правовое закрепление и реализация нового поколения глобальных цифровых прав человека⁶

---

⁶ Бурьянов М.С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации. Монография. Под науч. ред. С. А. Бурьянова. М.: Русайнс, 2024. 148 с.; Бурьянов М.С. Цифровые права человека как условие эффективного участия России и других государств-

является ключевым фактором преодоления дестабилизации, неравенства и иных глобальных негативных последствий, а также сохранения и развития каждого человека планеты через обеспечение возможностей доступа к цифровым ресурсам и пользования общественно-техноприроднокосмическими благами (включая образование, здравоохранение, социальные услуги)⁷.

Здесь следует согласиться с мнением к.и.н., ст. науч. сотр. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН С.А. Мозгового, что «ключевой проблемой, тормозящей работу по внедрению технологий ИИ в деятельности африканских стран, является их цифровое отставание от стран других континентов»⁸. Соответственно, реализация цифровых прав человека будет способствовать преодолению цифрового разрыва в странах Африки. Реализация экологического императива через реализацию экологических прав человека, формирование планетарной системы цифровых образования и просвещения также будут способствовать преодолению негативных последствий, включая конфликтность и дестабилизацию.

Преодоление дестабилизации требует преодоления политически обусловленного чрезмерного социального неравенства, которое в мировом масштабе усиливается прежде всего в связи с отставанием оплаты труда от роста его производительности, в т.ч. из-за внедрения цифровых технологий.

Кроме того, преодоление дестабилизации на глобальном и региональных уровнях требует преодоления этноконфессиональных противоречий⁹ и создания бесконфликтных и равноправных

участников евразийского экономического союза в цифровизации 4.0 // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2021. № 2 (56). С. 83-90.

⁷ Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. В поисках адекватного миропорядка. Будущее верховенства права в эпоху цифровой глобализации 4.0 // Век глобализации. 2024. № 2 (50). С. 127–140.

⁸ Мозговой С.А. Цифровизация как фактор современного этапа африканского цивилизационного транзита // Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки: Материалы конференции, Москва, 04 декабря 2024 года. Москва: Московская редакция издательства "Учитель", 2025. 186 с. С. 102-110.

⁹ Мозговой С.А. Некоторые вопросы правового регулирования взаимоотношений вооружённых сил с русской православной церковью (1992 г. - настоящее время) // Военно-юридический журнал. 2011. № 3. С. 27-32.

отношений в обществе и государстве¹⁰. В указанном ключе представляется важной светскость государственных институтов¹¹, включая вооруженные силы¹², и совершенствование механизмов реализации права на свободу совести¹³. Подчеркнем, что мировоззренческий нейтралитет государств является важнейшим условием достижения мира и согласия в современном обществе¹⁴. В качестве правового решения нами разработана новая парадигма права на свободу совести как системообразующего права в системе прав человека¹⁵ – без привязки к юридически неопределяемой «религии»¹⁶, а также концепция мировоззренческого нейтралитета и толерантности¹⁷ в качестве гарантии реализации прав человека, включая право на свободу совести¹⁸.

Научный поиск путей преодоления глобальной дестабилизации требует развития глобалистики 4.0, а практическая деятельность должна опираться на глобальные право и образование, что требует развития правовой и образовательной глобалистики 4.0. Преодоление глобальной системной дестабилизации объективно требует перехода к новой человекоориентированной парадигме глобального развития –

---

¹⁰ Мозговой С.А. «Основы православной культуры» в российской светской школе: социально-правовой анализ // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 274-294.

¹¹ Иванеев С.В. К вопросу о связи светского и религиозного в системе современного образования // Человеческий капитал. 2014. № 7 (67). С. 44-48.

¹² Иванеев С.В. Рационально-этические ориентиры в правовом воспитании военнослужащих // Военное право. 2017. № 5 (45). С. 138-142.

¹³ Бурьянов С.А., Бурьянов М.С., Никитаев Д.М. Право на свободу совести в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации в Российской Федерации. М.: Русайнс, 2020. 236 с.

¹⁴ Проблемы реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России: Информационно-аналитический отчет Института свободы совести 2001 - сентябрь 2004 гг. / С.А. Бурьянов, С.А. Мозговой. 1-е издание. М.: Институт свободы совести, 2004. 421 с.

¹⁵ Бурьянов С.А. Международное признание права на свободу совести и проблемы его имплементации в Российской Федерации в условиях современных глобальных процессов. М. 2020. 624 с.

¹⁶ Бурьянов С.А. Универсальные международно-правовые документы о свободе совести и защите от нетерпимости и дискриминации: проблемы и перспективы развития // Международная защита прав человека и государственный суверенитет. Материалы международной научно-практической конференции. под общей редакцией Т.А. Сошниковой. М. 2015. С. 120-125.

¹⁷ Бурьянов С.А. Ксенофобия, нетерпимость и дискриминация по мотивам религии или убеждений в субъектах Российской Федерации. Специализированный информационно-аналитический доклад за 2006 - первую половину 2007 года. М., 2007. 240 с.

¹⁸ Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. Права человека как ключевой фактор достижения устойчивого управляемого развития // Век глобализации. 2022. № 4 (44) С.97-110.

больше свободы, равенства, справедливости и взаимоуважения, воплощаемых через реализацию нового поколения глобальных цифровых прав человека, а в итоге – создание возможностей доступности и пользования общественно-техноприроднокосмическими благами в целях сохранения и развития каждого человека планеты без дискриминации¹⁹.

Преодоление дестабилизации и достижение устойчивого управляемого развития человечества и отдельных регионов мира, включая Африку требует системных мер на всех основных уровнях: общенаучно-теоретическом и теоретико-правовом, правотворческом и нормативном, правоприменительном, гражданского общества, СМИ и массовых коммуникаций. Системообразующую роль в поиске путей преодоления кризиса играет новый эволюционный этап глобалистики 4.0, как междисциплинарной области научных исследований и новой формирующейся науки.

В контексте проблем преодоления дестабилизации и достижения устойчивого управляемого человекоориентированного развития на глобальном и региональном уровнях, включая Африку, отметим необходимость: 1) развития международного права во взаимодействии с внутригосударственными правовыми системами; 2) отказа от силовой геополитики и укрепления многосторонних международных (универсальных и региональных, включая Африку) институтов сотрудничества; 3) учета процессов усложнения, глобализации и цифровизации общественно-техноприроднокосмических взаимодействий; 4) эволюционного перехода от нестабильного государствоцентричного мирового порядка к устойчивому человекоориентированному, обеспеченному правами человека, включая цифровые, а также возможностями свободного мировоззренческого выбора на основе мировоззренческого нейтралитета государств; 5) полного запрета применения силы в международных отношениях с созданием системы контроля; 6)

---

¹⁹ Burianov M. Global Digital Human Rights in the Implementation of the Global Digital Compact: The Toolkit for Human-Centered GovTech, AI and Global Governance. United Humans Press, 2025. 380 p.

укрепления международного сотрудничества в области науки и образования, с перспективой формирования глобальной научно-образовательной системы; 7) формирования и масштабирования глобалистики 4.0, как современного этапа эволюции интегративного знания.

Мировой порядок должен стать: глобальным, интегрированным, преодолевающим глобальные цифровые вызовы, правовым, урегулированным, сбалансированным, человекоориентированным, несиловым, децентрализованным, сетевым цифровым, управляемым, демократическим, плюралистичным, мировоззренчески нейтральным, толерантным. Для воплощения в жизнь все вышеперечисленные принципы нового глобального мирового порядка обязательно должны быть закреплены в системе форм международного права, имплементированы и применены на уровнях внутригосударственных правовых систем.

Ключевая роль в достижении адекватного миропорядка принадлежит праву, так как оно призвано урегулировать и сбалансировать общественно-техноприроднокосмические взаимодействия, создав условия для управляемости и достижения устойчивого развития. Инновационное человекоориентированное право 4.0, базирующееся на цифровых правах человека – стержень стратегии преодоления глобальных негативных последствий, включая глобальную системную дестабилизацию.

Литература:

1. Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. Глобализация мирового порядка и право силы. Что привело к обострению силового геополитического противостояния в современном мире и есть ли перспектива эволюционировать к устойчивому человекоориентированному развитию? Часть 1. // Евразийский юридический журнал. 2025. № 5 (204). С. 23-27.

2. Бурьянов С. А., Бурьянов М.С. Глобализация мирового порядка и право силы. Что привело к обострению силового геополитического противостояния в современном мире и есть ли перспектива

эволюционировать к устойчивому человекоориентированному развитию? Часть 2. // Евразийский юридический журнал. 2025. № 7 (206). С. 21-25.

3. Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. В поисках адекватного миропорядка. Будущее верховенства права в эпоху цифровой глобализации 4.0 // Век глобализации. 2024. № 2 (50). С. 127–140. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.10

4. Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. Права человека как ключевой фактор достижения устойчивого управляемого развития // Век глобализации. 2022. № 4 (44) С.97-110. DOI: 10.30884/vglob/2022.04.07

5. Бурьянов М.С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации. М.: Русайнс, 2024. 148 с.

6. Бурьянов М.С. Цифровые права человека как условие эффективного участия России и других государств-участников евразийского экономического союза в цифровизации 4.0 // Технико-технологические проблемы сервиса. 2021. № 2 (56). С. 83-90.

7. Бурьянов С.А. Международное признание права на свободу совести и проблемы его имплементации в Российской Федерации в условиях современных глобальных процессов. М. 2020. 624 с.

8. Бурьянов С.А. Универсальные международно-правовые документы о свободе совести и защите от нетерпимости и дискриминации: проблемы и перспективы развития // Международная защита прав человека и государственный суверенитет. Материалы международной научно-практической конференции. под общей редакцией Т.А. Сошниковой. М. 2015. С. 120-125.

9. Бурьянов С.А. Ксенофобия, нетерпимость и дискриминация по мотивам религии или убеждений в субъектах Российской Федерации. Специализированный информационно-аналитический доклад за 2006 - первую половину 2007 года. М., 2007. 240 с.

10. Бурьянов С.А., Бурьянов М.С., Никитаев Д.М. Право на свободу совести в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации в Российской Федерации. М.: Русайнс, 2020. 236 с.

11. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Африка: геополитические мирсистемные аспекты и возможности России // Век глобализации. 2024. № 4. С. 20–34. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.02.

12. Иванеев С.В. К вопросу о связи светского и религиозного в системе современного образования // Человеческий капитал. 2014. № 7 (67). С. 44-48.
13. Иванеев С.В. Рационально-этические ориентиры в правовом воспитании военнослужащих // Военное право. 2017. № 5 (45). С. 138-142.
14. Мозговой С.А. Цифровизация как фактор современного этапа африканского цивилизационного транзита // Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки: Материалы конференции, Москва, 04 декабря 2024 года. Москва: Московская редакция издательства "Учитель", 2025. 186 с. С. 102-110.
15. Мозговой С.А. Некоторые вопросы правового регулирования взаимоотношений вооружённых сил с русской православной церковью (1992 г. - настоящее время) // Военно-юридический журнал. 2011. № 3. С. 27-32.
16. Мозговой С.А. «Основы православной культуры» в российской светской школе: социально-правовой анализ // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 274-294.
17. Проблемы реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России: Информационно-аналитический отчет Института свободы совести 2001 - сентябрь 2004 гг. / С.А. Бурьянов, С.А. Мозговой. 1-е издание. М.: Институт свободы совести, 2004. 421 с.
18. Фархутдинов И.З. Эволюция международного права — от Вестфаля до Версаля. М.: ИНФРА-М, 2024. 446 с. DOI: 10.12737/2135819
19. Фархутдинов И.З. Эволюция международного права от Версаля до Мюнхена (1919–1938). Мифы и реалии. М.: ИНФРА-М, 2025. 496 с. DOI 10.12737/2188100.
20. Чумаков А.Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 36–46.
21. Burianov M. Global Digital Human Rights in the Implementation of the Global Digital Compact: The Toolkit for Human-Centered GovTech, AI and Global Governance. United Humans Press, 2025. 380 p.
22. Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. Springer, Cham. 2015. DOI: 10.1007/978-3-319-17780-9

Бутовская Марина Львовна
*чл.-корр. РАН, д.и.н., профессор, руководитель Центра кросс-культурной
психологии и этологии человека, ИЭА РАН; НИУ ВШЭ
(marina.butovskaya@gmail.com)*

ТАНЗАНИЯ СЕГОДНЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ АФРИКИ*

В рамках данного доклада будет проанализирована современная ситуация в Танзании, связанная с президентскими выборами и последовавшими за ними массовыми протестами. Как известно, сами выборы состоялись 29 октября 2025 г., а официальные результаты были объявлены 1 ноября. Самия Сулуху Хасан победила на выборах президента, получив 97,66% голосов. 3 ноября 2025 г., она была официально приведена к присяге и вступила в должность президента Объединенной Республики Танзания. Самия Хасан представляет правящую партию Чама Ча Мапиндузи (ССМ), находящуюся у власти 64 года с момента обретения Танзанией независимости. Лидеры основной оппозиционной партии, Чадема, заявили о фальсификации выборов и призвали к акциям массового неповиновения, которые вскоре последовали. Демонстрации и массовые столкновения с полицией прошли в основных городах Танзании, включая Дар-эс-Салаам, Додому, Арушу, Мбею, Мванзу, Тундуму и Кигому. Активные беспорядки вспыхнули к вечеру 29 октября и продолжались в течение трех дней. В результате, полицейские участки, государственные здания, некоторые гостиничные комплексы и другие строения были сожжены и/или получили серьезные повреждения. Пострадали люди, как гражданские, так и полицейские/военные. Ситуация в Танзании будет рассмотрена с позиций общих тенденций политических трансформаций, происходящих в странах Субсахарской Африки. Будут проанализированы факторы, приведшие к социальному взрыву, и спрогнозированы пути выхода из возникшего кризиса.

---

* Доклад подготовлен в рамках гранта РФФ 23-18-0027.

Грибанова Анна Александровна
Аспирант,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
РУДН им. Патриса Лумумбы
(gribanova-aa@rudn.ru)

ВИЭ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И СТРАН ССАГПЗ В АФРИКЕ*

Энергия является важной движущей силой экономики, поэтому энергетическая безопасность представляет собой один из основных вопросов современного общества.

Идея энергетической безопасности в последнее время находится в центре многих политических дебатов. Так, глобальная энергетическая безопасность определяется как совокупность мер, призванных обеспечить оптимальный баланс спроса и предложения на мировом рынке, основанный на должном учете интересов потребителей и производителей энергоресурсов, а также транзитных стран. Кроме того, концепция энергетической безопасности в настоящее время все чаще ассоциируется с устойчивостью: быстрое реагирование на проблемы и предотвращение перебоев в подаче электроэнергии. В последнее время основное внимание уделяется таким ключевым вопросам, как международное сотрудничество, оптимальная организация рынков и унификация условий доступа потребителей к мировым энергоресурсам.

Постоянное и надежное энергоснабжение является одним из ключевых условий развития государства, поэтому неудивительно, что большое внимание уделяется преодолению проблемы энергоснабжения. Доступность энергии, а также эффективность критической инфраструктуры чрезвычайно важны для качества жизни населения, развития экономики и функционирования

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-78-00147, <https://rscf.ru/project/25-78-00147/>

государственного сектора любой страны. Это включает в себя способность поставлять энергию, защиту энергетической инфраструктуры, контроль цен на энергоносители, а также устойчивое управление невозобновляемыми источниками энергии.

В начале XXI в., как и в XX в. основными ресурсами для получения энергии остаются уголь, нефть и газ. Учитывая рост населения Земли, увеличение потребностей энергии и значительное истощение невозобновляемых ресурсов, в настоящее время происходит разработка рекомендаций по сокращению объемов потребления углеводородного сырья, как по экологическим соображениям, так и в связи с истощением запасов.

Принимая во внимание тот факт, что перечисленные ресурсы для получения электроэнергии не безграничны, возникает необходимость в развитии возобновляемых источников энергии (ВИЭ), которые могут стать решением в случае возможного энергетического кризиса. Таким образом, потенциальными источниками энергии на современном этапе помимо традиционных становятся ядерная энергетика и ВИЭ.

В условиях глобального энергетического перехода страны Африки сталкиваются с рядом системных вызовов, среди которых ключевыми выступают ограниченность доступа к электроэнергии, низкая диверсификация энергобаланса и зависимость от внешних поставок дизеля и углеводородов¹. По оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), свыше 600 млн жителей Африки к югу от Сахары по-прежнему не имеют устойчивого доступа к электричеству, а многие страны региона характеризуются высокой волатильностью энергоснабжения и структурными дисбалансами². На этом фоне возобновляемые источники энергии становятся одним из

---

¹ Андреева Л.А., Бобохонов Р.С., Воронина Н.А., Грибанова В.В., Мозговой С.А., Мосейко А.Н., Нефляшева Н.А., Пономарев И.В., Следзевский И.В., Уланова Н.С., Хайруллин Т.Р., Харитоновна Е.В. Цивилизационные альтернативы Африки. Том IV. Постколониальный цивилизационный транзит Африки. М: Институт Африки РАН, 2024. 274 с.

²Africa Energy Outlook 2022 // International Energy Agency. Paris: IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/africa-energy-outlook-2022> (дата обращения: 15.11.2025).

наиболее перспективных и устойчивых направлений развития континента³.

Параллельно страны Африки превращаются в пространство активной конкуренции внешних акторов, среди которых все более заметную роль играют страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). В частности, Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар рассматривают африканский энергетический сектор как ключевое поле приложения финансовых, технологических и дипломатических инструментов, стремясь укрепить своё влияние, диверсифицировать экономику и сформировать долгосрочные партнерские связи с правительствами стран региона⁴.

Инвестиции стран Залива в ВИЭ в Африке выступают не только экономическим, но и стратегическим инструментом, способствующим укреплению мягкой силы, улучшению репутационного капитала и расширению геополитического присутствия⁵. При этом влияние данных проектов на процессы стабилизации и дестабилизации в странах континента носит двойственный характер. Именно эта многомерность делает анализ вовлеченности стран ССАГПЗ в африканский энергетический переход актуальным и значимым.

ВИЭ на Ближнем Востоке

Регион Ближнего Востока традиционно характеризуется значительными запасами энергоресурсов. Непрерывная добыча энергоресурсов и их экспорт – важные аспекты безопасности региона, в чем заинтересованы как страны-экспортеры, так и потребители. Несмотря на попытки экономической диверсификации, доходная часть бюджетов стран Ближнего Востока и Персидского залива в частности до настоящего времени в значительной доле формируется за счет экспорта углеводородов. Разведанные залежи нефти составляют порядка 545 млрд баррелей, что соответствует около 45%

---

³ Green Hydrogen Markets Africa 2024 // Energy capital power. URL: <https://energycapitalpower.com/green-hydrogen-markets-africa-2024> (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ Ulrichsen K. The Gulf States in International Political Economy. 2016.

⁵ Сурков А.Н., Чиниев Д.Б. Инвестиционные стратегии стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в Африке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. №2. С. 243-257.

общих запасов в других странах мира, и 30,7 трлн кв. м или 60 % общемировых запасов газа⁶.

В последнее время страны Ближнего Востока и Северной Африки, в особенности монархии Персидского залива все больше обращаются к альтернативным источникам энергии. Данная мера позволит государствам в перспективе экспортировать ископаемые виды топлива, сокращая собственные расходы на электрогенерацию и уменьшая выбросы углекислого газа. Обладая почти 30 % мировых запасов нефти, страны Персидского залива рассчитывают, что еще много лет экспорт нефти будет залогом их экономического процветания, в то время как на собственные нужды будут работать ВИЭ.

В настоящее время страны Ближнего Востока активно выдвигают инициативы по разработке проектов солнечных и ветряных электростанций. Но несмотря на амбиции ряда стран, до реализации всех запланированных в регионе проектов далеко, поскольку часто на осуществление планов не хватает финансовых мощностей, а также страны часто ставят целью не превращение задумок в жизнь, а гонятся за престижем «быть первыми и лучшими». Тем не менее, ряд стран все же начали свою деятельность в сфере ВИЭ, среди которых, например, страны ССАГПЗ⁷.

Стратегические мотивы вовлеченности стран ССАГПЗ в ВИЭ Африки

Экономики стран ССАГПЗ традиционно опираются на нефтегазовый сектор, что делает их уязвимыми к колебаниям мировых цен на углеводороды. В связи с этим, как уже было отмечено, они стремятся диверсифицировать источники доходов и развивать технологические компетенции в области ВИЭ. Для ОАЭ и Саудовской Аравии формирование глобальных энергетических компаний

---

⁶Persian Gulf Region. Energy Information Administration. URL: www.eia.doe.gov/emeu/cabs/Persian_Gulf/Full.html (дата обращения: 15.10.2025).

⁷Renewable Energy Market Analysis: GCC. URL: <https://www.irena.org/publications/2019/Jan/Renewable-Energy-Market-Analysis-GCC-2019> (дата обращения: 25.11.2025).

(Masdar⁸, ACWA Power⁹, AMEA Power¹⁰) стало приоритетом, позволяющим экспортировать собственные технологии и закрепляться на перспективных внешних рынках¹¹.

Африка является регионом с большим потенциалом роста энергопотребления и высокой потребностью в инвестициях. По оценкам Африканского банка развития, ежегодная потребность континента в инвестициях в энергетику превышает 100 млрд долл. США, при этом доля ВИЭ в энергобалансе большинства стран остаётся низкой, что создает обширное пространство для внешних инвесторов¹².

Наряду с развитием альтернативной энергетики в своих странах страны Залива активно расширяют своё присутствие в Африке, рассматривая континент как пространство соперничества с Турцией, Ираном, Китаем и Западом. Конкуренция особенно заметна в Северной Африке, Африканском Роге и районе Красного моря – регионах, имеющих стратегическое значение с точки зрения контроля над логистическими путями и доступом к морским коммуникациям. Инвестиции в ВИЭ позволяют странам ССАГПЗ закрепить в политически значимых странах, укрепить партнерство с правящими элитами и создать долгосрочное экономическое присутствие. Такой подход повышает их статус как «поставщиков развития» и способствует расширению внешнеполитического влияния¹³.

Участие стран ССАГПЗ в «зеленых» проектах также связано с необходимостью укрепления международного имиджа. Так, например, ОАЭ особенно активно используют механизм климатической дипломатии (включая председательство на COP28),

---

⁸ Masdar. URL: <https://u.ae/en/information-and-services/environment-and-energy/water-and-energy/masdar> (дата обращения: 05.12.2025).

⁹ ACWA Power. URL: <https://www.pif.gov.sa/en/our-investments/our-portfolio/acwa-power/> (дата обращения: 01.12.2025).

¹⁰ AMEA Power. URL: <https://www.ameapower.com/about-amea/> (дата обращения: 01.11.2025).

¹¹ World Energy Investment 2024 Middle East // IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2024/middle-east> (дата обращения: 21.11.2025).

¹² The State of African Energy Outlook 2026. Energychamber. 2025. URL: <https://energychamber.org/> (дата обращения: 14.11.2025).

¹³ Woldemariam M. Gulf Affairs: The Gulf States and the Horn of Africa: Interests, Influences and Instability // The Middle East Journal. 2022. No 76. P. 415-417.

стремясь показать себя как лидера глобального энергетического перехода. Инвестиции в африканские ВИЭ повышают их репутацию как технологичных и ответственных акторов международной системы¹⁴.

Следует отметить, что на сегодняшний день наиболее масштабное участие стран Персидского залива наблюдается в сфере солнечной энергетики. Крупнейшим актором выступают ОАЭ, которые через компании Masdar¹⁵ и АМЕА Power¹⁶ реализуют проекты в Египте¹⁷, Марокко¹⁸, Анголе, Эфиопии, Замбии, Мавритании¹⁹ и ряде других стран. Примером служит солнечная электростанция мощностью 50 МВт в Марокко, строительство которой сопровождалось инвестициями Masdar и участием эмиратских компаний в консорциуме NOOR. Другой важный вектор – проекты Masdar в Сомалиленде, Маврикии и Сейшельских островах²⁰, они ориентированы на снижение зависимости от дизельной генерации.

Саудовская Аравия действует более точно, используя инструменты Saudi Fund for Development (SFD)²¹ и компании ACWA Power²². Особой значимостью отличается сотрудничество Саудовской Аравии с Египтом: ACWA Power участвует в реализации солнечных и ветровых проектов в рамках кластера Бенбан²³ и Габаль-эль-Зайт, способствуя развитию крупнейшего энергетического хаба Северной

---

¹⁴ Conferences of the Parties // COP28. URL: <https://cop28.com/en/cop28-presidency> (дата обращения: 04.12.2025).

¹⁵ Masdar Projects. URL: <https://masdar.ae/en/renewables/our-projects> (дата обращения: 04.11.2025).

¹⁶ АМЕА Power Signs Agreements // АМЕА. URL: <https://www.ameapower.com/amea-power-signs-agreements-to-develop-1500mwh-battery-energy-storage-systems-in-egypt> (дата обращения: 24.11.2025).

¹⁷ Al Wadi al-Jadeed Solar PV Plants // Masdar. URL: <https://masdar.ae/en/renewables/our-projects/al-wadi-al-jadeed-solar-pv-plants> (дата обращения: 20.11.2025).

¹⁸ Morocco solar home-systems // Masdar. URL: <https://masdar.ae/en/renewables/our-projects/morocco-solar-home-systems> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁹ The Sheikh Zayed Solarpower Plant // Masdar. URL: <https://masdar.ae/en/renewables/our-projects/the-sheikh-zayed-solar-power-plant> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁰ Ile de Romainville Solar Park // Masdar. URL: <https://masdar.ae/en/renewables/our-projects/ile-de-romainville-solar-park> (дата обращения: 12.11.2025).

²¹ Saudi Fund for Development. URL: <https://www.finance.gov.mv/saudi-fund-for-development> (дата обращения: 19.11.2025).

²² ACWA Power. URL: <https://www.acwapower.com/en/about-us/introduction/> (дата обращения: 19.11.2025).

²³ Benban // Acwa Power. URL: <https://www.acwapower.com/en/projects/benban-pv-ipp/> (дата обращения: 09.11.2025).

Африки²⁴. Кроме того, саудовские инвестиции распространяются на Сахель, где планируется участие ACWA Power в ряде проектов, связанных с программой Great Green Wall и развитием солнечных электростанций в Чаде и Нигере²⁵.

Катар проявляет интерес прежде всего к странам Северной Африки, используя Qatar Fund for Development как инвестиционно-гуманитарный инструмент. Его проектная активность концентрируется на солнечных мини-сетях и поддержке программ «зелёного роста», особенно в Тунисе и Судане. Катарский подход менее масштабен, однако он отличается гибридным характером: инвестиции в ВИЭ сочетаются с гуманитарной помощью и поддержкой инфраструктуры²⁶.

Таким образом, ВИЭ-активность стран ССАГПЗ выстраивается как многополярная система проектов: развиваются крупные промышленные солнечные парки в Северной Африке, ветровая энергетика вдоль побережья Восточной Африки и малые солнечные установки в странах Сахеля, предназначенные для обеспечения базовой энергетической доступности. Все это в комплексе свидетельствует об интересе и перспективах развития данного кластера в странах Африки, что открывает возможности для заинтересованных внерегиональных игроков.

Влияние проектов ВИЭ на процессы стабилизации Африки

Развитие альтернативной возобновляемой энергетики в странах африканского континента положительным образом влияет на регион.

Во-первых, вклад в энергетическую безопасность существенно снижает зависимость государств от импорта топлива и уязвимость перед колебаниями мировых цен на нефть и газ. В условиях, когда энергетический дефицит остается одним из структурных факторов

---

²⁴ ACWA Projects. URL: <https://www.acwapower.com/en/projects/assets/> (дата обращения: 12.11.2025).

²⁵ ACWA Power Expands Its Renewable Footprint in Africa and reaffirms as leading investor in the Continent // ACWA Power. 2024. URL: <https://www.acwapower.com/news/acwa-power-expands-its-renewable-footprint-in-africa-and-reaffirms-as-leading-investor-in-the-continent-en> (дата обращения 02.12.2025)

²⁶ Qatar Fund for Development. URL: <https://www.qatarfund.org.qa/> (дата обращения 06.11.2025)

нестабильности – особенно в Сахеле и Африканском Роге – развитие солнечной энергетики и мини-сетей может снижать нагрузку на бюджеты и сокращать возможности для социальных протестов, связанных с ростом цен на энергоносители²⁷.

Во-вторых, проекты ВИЭ способствуют модернизации инфраструктуры. Участие компаний Masdar и ACWA Power в создании управляемых энергетических сетей, строительстве распределительных станций и модернизации систем хранения энергии задает новый технологический стандарт для целых регионов. Инфраструктурное развитие, в свою очередь, усиливает экономическую устойчивость и способствует росту доверия между местными сообществами, инвесторами и правительством²⁸.

В-третьих, энергетическая трансформация способствует снижению уровня конкуренции за традиционные ресурсы. В странах, где борьба за доступ к дизельному топливу, древесине или гидроресурсам становилась источником конфликтов, внедрение автономных солнечных систем может снижать риск вооружённых столкновений на локальном уровне. Особенно это актуально для Сомали, Южного Судана и региона озера Чад, где распределенные солнечные системы позволяют обеспечивать работу водяных насосов, медицинских учреждений и станций связи²⁹.

Наконец, участие стран Персидского залива в ВИЭ-проектах рассматривается многими африканскими правительствами как фактор политически нейтрального сотрудничества³⁰. В отличие от западных и китайских программ, проекты ССАГПЗ чаще не сопровождаются жесткими политическими условиями или

---

²⁷ A New Solution to Power Africa: Productive Use of Renewable Energy. Cleantechnica. URL: <https://cleantechnica.com/2024/02/06/a-new-solution-to-power-africa-productive-use-of-renewable-energy/> (дата обращения: 26.11.2025).

²⁸ Africa Shows Real Promise in Green Hydrogen with Projects in Egypt, Mauritania, Namibia and South Africa // Energychamber. URL: <https://energychamber.org/africa-shows-real-promise-in-green-hydrogen-with-projects-in-egypt-mauritania-namibia-and-south-africa> (дата обращения: 13.11.2025).

²⁹ Benson I., Hon E. Productive use renewable energy Africa // World Resources Institute. URL: <https://www.wri.org/insights/productive-use-renewable-energy-africa> (дата обращения: 27.11.2025).

³⁰ Africa's clean power surge // Economist.com. URL: <https://impact.economist.com/sustainability/net-zero-and-energy/africas-clean-power-surge> (дата обращения: 27.11.2025).

требованиями, что снижает риск политизации энергетических проектов и способствует укреплению связей между государствами без навязывания внешнеполитических моделей.

Однако несмотря на значительный потенциал, участие стран ССАГПЗ сопровождается и рисками, способными усугубить существующие противоречия или сформировать новые очаги напряжённости.

Прежде всего необходимо отметить, что конкуренция между странами Персидского залива за энергетические проекты на африканском направлении способна переносить региональное соперничество на африканскую почву. Например, конкуренция между Саудовской Аравией, ОАЭ и Катаром в Восточной Африке – проявлявшееся ранее в портах, логистике и аграрных инвестициях – постепенно распространяется и на сектор энергетики. В связи с этим, африканские государства вынуждены балансировать между различными центрами силы, что может приводить к фрагментации проектов, двойному финансированию или политизации энергетических решений.

Во-вторых, ряд проектов ВИЭ сталкивается с социальным сопротивлением. Строительство крупных солнечных парков в Марокко и Египте сопровождалось конфликтами вокруг земельных вопросов, переселения населения и распределения доходов. При недостаточной прозрачности управления такие конфликты способны перерасти в открытое противостояние между местными общинами и государством, особенно если участие инвесторов из стран ССАГПЗ воспринимается как попытка внешнего контроля над ресурсами³¹.

В-третьих, существует риск «энергетической зависимости нового типа». Некоторые критики отмечают, что технологии, доступ к оборудованию и финансовое обеспечение проектов находятся под контролем внешних акторов. Это создает предпосылки для формирования технологической зависимости – на этот раз не от

---

³¹ Шкваря Л.В. Возобновляемые источники энергии в странах Северной Африки: проблемы и перспективы использования // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 4. С. 121–132.

традиционных углеводородов, а от солнечных модулей, систем хранения энергии и сервисного обслуживания, что может ограничивать долгосрочную автономию африканских государств.

В-четвертых, в ряде регионов наблюдается высокая конфликтность, что делает солнечные или ветряные станции потенциальной мишенью для вооруженных группировок. Так солнечные электростанции и линии передачи энергии в Мозамбике, Нигере и Мали уже сталкивались с угрозами атак, саботажа и захвата объектов. Разрушение таких объектов способно усугубить гуманитарную обстановку и усилить недоверие к внешним партнерам, в связи с чем наиболее актуально сейчас стоит вопрос регулирования и контроля³².

Таким образом, влияние стран ССАГПЗ на развитие ВИЭ в Африке нельзя трактовать однозначно: оно сочетает стабилизирующие элементы – энергетическую безопасность, технологическую модернизацию и поддержку развития – с рисками дестабилизации, связанными с конкуренцией внешних акторов, социальными конфликтами и уязвимостью инфраструктуры.

Россия и развитие ВИЭ в Африке

Российско-африканские энергетические отношения на протяжении долгого периода были ограничены традиционными отраслями: нефтью, газом и гидроэнергетикой. Тем не менее в последние годы наблюдается расширение ориентиров в сторону ВИЭ как части долгосрочной стратегии укрепления присутствия на континенте и адаптации к глобальным тенденциям энергетического перехода. Этот процесс во многом обусловлен двумя ключевыми факторами: растущей конкуренцией международных акторов – прежде всего стран ССАГПЗ, Китая и ЕС – и потребностью африканских государств в диверсификации энергетического баланса и

---

³² Каплиенко А.В., Габараев Б.А. Возобновляемые источники энергии: панацея для глобальной электроэнергетики или нет? //Обозреватель – Observer. 2023. № 3 (398). С. 131–144.

создании более устойчивой энергетической инфраструктуры³³. Экономические интересы России на африканском континенте обозначены в усилении позиции на крайне важном ресурсном рынке, включая добычу природного газа, алмазов, металлов платиновой группы, урана. Если оценивать перспективы сотрудничества России со странами Африки в сфере энергетики, то наиболее приемлемым является интеграционный сценарий реализации всех преимуществ комбинированного варианта с использованием потенциала стран БРИКС, ЕАЭС и африканского континента. Комбинированный вариант предполагает развитие сектора традиционной энергетики, роста производственных мощностей, привлечения инвестиционных и интеллектуальных ресурсов с осуществлением перехода на использование опережающих энергоисточников и принципов зеленой энергетики³⁴.

Для России развитие ВИЭ в Африке выступает одновременно площадкой технологической демонстрации и инструментом укрепления политико-экономического партнерства. Российские компании и научные центры обладают компетенциями в ряде направлений: гибридные энергосистемы, малые ГЭС, автономные энергоустановки для удаленных районов, а также энергоэффективные технологии. Эти разработки могут быть востребованы в странах, где существует хронический энергодефицит, а централизованная энергетическая инфраструктура развита слабо – в Западной Африке, Сахеле и Африканском Роге³⁵.

С внешнеполитической точки зрения российская активность в ВИЭ позволяет укреплять стратегическое партнерство с африканскими государствами, выстраивать долгосрочные отношения

---

³³ Матюшок В.М. Энергетический переход и энергоэффективность на африканском континенте: возможности сотрудничества с Россией в форматах БРИКС–Африка и ЕАЭС–Африка // Экономические отношения. 2023. Т. 13, № 4. С. 715-734.

³⁴ Наш интерес в Африке: зачем России вступать в борьбу за влияние на самом жарком континенте // Ekb.tsargrad. URL: https://ekb.tsargrad.tv/articles/nash-interes-v-afrike-zachem-rossija-vstupayet-v-borbu-za-vlijanie-na-samom-zharkom-kontinente_146540 (дата обращения 19.09.2025)

³⁵ Африка — крупнейший неосвоенный энергетический рынок в мире // Новый атомный эксперт. 2023. URL: https://atomicexpertnew.ru/africa_is_the_largest_untapped_energy_market(дата обращения 19.11.2025)

и расширять взаимодействие в сопредельных отраслях – таких как цифровизация энергетики, локализация производства оборудования, подготовка инженерных кадров.

Если затрагивать вопрос соперничества России и стран – участниц ССАГПЗ в сфере альтернативной энергетики на африканском континенте, то следует отметить, что оно носит асимметричный характер. Так, арабские страны обладают значительными финансовыми ресурсами, сильными инвестиционными фондами и компаниями-чемпионами в сфере ВИЭ – Masdar, ACWA Power, AMEA Power, о которых говорилось ранее. Эти компании действуют на основе долгосрочных стратегий диверсификации экономики, предусматривающих опору на ВИЭ и развитие консорциумов в глобальном масштабе.

Российские компании, в свою очередь, выступают в большей степени технологическими партнерами, а не основными инвесторами, что снижает их роль в конкуренции за крупные контракты, однако Россия сохраняет конкурентные преимущества в тех нишах, где важны инженерные компетенции, научные разработки и способность адаптировать технологические решения под сложные условия эксплуатации, что особенно актуально для стран Центральной и Восточной Африки.

Таким образом, потенциал сотрудничества между Россией и странами ССАГПЗ в сфере ВИЭ в Африке остается значительным. Основным условием такого взаимодействия является дополняемость ресурсов и компетенций: страны Залива обладают возможностью вкладывать значительные объемы инвестиций в проекты, в то время как Россия располагает инженерной школой, научными разработками и практическим опытом работы в сложных условиях развивающихся государств. Одним из наиболее перспективных направлений сотрудничества может стать участие российских организаций в совместных проектах Masdar, ACWA Power или AMEA Power в части инжиниринга, цифровизации, подготовки специалистов и поставки технологических компонентов. Кроме того, важно отметить, что

многие проекты по возобновляемой энергетике находятся на стадии разработки или инициатив, переговоров, что говорит о преждевременности выводов об эффективности стран-участниц ССАГПЗ и России в сфере ВИЭ в регионе, однако отмечается реальный интерес стран Африки к данному сектору и наблюдаются реальные шаги в развитии этого направления.

Литература:

1. Андреева Л.А., Бобохонов Р.С., Воронина Н.А., Грибанова В.В., Мозговой С.А., Мосейко А.Н., Нефляшева Н.А., Пономарев И.В., Следзевский И.В., Уланова Н.С., Хайруллин Т.Р., Харитоновна Е.В. Цивилизационные альтернативы Африки. Том IV. Постколониальный цивилизационный транзит Африки. М: Институт Африки РАН, 2024. 274 с.
2. Каплиенко А.В., Габараев Б.А. Возобновляемые источники энергии: панацея для глобальной электроэнергетики или нет? // Обозреватель – Observer. 2023. № 3 (398). С. 131–144. DOI: 10.48137/2074–2975_2023_3_131
3. Матюшок В.М. Энергетический переход и энергоэффективность на африканском континенте: возможности сотрудничества с Россией в форматах БРИКС–Африка и ЕАЭС–Африка // Экономические отношения. 2023. Т. 13. № 4. С. 715–734. DOI 10.18334/eo.13.4.119227
4. Сурков А.Н., Чиниев Д.Б. Инвестиционные стратегии стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в Африке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. №2. С. 243–257. DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-243-257
5. Шкваря Л.В. Возобновляемые источники энергии в странах Северной Африки: проблемы и перспективы использования. Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 4. С. 121–132. DOI: 10.31132/2412-5717-2024-69-4-121-132
6. Ulrichsen K. The Gulf States in International Political Economy. 2016.
7. Woldemariam M. Gulf Affairs: The Gulf States and the Horn of Africa: Interests, Influences and Instability // The Middle East Journal. 2022. No 76. Pp. 415–417.

Гринин Леонид Ефимович
д.филос.н., гл.н.с., НИУ ВШЭ;
в.н.с., Институт востоковедения РАН
(leonid.grinin@gmail.com)

УСКОРЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В АФРИКЕ И ПРОЦЕССЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ*

Африка довольно быстро развивающийся континент, при этом, конечно, различия в уровне и скорости развития между африканскими странами, очень большие. Это быстрое развитие в период, когда страны находятся в процессе (нередко на начальных фазах) модернизации, урбанизации, формирования этнополитических наций и развития государственности, с одной стороны, ведет к усилению дестабилизации, в т.ч. революциям, сепаратизму, терроризму, переворотам, гражданским войнам и т.п. Поэтому можно прогнозировать, что в XXI столетии именно Африка станет самым беспокойным континентом Мир-Системы, континентом, где произойдет наибольшее число революций, конфликтов, взрывов экстремизма в связи с тем, что, как указано выше, африканские страны находятся в процессе быстрой модернизации.

С другой стороны, мы верим, что многие африканские общества ожидают большое будущее, а Африка в целом – это континент будущего, где длительное время будет наблюдаться сильная динамика развития и роста в различных аспектах, включая важные для мира экономические процессы.

Введение. Модернизация и дестабилизация

Различные исследования, включая наши собственные, показывают, что процессы модернизации обществ в любом их варианте потенциально чреваты различными явлениями

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

дестабилизации. Например, о связи модернизации только с одним видом дестабилизации – революциями¹.

В Африке дестабилизацию вызывают многие процессы, включая этнические противоречия и конфликты, гражданские войны, сепаратизм, неспособность правительства защитить население от преступности и террора, чем пользуются исламские радикалы, экономические кризисы, протесты против коррупции, nepотизма, фальсификации на выборах, слабость и нестабильность целого ряда африканских обществ и государств и мн. др.² Однако, как ни странно, одну, причем фундаментальную причину нестабильности и дестабилизации – ускоренную модернизацию стран Африки – называют гораздо реже и обращают на нее недостаточное внимание, как впрочем и малый исторический опыт государственности у африканских государств³.

Между тем период модернизации характеризуется изменениями в технологиях, а также многих экономических и общественных отношениях, которые постепенно (но по историческим меркам довольно быстро) трансформируются из архаических в современные. Однако во время таких переходных периодов, как правило, возникают кризисы, которые являются следствием неспособности многих традиционных институтов и отношений, а также идеологий следовать

---

¹ Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, L.: Yale University Press, 1968; Eisenstadt S.N. *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. New York: Free Press, 1978; Epstein D.L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006. *Democratic Transitions* // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. № 3. Pp. 551–569; Grinin L.E. *State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization* // *Cliodynamics*. 2012. Vol. 3. № 1. Pp. 124–157; Grinin L.E. *Revolution and Modernization Traps*. In Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer, 2022. Pp. 219–238.

² Гринин Л.Е., Билюга С.Э., Коротаев А.В., Гринин А.Л. Социально-политическая дестабилизация и возраст государства: предварительные результаты количественного анализа. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (ред.), *История и Математика: социально-экономические аспекты истории и современности: ежегодник*. Волгоград: Учитель, 2018. С. 54–80; Гринин Л.Е. Дестабилизация и мировой порядок: некоторые вопросы теории // *История и современность*. 2023. № 4. С. 3–31; Гринин Л.Е. Революция и модернизационные ловушки // *История и современность*. 2023. № 2. С. 3–28.

³ Гринин Л.Е., Билюга С.Э., Коротаев А.В., Гринин А.Л. Социально-политическая дестабилизация и возраст государства: предварительные результаты количественного анализа. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (ред.), *История и Математика: социально-экономические аспекты истории и современности: ежегодник*. Волгоград: Учитель, 2018. С. 54–80.

за изменениями в технологиях, коммуникациях, системе образования, медицинской сфере и демографической структуре.

Все это ведет к большим напряжениям в обществе, причем эти напряжения могут вызывать разрыв тканей общества в своих слабых местах (например, по этническим швам). В этой связи нельзя не отметить, что в многонациональных государствах в результате модернизации происходит такой феномен, когда прежде отсталые в экономическом и культурном отношении области и народы в рамках поднимаются до уровня, с которого начинается рост их национального самосознания. А отсюда уже прямая дорога к борьбе таких этносов за политическое равноправие, автономию и самостоятельное государство, стремление выйти из состава более крупного государства.

1. О понятии модернизации

Понятие модернизации охватывает широкий круг вопросов и его точное определение вызывает споры⁴. В рамках этой статьи мы определяем его следующим образом. Модернизация – это процесс перехода общества от архаичного (сверхсложного аграрного) к индустриальному уровню (а в настоящее время – к индустриально-информационному). Соответственно, модернизация охватывает довольно широкий спектр направлений: технологическое, экономическое, финансовое (за счет мощного развития рынков), демографическое (урбанизация, миграции, ускоренный рост населения на первом этапе и т.п.), социальное в широком смысле (изменение социальных статусов, развитие медицины, образования, новые отношения в обществе), культурное (рост грамотности неизбежно ведет к огромным изменениям в культуре), информационное, административное, политическое и др. Разумеется, глубина и скорость изменений в каждом направлении может определяться особенностями данных подсистем, поэтому и

---

⁴ Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven; London: Yale University Press, 1968; Przeworski A., Limongi F. Modernization: Theories and Facts. // World Politics. 1997. № 49. Pp. 155–183; Grinin L.E. Revolution and Modernization Traps. In Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds.), Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer, 2022. Pp. 219–238.

возникают мощные диспропорции, в результате чего общество испытывает деформации и напряжения.

2. Типы модернизации и Африка

Мы выделяли такие типы модернизации как

1) естественно-историческая модернизация, которая происходит без внешнего воздействия, но только в тех обществах, которые первыми запускают эти процессы, как это было, например, в период промышленной революции в Англии в XVIII–XIX вв. Но этот тип никак не относится к Африке.

2) Иногда может наблюдаться насильственная (навязанная внешней силой: из метрополии или в результате оккупации) модернизация.

3) Догоняющая. Чаще модернизация общества связана с догоняющим развитием, ускоренной индустриализацией или быстрым присоединением к системе международного разделения труда, когда заимствуются уже существующие производственные и социополитические системы управления. В такой ситуации, в обществе появляются огромные диспропорции, когда модернизация затрагивает прежде всего военную сферу, технологии и экономику, в то время как система распределения, архаичные политическая и социальная структуры меняются намного медленнее⁵.

Таким образом, истоки различных дестабилизаций, связанных с модернизацией, чаще всего кроются в серьезных диспропорциях, возникающих в развитии общества в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции трансформируются в устойчивое недовольство и оппозицию власти, а те, в свою очередь, могут перерасти в кризис в случае ослабления власти или социально-политической нестабильности. Словом, модернизация разрывает ткань традиционного общества, что влечет за собой серьезные изменения и порой весьма тяжелые последствия для целых социальных слоев, а также усиливает конфликтность в обществе, ведет

---

⁵ Гринин Л.Е. Российская революция в свете теории модернизации // История и современность. 2017. № 2. С. 22–57.

к военным переворотам, революциям, гражданским и партизанским войнам, сепаратизму, терроризму и т.п. Что касается африканских стран, то во многих из них модернизация начиналась как насильственная, поскольку колониальные державы (и их бизнес) были заинтересованы в их развитии для более продуктивной эксплуатации и управления. Такая модернизация заключалась в прокладке железнодорожных путей и телеграфа, некотором образовании (особенно элиты) и развитии здравоохранения, развитии добычи некоторых полезных ископаемых, строительстве портовой инфраструктуры, создание электрической инфраструктуры в отдельных местах и некоторых предприятий и др. Но степень такой насильственной модернизации в разных колониях была очень различна. Более или менее системно она произошла только в Южно-Африканском Союзе, в определенной мере и в Египте.

Конечно, в ее насильственной колониальной форме в африканских странах в период колониализма оказалась лишь частью долгого и трудного пути по трансформации традиционных обществ в современные. Тем не менее, нельзя не отметить, что европейские колонизаторы своими руками создали образованную и привилегированную африканскую элиту, которая сначала занимала младшие гражданские должности в колониальной администрации, а впоследствии именно эти люди совершили национально-освободительные революции на африканском континенте⁶. И это хорошо иллюстрирует теснейшую связь модернизации, даже прошедшую далеко не в полном виде, и дестабилизации.

3. Африканская модернизация: ускоренная и расширенная модернизация при осложненных обстоятельствах

Модернизацию в африканских странах можно назвать не просто ускоренной, но и расширенной. Что такое расширенная модернизация? Мы имеем в виду, что модернизировать приходится

---

⁶ Следзевский И.В. Проблемы историко-социологической характеристики африканской интеллигенции. Васильев А.М. (отв. ред.), Пути эволюции и общественная роль современной африканской интеллигенции: поиски, тенденции, перспективы. М.: Иафр РАН, 1988; Davidson B. Modern Africa: A Social and Political History. L., N.Y.: Longman, 1994.

едва ли не каждую сферу и подсферу жизни и государственного управления, то есть фронт модернизации исключительно широкий (см. выше). Отсюда ускоренность модернизации надо еще умножать на число сфер, в которых идет модернизация. При этом естественно, что скорость развития и изменения в разных сферах принципиально разная, что очень сильно увеличивает диспропорции. В течение всего периода независимости страны Африки сталкивались и продолжают сталкиваться с необходимостью догонять страны Запада практически во всех укладах, начиная с первого, то есть простой механизации, через создание транспортной инфраструктуры и тяжелой промышленности (то есть второго уклада), электроэнергетики (то есть третьего уклада), внедрения современных средств информации (четвертый уклад) и ИКТ. Причем стояли и стоят задачи одновременного внедрения сразу нескольких укладов.

Ускоренная модернизация при исключительном уровне отсталости. Ускоренная модернизация независимых государств имела место в ряде стран в разное время (разумеется, скорость изменений соответствовала общему темпу исторических изменений соответствующего периода; этот темп в целом ускорялся). Однако если проанализировать такие случаи, то среди них нет стран, которые бы настолько отставали от передовых, насколько отставали от европейских стран и США абсолютное большинство африканских стран.

Ускоренная модернизация при слабой государственности, незрелой этничности и высоком демографическом давлении. Также очень важно, что мы не найдем случаев догоняющей модернизации при столь слабой государственности, каковая была и все еще есть в большинстве стран Африки. То же касается и незрелой этничности. Трайбализм за пределами Африки, имеет место в мире только в немногих странах, вроде Йемена и Афганистана, и в некоторых провинциях отдельных стран, вроде Белуджистана в Пакистане и Иране. Однако крайне важно, что трайбализм, в африканских странах находится в статусе и состоянии важнейшего

института и фактора, влияющего на все главные сферы жизни. И этот процесс перерастания политических трайбалистских наций (народностей) в политические государственные нации исключительно серьезно влияет как на процессы модернизации, так и на процессы дестабилизации. О роли и влиянии незрелой государственности и этничности на дестабилизацию⁷.

Высокое демографическое давление давно рассматривается как важнейший фактор дестабилизации. Немало дестабилизационных событий, включая революции, связано с демографическим фактором. Арабская весна была демонстрацией влияния таких ловушек.

4. Африканская модернизация. Другие особенности, препятствия и возможности, дестабилизация

Важно отметить, что у африканской модернизации есть и немало сходных черт с обществами, которые ранее шли по пути модернизации архаического общества. Это в частности 1) традиционализм, который сохраняется и воспроизводится не только в сельской местности, главном источнике традиционализма, но и на периферии городской экономики⁸. 2) Многоукладность, которая неизбежно возникает при модернизации. Вспомним, что проблема многоукладности была одной из важнейших как теоретических, так и практических в 1920-х гг. в СССР. 3) Огромные диспропорции в развитии как между странами, так и внутри стран. 4) Острая нехватка капиталов. 5) Закредитованность стран и хозяйств. 6) Чрезмерная зависимость от экспорта, который в огромной степени состоит из сырьевых товаров, что вызывает периодами кризисы в связи с резкими колебаниями мировых цен. 7) Сильная зависимость от иностранного

---

⁷ Гринин Л.Е., Билюга С.Э., Коротаев А.В., Гринин А.Л. Социально-политическая дестабилизация и возраст государства: предварительные результаты количественного анализа. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (ред.), История и Математика: социально-экономические аспекты истории и современности: ежегодник. Волгоград: Учитель, 2018. С. 54–80; Гринин Л.Е. Движение к устойчивым демократическим отношениям и национальному государству как длительный фактор возможной дестабилизации в странах африканской макроразнообразности. Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Быканова Д.А. (отв. ред.), Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Ч. 2. Волгоград: Учитель, 2020. С. 694–724.

⁸ Бессонов С.А. Направления и механизмы развития рыночной экономики. Абрамова И.О., Морозенская Е.В. (отв. ред.), Экономика Африки в условиях рыночных преобразований. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 51-52.

капитала. 8) Мощная внутренняя миграция в города, рост урбанизации и связанное с этим усиление социальных противоречий⁹.

Влияние исламизма. Мы уже рассматривали особенности модернизации в исламских странах (в том числе афразийской макрзоны нестабильности), обуславливающие ее отклонение от классической траектории¹⁰. В отношении арабо-исламского мира это способствовало созданию условий для *особого пути модернизации арабских и многих исламских стран*.

Однако исламизм в Африке нельзя рассматривать как особый фактор, влияющий на развитие модернизации, в целом он скорее препятствует модернизации.

Роль внутриафриканского рынка. Современные тенденции и позднее вступление африканских стран в фазу догоняющей модернизации дали африканским странам еще одно преимущество, которого были лишены многие ранее модернизирующиеся страны. Мы имеем в виду стремление к внутриафриканской интеграции (как экономической, так и иной – политической, культурной). Во-первых, это Африканский союз (ранее Организация Африканского единства), который делает немало для развития внутриафриканских совместных действий и внутреннего африканского рынка. В этой связи существенно отметить долгосрочные программы общеафриканского развития. В частности, Африка запустила Второй 10-летний план реализации Повестки дня 2063 Африканского союза (Agenda 2063) и ускорила создание Африканской континентальной зоны свободной торговли (АФКЗСТ). Помимо общеафриканского объединения в Африке имеют место целый ряд региональных объединений.

---

⁹ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Урбанизация и политическая нестабильность: К разработке математических моделей политических процессов // Полис. 2009. № 4. С. 34–52.

¹⁰ Гринин Л.Е. О роли исламизма в модернизации исламских стран и его влиянии на политические аспекты. В: Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Мещерина К.В. (отв. ред.), Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте: ежегодник. Волгоград: Учитель, 2018. С. 320–349; Гринин Л.Е. Как исламизм влияет на модернизацию и процессы в исламском мире. Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Малков С.Ю. (отв. ред.), Социально-политическая дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков. М.: Ленанд, 2021. С. 68–85.

Таким образом, возможности интеграции, причем интеграции плановой и грамотной, с учетом ошибок предшественников и передачи опыта из стран Европы, являются важным преимуществом Африки, возникшем (как это часто бывает с отстающими) именно за счет сильного отставания в процессе модернизации.

Заключение. Некоторые успехи и возможности для модернизации африканских стран

В этой статье мы показали связь ускоренной модернизации и в целом африканской модернизации с дестабилизацией. Мы выделили как сходства процессов и проблем, возникающих в процессе модернизации у многих стран, с теми, которые обозначились в африканских странах, так и важные особенности африканской модернизации, проистекающие из-за исключительно сильного разрыва между наличным уровнем развития и стоящими задачами, решить которые особенно сложно в условиях слабой государственности. Мы также указали на некоторые преимущества стран Африки в модернизации, в частности активную и плановую интеграцию. Еще одним преимуществом по сравнению с модернизацией целого ряда стран, является богатство недр¹¹.

В Африке также 2/3 неиспользуемых пахотных земель мира¹². Это тем более подтверждает, что проблемы голода в Африке из-за нехватки земель нет, тем более что рост урожайности в целом не отстает и даже опережает рост населения.

Мы считаем, что, несмотря на огромные трудности и множество задач, у многих африканских стран хорошие возможности для развития модернизации. Темпы роста целого ряда африканских стран существенно выше средних по миру¹³. Таким образом, постепенно,

---

¹¹ Grinin L.E., Korotayev A.V. Africa – The Continent of the Future. Demographic and Economic Challenges and Opportunities // World Futures. 2024. Vol. 80. № 1. Pp. 70–82; Гринин А.Л., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее // История и современность. 2024. № 3. С. 87–112.

¹² Свиридов В.Ю. Природные ресурсы. Маслов А.А. (ред.), Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник. 2-е изд., доп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. С. 41.

¹³ Гринин А.Л., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее // История и современность. 2024. № 3. С. 87–112; Ventura L. Economic Growth is a Marathon, not a Sprint and while Some Nations have Made

хотя и очень медленно идет подтягивание африканских стран к уровню более развитых.

При этом, хотя высокие темпы модернизации, как было показано в статье, увеличивают риски дестабилизации, мы считаем, что снижать темпы модернизации нельзя. Значит, единственный вариант – создавать внутренние и внешние стабилизаторы, которые бы усилили устойчивость африканских обществ к дестабилизации в результате такой быстрой модернизации. Мир в целом и потенциально заинтересован в возможно менее дестабилизационной ситуации в африканских странах.

Итак, развитие Африки полно противоречий, возможных конфликтов, однако здесь имеются мощная динамика и мощные потенции, которые уже исчерпываются в западном мире. Африка вносит и будет все заметнее вносить свой вклад в процесс подтягивания третьего мира к первому, то есть великую конвергенцию.

Литература:

1. Бессонов С.А. Направления и механизмы развития рыночной экономики. Абрамова И.О., Морозенская Е.В. (отв. ред.), Экономика Африки в условиях рыночных преобразований. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 48-60.

2. Гринин А.Л., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее // История и современность. 2024. № 3. С. 87–112.

3. Гринин Л.Е. Российская революция в свете теории модернизации // История и современность. 2017. № 2. С. 22–57.

4. Гринин Л.Е. О роли исламизма в модернизации исламских стран и его влиянии на политические аспекты. В: Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Мещерина К.В. (отв. ред.), Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте: ежегодник. Волгоград: Учитель, 2018. С. 320–349.

Plans for Long-term Progress, Others have Squandered Their Good Fortune and Resources // Global Finance May 2. 2024. URL: <https://gfmag.com/data/countries-highest-gdp-growth> (дата обращения: 12.03.2026).

5. Гринин Л.Е. Движение к устойчивым демократическим отношениям и национальному государству как длительный фактор возможной дестабилизации в странах африканской макрзоны нестабильности. Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Быканова Д.А. (отв. ред.), Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Ч. 2. Волгоград: Учитель, 2020. С. 694–724.

6. Гринин Л.Е. Как исламизм влияет на модернизацию и процессы в исламском мире. Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Малков С.Ю. (отв. ред.), Социально-политическая дестабилизация в странах африканской макрзоны нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков. М.: Ленанд, 2021. С. 68–85.

7. Гринин Л.Е. Дестабилизация и мировой порядок: некоторые вопросы теории // История и современность. 2023. № 4. С. 3–31. DOI: 10.30884/iis/2023.04.01.

8. Гринин Л.Е. Революция и модернизационные ловушки // История и современность. 2023. № 2. С. 3–28. DOI: 10.30884/iis/2023.02.01/.

9. Гринин Л.Е., Билюга С.Э., Коротаев А.В., Гринин А.Л. Социально-политическая дестабилизация и возраст государства: предварительные результаты количественного анализа. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (ред.), История и Математика: социально-экономические аспекты истории и современности: ежегодник. Волгоград: Учитель, 2018. С. 54–80.

10. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Урбанизация и политическая нестабильность: К разработке математических моделей политических процессов // Полис. 2009. № 4. С. 34–52.

11. Свиридов В.Ю. Природные ресурсы. Маслов А.А. (ред.), Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник. 2-е изд., доп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. С. 41–62.

12. Следзевский И.В. Проблемы историко-социологической характеристики африканской интеллигенции. Васильев А.М. (отв. ред.), Пути эволюции и общественная роль современной африканской интеллигенции: поиски, тенденции, перспективы. М.: Иафр РАН, 1988.

13. Davidson B. Modern Africa: A Social and Political History. London; New York: Longman, 1994.

14. Eisenstadt S.N. Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations. New York: Free Press, 1978.

15. Epstein D.L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006. Democratic Transitions // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. № 3. Pp. 551–569.
16. Grinin L.E. State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization // *Cliodynamics*. 2012. Vol. 3. № 1. Pp. 124–157.
17. Grinin L.E. Revolution and Modernization Traps. In Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer, 2022. Pp. 219–238. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_8.
18. Grinin L.E., Korotayev A.V. Africa – The Continent of the Future. Demographic and Economic Challenges and Opportunities // *World Futures*. 2024. Vol. 80. № 1. Pp. 70–82. DOI: 10.1080/02604027.2024.2315262.
19. Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven; London: Yale University Press, 1968.
20. Przeworski A., Limongi F. Modernization: Theories and Facts. // *World Politics*. 1997. № 49. Pp. 155–183.

Гринин Антон Леонидович
к.б.н., МГУ им. М.В. Ломоносова
(algrinin@gmail.com)

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА И РОЛЬ АФРИКИ*

Мир-Система в настоящее время переживает системный кризис, который постоянно углубляется в условиях нарастающего глобального противостояния. Ряд важных характеристик нынешнего состояния мирового порядка позволяет охарактеризовать его как переходный к новой системе международных отношений. В настоящей работе рассматриваются теоретические вопросы, связанные с понятием мирового порядка, при этом особое внимание уделяется роли в данном процессе Глобального Юга и подъему Африки.

Введение. Мировой порядок и его системный кризис

Американский однополярный мировой порядок сформировался в 1990-е гг. в результате распада СССР и системы социализма. Примерно с 2008–2009 гг. обозначился кризис данного порядка, маркером чего стал мировой финансово-экономический кризис и активная работа «Двадцатки» (G20). Однако США, несмотря на объективную нехватку сил, не намерены уступать позиции мирового лидера. В результате, в связи с подъемом ряда стран (России, Китая и некоторых других), а также фактическим отказом самих США от целого ряда важнейших провозглашенных ими принципов (в том числе свободной торговли), возник, усилился и продолжает усиливаться кризис мирового порядка. Данный кризис получил название реконфигурации Мир-Системы¹. В настоящее время кризис достиг своей высшей точки, и стало очевидно, что борьба за новый мировой порядок будет усиливаться до тех пор, пока монополия

---

* Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 23-11-00160 «Моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в XXI веке в контексте мировой динамики»

¹ Гринин Л.Е. Ускорение реконфигурации Мир-Системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего. Ст. 1. Как СВО влияет на реконфигурацию Мир-Системы // Век глобализации. 2023. № 2. С. 50–72; Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка // Политическая наука. 2024. № 2. С. 124–150.

США не ослабнет и не обозначатся возможности формирования новой системы мирового порядка.

Таким образом, глобальное противостояние нарастает. Хотя не исключаются периоды его ослабления, в частности, возможное прекращение военных действий на Украине, это не меняет важнейшей характеристики современного периода. Речь идет о том, что мир находится в состоянии крупных, коренных, фактически стадийных изменений. Иными словами, Мир-Система находится в фазе, предшествующей переходу в новое качественное состояние². Подобные коренные трансформации происходят в результате изменения баланса сил в геополитическом раскладе Мир-Системы и связанного с этим изменения международных отношений.

Разрушение существующего мирового порядка

Как было отмечено выше, в настоящее время наблюдается процесс разрушения сложившегося мирового униполярного порядка, который устанавливался с 1990-х гг. Последний базировался на целом ряде механизмов: безусловном лидерстве США и ряде преимуществ Америки и ее союзников из числа развитых стран; возможности США препятствовать изменению границ и возникновению региональных конфликтов; определенном балансе сил и некотором ограничении соперничества в области гонки вооружений; тренде на демократизацию и соблюдение прав человека³; системе международных организаций, в целом поддерживающих господство США; стремлении расширить и укрепить процесс глобализации; развитии принципа максимального использования конкурентных преимуществ в той или иной экономической специализации, включая свободную торговлю, свободу перемещения капитала, соблюдение правил международной торговли; диктате правил, ограничивающих (по сути, в пользу США и их союзников) эмиссию национальных валют. Многие из этого декларировалось в Вашингтонском консенсусе.

---

² Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка // Политическая наука. 2024. № 2. С. 124–150.

³ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Роспэн, 2003.

В настоящее время значительная часть указанных механизмов ослабла, заблокирована (как, например, работа ВТО) или даже трансформировалась в свою противоположность (в частности, идея свободной торговли и свободного движения капиталов). Главное – лидерство США как ослабло, так и серьезно оспаривается. В результате возникают конфликты, и ряд застарелых спорных проблем, болезненных для тех или иных держав, начинают решаться военным путем. Более того, межгосударственные конфликты приобретают мировое значение. Так, конфликт в Газе привел к разнообразным последствиям, в том числе существенно повлиял на логистику мировой торговли. С другой стороны, сами США начинают активизировать вовлечение своих союзников в военные альянсы (АУКУС, азиатскую НАТО). Баланс сил меняется не в пользу Запада. Система международных организаций все больше трансформируется в инструменты обслуживания сиюминутных решений. Господство доллара все еще сохраняется, однако усиливаются поиски возможностей ухода от него. Продвижение демократии, которое свидетельствовало об укреплении Pax Americana, приостановилось и даже начало откатываться назад⁴; сама демократия вследствие цензуры и других недемократических процедур клонится к упадку⁵; (о проблемах современной демократии см.⁶); соблюдение прав стало чрезвычайно двусмысленным и подверженным двойным стандартам

---

⁴ Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. Conclusion. How Many Revolutions Will We See in the 21st Century? In Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer, 2022. Pp. 1037–1061; Selbin E. All Around the World: Revolutionary Potential in the Age of Authoritarian Revanchism. In Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer, 2022. Pp. 415–433; Zhdanov A., Korotayev A. Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States // *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*. 2022. № 13. Pp. 1–34.

⁵ Kotkin J. America is Turning into the EU // *Spiked*. URL: <https://www.spiked-online.com/2024/08/14/kotkin-america-becoming-like-the-eu/> (дата обращения: 12.03.2026).

⁶ MacEoin D. Death of Democracy? Part I // *The Gatestone Institute*. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/11807/democracy-death>. (дата обращения: 12.03.2026); Tsirel S. Future Technological Achievements as a Challenge for Post-singularity Human Society. In Korotayev A.V., LePoire D.J. (eds.), *The 21st Century Singularity and Global Futures. A Big History Perspective*. Cham: Springer, 2020. Pp. 419–437.

(недавний пример – оправдание уничтожения жителей Газы, включая детей)⁷.

Антиамериканизм, противовес США и борьба за Глобальный Юг

Антиамериканизм – явление не новое, он проявился еще в период холодной войны. Однако в современном мире антиамериканизм усиливается, становится одним из главных факторов, способствующих трансформации мирового порядка и, соответственно, определяющих движение к новому порядку, особенно с учетом повышающейся роли стран Глобального Юга. 15 лет назад З. Бжезинский указывал, что глобальное политическое пробуждение, под которым он подразумевал заметно растущую роль в глобальных делах поднимающихся стран третьего мира, исторически является антиимперским, политически антизападным и эмоционально все более антиамериканским. В своем развитии оно вызывает смещение центра глобального притяжения. Это, в свою очередь, в глобальном масштабе меняет расположение центров власти и оказывает серьезное влияние на роль США в мире. С тех пор данный процесс заметно усилился.

Прошло время, когда Америку воспринимали как символ свободы, огромных возможностей для самореализации и искреннего поборника демократии. Напротив, претензий, разочарований и прямой ненависти к США становится все больше у все большего числа стран и народов. Разумеется, данное нарастание материализуется не сразу и принимает различные формы, однако в целом поддержка США в мире сокращается. Особенно заметно это в странах Глобального Юга, и прежде всего в исламских странах⁸; об отношении

---

⁷ Roussinos A. The Truth about the Ethnic Cleansing in Gaza // UnHerd. URL: <https://unherd.com/2023/12/the-truth-about-the-ethnic-cleansing-in-gaza/> (дата обращения: 12.03.2026).

⁸ Why do Many in Indonesia and Southeast Asia Support Russia in Its War with Ukraine? // India Narrative. URL: <https://www.indianarrative.com/opinion-news/why-do-many-in-indonesia-and-southeast-asia-support-russia-in-its-war-with-ukraine-157694.html> (дата обращения: 12.03.2026);

к США и Западу среди исламистов⁹. При этом в развивающихся странах в большинстве случаев объединяют США и Запад.

Антиамериканизм во многом сближает довольно разные страны, такие как Венесуэла, Иран, Сирия, КНДР, Китай, РФ и другие. Образно говоря, антиамериканизм представляет собой тот самый клей, который скрепляет их неформальный союз¹⁰. Антиамериканизм достиг такого уровня, что некоторые европейские аналитики считают враждебность к Америке «самой популярной идеологией на Западе»¹¹. Другим весьма важным фактором является стремление многих стран к наличию в Мир-Системе какого-либо противовеса США. Это неудивительно, поскольку у многих стран Соединенные Штаты не вызывают ни восхищения, ни уважения, что приводит к усилению зависимости от жесткой силы, а это, в свою очередь, имеет мультипликативный эффект в виде усиления глобального негодования¹². Одни видят данный противовес в РФ, другие – в Китае, однако рост БРИКС представляется им еще более интересным.

Борьба за влияние на страны Глобального Юга. Борьба за Глобальный Юг становится важнейшим фактором в контексте формирования нового мирового порядка. Это хорошо осознают как лидеры государств, так и аналитики. «Нам необходимо постоянно демонстрировать развивающимся странам, что союз с Западом

---

⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003; Левин З.И. Очерки природы исламизма. М.: ИВ РАН, 2014; Царегородцева И.А. Исламский активизм: основные этапы развития идеологии. Саватеев А.Д., Нефляшева Н.А., Кисриев Э.Ф. (ред.), Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ. М.: Ин-т Африки РАН, 2017. С. 93–111; Osman T. Islamism: What it Means for the Middle East and the World. New Haven, CT: Yale University Press, 2016; Achilov D., Sen S. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? // International Political Science Review. 2017. Vol. 38. № 5. Pp. 608–624; Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Исламизм и его роль в современном исламском обществе. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2019; Леви Л., Михаэли Б. Деградация Израиля как общенациональный проект и цивилизационная перспектива // История и современность. 2024. № 1. С. 181–205.

¹⁰ Cuenco M. The Case for a Long Reset with Russia. Washington will Need Allies in the Fight against China. URL: <https://www.eurasia.ro/2024/09/01/the-case-for-a-long-reset-with-russia-washington-will-need-allies-in-the-fight-against-china/> (дата обращения: 12.03.2026).

¹¹ Neff B. Amerikafeindlichkeit – die populärste Ideologie des Westens // Neue Zürcher Zeitung. URL: <https://www.nzz.ch/meinung/amerikafeindlichkeit-die-populaerste-ideologie-des-westens-ld.1844398> (дата обращения: 12.03.2026).

¹² Striker E. The Collapse of the American Empire, Part III: Diplomacy and Soft Power // The Unz Review. URL: <https://www.unz.com/estriker/the-collapse-of-the-american-empire-part-iii-diplomacy-and-soft-power/> (дата обращения: 12.03.2026).

обеспечивает им лучшее экономическое будущее и большую безопасность», – подобные призывы звучат все чаще¹³. В связи с ослаблением американского могущества и ростом силы восходящих держав среди американских геостратегов получила распространение идея выстроить широкое сотрудничество центров силы при ведущей роли США и на американских условиях. Разумеется, американские элиты данную идею проигнорировали, оставаясь приверженцами политики доминирования и силового воздействия.

В настоящее время наблюдается активное соперничество крупных держав, включая Россию, за Африку¹⁴. Аналогичные процессы происходят в соперничестве за АТР, где заметную роль играет антикитайская политика США. Последние «заигрывают» с целым рядом стран, таких как Вьетнам, Филиппины, Индия и др., стремясь укрепить антикитайское окружение. Однако в большинстве случаев (Филиппины, скорее, являются исключением) страны предпочитают вести разновекторную торговую, внешнюю и военную политику.

Как указывают В.Г. Барановский и В.Б. Кувалдин, по сравнению с периодом холодной войны кардинально меняется роль развивающихся стран бывшего третьего мира. Резко возросло их значение в мировой экономике и политике. Полностью изменилось их отношение к сильным мира сего. На смену стратегии неприсоединения по принципу «чума на оба ваши дома» пришла политика активного сотрудничества по всем азимутам, когда налаживаются и развиваются связи со всеми перспективными партнерами независимо от их геополитической ориентации. Прагматизм во внешнеполитических взаимодействиях с упором на экономическую эффективность делает развивающиеся страны полноценными участниками процесса определения контуров и

---

¹³ Kotkin J. The Coming War of Civilizations. America's Decline is not Irreversible. URL: <https://americanmind.org/salvo/the-coming-war-of-civilizations/> (дата обращения: 12.03.2026).

¹⁴ Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее // История и современность. 2024. № 3. (в печати).

правил игры глобального мира XXI в.¹⁵ Повышение значимости стран Глобального Юга для Запада, РФ, Китая и других акторов усиливается недостатком уверенности в том, что Америка по-прежнему выступает флагманом мирового политического процесса¹⁶, более того, многие политики, в частности в Индии, считают, что американское доминирование в мире подошло к концу¹⁷.

Таким образом, один из главных выводов относительно движения к новому мировому порядку заключается в следующем: конкуренция за страны Глобального Юга, в том числе за Африку, будет нарастать (с учетом возможных будущих конфликтов). При этом гибридная война все более распространяется и на Глобальный Юг.

Нестабильность и ненадежность США как партнера и быстрая деградация их политической элиты. Еще одним фактором является нестабильность и ненадежность США, а также быстрая деградация их политической элиты. Об этом пишут многие исследователи. Американская политическая система может оказаться в состоянии паралича по наиболее важным стратегическим вопросам, что заставит мир еще более усомниться в глобальном лидерстве Америки. Бывший министр обороны Р. Гейтс в статье для издания «Foreign Affairs» утверждает, что политические неурядицы в США способствуют усилению геополитической нестабильности, поскольку в расколоте Америки отсутствует постоянство и решимость сдерживать силы глобального беспорядка¹⁸. Подобной нестабильностью крайне недовольны все: как противники США и их критики, так и патриоты-«ястребы» (подобные автору указанной статьи), и просто патриоты.

---

¹⁵ Барановский В.Г., Кувалдин В.Б. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? // Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 8–20.

¹⁶ Peer M. Russland will auch Malaysia ins Wirtschaftsbündnis BRICS holen // Handelsblatt. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/asien-russland-will-auch-malaysia-ins-wirtschaftsbuendnis-brics-holen/100056067.html> (дата обращения: 12.03.2026).

¹⁷ Добров Д. Индия считает, что американское доминирование в мире подошло к концу // ИноСМИ URL: <https://inosmi.ru/20240808/indiya-269761999.html> (дата обращения: 12.03.2026).

¹⁸ Brands H. US is Turning its Back on the World with or without Trump. // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-03-06/us-is-turning-its-back-on-the-world-with-or-without-trump> (дата обращения: 12.03.2026).

К сказанному следует добавить усиливающийся внутренний гражданский конфликт в США, который делает их недостаточно договороспособными во внешней политике и заставляет другие страны каждый электоральный цикл с тревогой задумываться о направлении американской политики. Несмотря на формальные призывы к соблюдению правил в международных делах, ситуация в этом плане стремительно ухудшается. Два подряд покушения на кандидата в президенты во время предвыборной кампании 2024 г. являются показателем серьезного разлада в американском обществе, который постоянно усугубляется с обеих сторон.

Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок

Хотя в настоящее время геополитическая роль Африки не столь велика, она заметно возрастает, равно как и ее экономическая, демографическая роль. Поэтому можно утверждать, что XXI в. в итоге станет веком Африки, что это континент будущего. Африка является наиболее быстрорастущим континентом, и ее рост (демографический, экономический и т.д.) уже оказывает влияние и в будущем неизбежно повлияет еще заметнее на Мир-Систему. Рост африканских обществ принесет как проблемы, так и возможности. Можно предположить, что чем выше будет роль Африки, тем больше на ней будут сказываться мир-системные процессы (и наоборот, тем сильнее она будет влиять на Мир-Систему).

Развитие Африки характеризуется противоречиями и возможными конфликтами, однако при этом здесь присутствует мощная динамика и значительный потенциал, которые уже исчерпаны в западном мире. Африка вносит и будет все заметнее вносить свой вклад в процесс подтягивания третьего мира к первому, то есть в Великую конвергенцию.

Значение Африки для Мир-Системы и отдельных крупных держав будет возрастать, станет ужесточаться конкуренция за ее рынки, ресурсы, политическую поддержку. Причем чем быстрее будет развиваться Африка, тем активнее и острее будет проходить

геополитическая борьба за влияние в африканских странах и в Африке в целом.

В заключение следует отметить, что рост Африки (демографический, экономический, культурный и т.д.) неизбежно будет оказывать влияние (как положительное, так и отрицательное) на Мир-Систему, и чем дальше, тем сильнее. Поэтому мы полностью согласны с теми авторами, которые утверждают, что XXI в. станет веком Африки¹⁹.

Современная ситуация в Африке, в частности, то обстоятельство, что Европа в течение длительного времени сокращала свои интересы в Африке и в настоящее время не в полной мере активизировалась, предоставляет России возможности для более продуктивной африканской политики. В экономическом аспекте у России также имеются некоторые важные преимущества. Растущая потребность стран Африки в зерне и других продуктах питания открывает для России как крупного экспортера окно возможностей для сотрудничества с африканскими странами как в плане долгосрочных поставок, так и с точки зрения открытия российского рынка для продукции африканских производителей. Однако это, безусловно, усиливает конкуренцию России и стран Запада в Африке.

Литература:

1. Барановский В.Г., Кувалдин В.Б. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? // Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 8–20. DOI: 10.17976/jpps/2023.06.02.
2. Гринин Л.Е. Ускорение реконфигурации Мир-Системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего. Ст. 1. Как СВО влияет на

---

¹⁹ Grinin L., Korotayev A. The Twenty-First Century Singularity and the Future of Africa. In Grinin L., Carlson R., Korotayev A. (eds.), *Africa toward the Late 21st Century: The Evolving Context*. Volgograd: Uchitel, 2023. Pp. 337–367; Гринин Л.Е. Ускорение реконфигурации Мир-Системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего. Ст. 1. Как СВО влияет на реконфигурацию Мир-Системы // *Век глобализации*. 2023. № 2. С. 50–72; Goldstone J., May J. The Coming African Century: How the Fourth Industrial Revolution Can Help Africa Rise // *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/africa/coming-african-century> (дата обращения: 12.03.2026).

реконфигурацию Мир-Системы // Век глобализации. 2023. № 2. С. 50–72.

3. Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка // Политическая наука. 2024. № 2. С. 124–150.

4. Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее // История и современность. 2024. № 3. (в печати).

5. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Исламизм и его роль в современном исламском обществе. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2019.

6. Левин З.И. Очерки природы исламизма. М.: ИВ РАН, 2014.

7. Леви Л., Михаэли Б. Деградация Израиля как общенациональный проект и цивилизационная перспектива // История и современность. 2024. № 1. С. 181–205.

8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

9. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Роспэн, 2003.

10. Царегородцева И.А. Исламский активизм: основные этапы развития идеологии. Саватеев А.Д., Нефляшева Н.А., Кисриев Э.Ф. (ред.), Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ. М.: Ин-т Африки РАН, 2017. С. 93–111.

11. Achilov D., Sen S. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? // International Political Science Review. 2017. Vol. 38. № 5. Pp. 608–624.

12. Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. Conclusion. How Many Revolutions will We See in the 21st Century? In Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds.), Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer, 2022. Pp. 1037–1061.

13. Grinin L., Korotayev A. The Twenty-First Century Singularity and the Future of Africa. In Grinin L., Carlson R. Korotayev A. (eds.), Africa toward the Late 21st Century: The Evolving Context. Volgograd: Uchitel, 2023. Pp. 337–367.

14. Osman T. Islamism: What it Means for the Middle East and the World. New Haven, CT: Yale University Press, 2016.

15. Selbin E. All Around the World: Revolutionary Potential in the Age of Authoritarian Revanchism. In Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A.

(eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer, 2022. Pp. 415–433.

16. Tsirel S. Future Technological Achievements as a Challenge for Post-singularity Human Society. In Korotayev A.V., LePoire D.J. (eds.), *The 21st Century Singularity and Global Futures. A Big History Perspective*. Cham: Springer, 2020. Pp. 419–437. DOI: 10.1007/978-3-030-33730-8_19.

17. Zhdanov A., Korotayev A. Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States // *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*. 2022. № 13. Pp. 1–34. DOI: 10.21237/C7clio13054207.

Дронова Дарья Алексеевна
к.и.н., с.н.с., Центра кросс-культурной психологии и этологии
человека,
ИЭА РАН
(dariadronova@yandex.ru)

Бутовская Марина Львовна
чл.-корр. РАН, д.и.н., профессор,
руководитель Центра кросс-культурной психологии и этологии человека,
ИЭА РАН
(marina.butovskaya@gmail.com)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФЕРМЕРСКИХ ОБЩИН, ОБЛАДАЮЩИХ БАНКОМ СЕМЯН, В ТАНЗАНИИ: ЛОКАЛЬНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫМ ВЛИЯНИЯМ

В условиях нарастающих глобальных вызовов: климатической нестабильности, утраты агробιοразнообразия, концентрации рынка семян и усиления зависимости сельских хозяйств от внешних технологий – значение локальных, основанных на общинной практике форм управления сельским хозяйством возрастает. В последние десятилетия именно мелкие фермеры стран Африки южнее Сахары обеспечивают большую часть продовольственного производства, однако их системы знаний, практики отбора и сохранения семян, а также локальные модели управления земельными и биологическими ресурсами находятся под давлением глобальных экономических, политических и научно-технических структур.

На этом фоне фермерские общины, обладающие системой сохранения семян (банк семян), а также объединения фермерских общин формируют особое поле для анализа: они одновременно являются системами сохранения генетического разнообразия с/х культур и политическими формированиями, которые позволяют общинам поддерживать контроль над ключевыми для выживания ресурсами.

Фермерские общины, организующие сохранение семян, впервые появились к концу 1980-х гг. при поддержке международных и национальных неправительственных организаций. Эти общины функционируют как коллективные структуры, сохраняющие и поддерживающие разнообразие местных традиционных сортов сельскохозяйственных культур, обеспечивая доступ к ним для членов общины и будущих поколений. К числу стран, впервые создавших различные типы общинных банков семян, относятся Бангладеш, Бразилия, Зимбабве, Индия, Непал, Никарагуа, Филиппины и Эфиопия¹. Со временем количество и разнообразие таких общин значительно выросло: например, в Непале насчитывается более 100 фермерских общин, работающих с семенами, чьи функции варьируются от чистой консервации до коммерческого производства семян. Несмотря на более чем 25-летнюю историю, разнообразие форм и географическое распространение таких общин, их роль в сохранении агробиологического разнообразия и вклад в продовольственный суверенитет остаются недостаточно признанными.

Особый интерес представляет Танзания – страна, где мелкие производители составляют основу аграрной экономики, а региональные различия (Карату, Аруша, Додома и др.) демонстрируют разнообразие локальных стратегий сохранения культурных и природных ресурсов. Здесь банки семян фермерских общин оказываются не только механизмом сохранения локальных сортов кукурузы, бобовых и проса, но и ключевым элементом биокультурной инфраструктуры, поддерживающей устойчивость сельских территорий.

Банки семян фермерских общин (community seed banks, farmer-managed seed systems) в Танзании обычно описываются в агрономических и политико-экономических рамках: как механизмы сохранения агробиоразнообразия, адаптации к климатическим

---

¹ Community Seed Banks. Origins, evolutions and prospects. Bioversity International / ed by R. Vernooy, P. Shrestha, B. Sthapit. L.: Routledge, 2015.

изменениям или укреплению продовольственной безопасности. Однако они представляются как социально-политические системы, в которых традиционные практики хранения семян пересекаются с вопросами власти, знания, суверенитета и глобальных экономических отношений. Подобно тому, как показали Дж. Скотт² и А. Цзин³, локальные практики, с одной стороны, отражают традиционность, а с другой – представляют собой тонкие формы сопротивления крупным структурам контроля.

Применяя такой подход к семенным банкам в Танзании, мы можем увидеть, что они не являются нейтральной аграрной технологией, сохраняющей знания своих предков, а формируют альтернативный политический конструкт, противостоящий монополизации генетических ресурсов и влиянию через новую парадигму научных знаний, присущих современным глобальным агропрограммам.

Глобальный рынок семян за последние три десятилетия консолидировался до беспрецедентного уровня. В период с 2018 по 2022 гг. сохранялась тенденция глобального объединения в агрохимической и семеноводческой отраслях, при которой «Большая четвёрка» (Bayer, BASF, Corteva и Sinochem) расширяла своё влияние через слияния и поглощения, кульминацией которых стало мегаслияние Sinochem и ChemChina в 2021 г., объединившее два китайских госгиганта и создавшее крупнейший в мире химический конгломерат и третью по величине семеноводческую компанию, которая продолжила свою работу под брендом ранее приобретённого швейцарского Syngenta⁴. «Большая четвёрка» контролируют значительную часть патентов на генетические линии и прав на распространение семян. Правовые системы и национальные законы о

---

² Scott J.C. Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed. L.: Yale university Press, 2020.

³ Tsing A.L. The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins. Oxford: Princeton University Press, 2015.

⁴ Howard P.H. Recent changes in the global seed industry and Digital Agriculture Industries. 2022. URL: <https://philhoward.net/2023/01/04/seed-digital/> (дата обращения: 13.03.2026).

сертификации сортов институционализируют приватизацию генетических ресурсов⁵.

Фактически это биополитическое поле, где решается вопрос: кто контролирует возможность воспроизводить жизнь. Семена превращаются в объект правового контроля, а фермеры – в зависимых потребителей. Это трансформирует отношения людей с землей: от циклической репродуктивной практики к рыночным отношениям покупки и потребления.

Именно на этом фоне общинные банки семян в Танзании приобретают политическую значимость. Они создают систему, где фермеры определяют, какие растения считаются ценными, какие качества ключевыми, какие семена достойными сохранения. Как подчёркивают Р. Верной с соавторами⁶, общинные банки семян формируют «локальные режимы управления генетическими ресурсами», независимые от корпоративных стандартов качества.

В августе 2025 г. мы посетили одну из общин, имеющих банк семян, в Карату (Танзания). Члены общины подробно рассказали о хранящихся у них местных сортах кукурузы, бобов и других культур и сохраняющихся в них микроэлементах и полезных питательных веществах. Акцент был сделан на традиционных знаниях выращивания с/х растений, использовании природных удобрений и средств борьбы с вредителями, сформировавшихся адаптационных свойствах. Наши собеседники выразили сожаление и опасения относительно качества семян от крупных корпораций. Коммерческие гибридные семена (особенно maize hybrid varieties) предполагают, что фермеры ежегодно покупают новый материал, поскольку F2-

---

⁵ Aoki R. Access to genetic patents and clearinghouse model-Economic perspective // Gene Patents and Collaborative Licensing Models: Patent Pools, Clearinghouses, Open Source Model and Liability Regimes / ed. by G.V. Overwalle. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 350-364; Kloppenburg J.R. First the seed: The political economy of plant biotechnology. L.: University of Wisconsin Press, 2005.

⁶ Vernooij R., Shrestha P., Sthapit B. Origins and evolution // Community Seed Banks. Origins, evolutions and prospects. Bioversity International / ed by R. Vernooij, P. Shrestha, B. Sthapit. L.: Routledge, 2015. P. 11-19.

поколение теряет продуктивность⁷. Для фермеров это означает: долговременную экономическую зависимость; рост сезонных рисков; уязвимость к колебаниям цен; снижение семенной автономии; вытеснение традиционных сортов (landrace varieties), адаптированных к засушливым условиям. Это можно трактовать как форму структурной зависимости, закреплённую в глобальной агроэкономике. Однако общины, сохраняющие банки семян, разрывают эту структуру. Наши данные и другие исследования⁸ из регионов Аруша и Килиманджаро показывают, что фермеры, участвующие в банках семян, хранят собственные линии кукурузы, сорго, бобовых; возрождают сорта, исчезающие из коммерческого оборота; уменьшают ежегодные денежные затраты; повышают устойчивость к засухам за счёт локальной адаптации. То есть банк семян – это не только про сохранение традиций, но и инфраструктура автономной экономики.

Законы о семенах в странах Восточной Африки, включая Танзанию, требуют, чтобы сорта были зарегистрированы и сертифицированы⁹. Основным критерий – DUS-стандарты (Distinctness, Uniformity, Stability). Однако локальные сорта не соответствуют этим требованиям: они разнородны, динамичны (постоянно адаптируются к условиям окружающей среды), изменчивы (генетически и морфологически).

Таким образом, законодательство превращается в инструмент исключения: фермерские сорта становятся «нелегальными» для продажи; они исчезают из официальных каналов распространения; государственные программы субсидий не поддерживают их выращивание¹⁰.

---

⁷ Smale M., Olwande J. Demand for maize hybrids and hybrid change on smallholder farms in Kenya // *Agricultural economics*. 2014. Vol. 45(4). Pp. 409-420.

⁸ Mviwata Annual Report January - December 2021. <https://www.mviwata.or.tz/wp-content/uploads/2023/04/MVIWATA-ANNUAL-REPORT-2021.pdf> (дата обращения: 13.03.2026).

⁹ The Seeds Act, 2003 (Act No. 18 of 2003); The Written Laws (Miscellaneous Amendments) Act, 2014 (Act No. 4 of 2014).

¹⁰ Hassena M., van den Broek J., de Boef W., Thijssen M., Louwaars N. Integrated seed sector development: Experiences in Africa. The defining moments in ethiopian seed system. 2012. P. 327-339.

Общины, обладающие банком семян, в Танзании функционируют вне стандартов государственной системы. Они поддерживают то, что государственные и международные классификации не признают: «неоднородные» линии, смеси, локальные адаптации. Это создаёт альтернативную нормативность, где критерии качества определяются не государством и не корпорациями, а самой общиной. Таковую ситуацию, когда локальные практики создают собственное правовое поле, Шивджи¹¹ назвал «правотворчеством снизу».

Многие субсидирующие и климатические программы, включая проекты повышенной продуктивности (Green Revolution 2.0), цифрового сельского хозяйства и «улучшенных семенных систем», - приносят в Танзанию новые сорта, методы и стандарты. Несмотря на декларируемую пользу, они часто опираются на экспертные внешние знания, игнорируя локальные способы селекции, вкусовые предпочтения, культурное значение сортов.

По мнению наших респондентов, в такой форме происходит не принуждение силой, а замещение местных традиционных знаний внешней парадигмой. Поэтому фермерские общины пытаются оказывать сопротивление этому процессу. Фермеры показывают, что централизованные государственные программы по распространению определённых сортов сельскохозяйственных культур следует рассматривать лишь как одну из возможных опций при выборе посадочного материала, а не как единственно правильный путь; банк семян становится площадкой воспроизводства локального знания; критерии адаптивности семян формулируются опытным путем по наблюдаемым признакам растений в поле и сроках хранения урожая.

Таким образом, фермерские общины создают автономию в области знаний о культивировании сельскохозяйственных растений. Повседневные практики как маркировка сортов собственными названиями, ведение регистров, обмен семенами, отбор линий с

---

¹¹ Shivji I.G. Where is Uhuru?: reflections on the struggle for democracy in Africa. Oxford: Fahamu/Pambazuka, 2009.

учётом вкуса и хранения формируют политическую субъектность общины. Через банк семян фермеры: создают альтернативную экономику, основанную на обмене, а не на покупке; укрепляют социальную сеть доверия; обеспечивают межпоколенческую трансмиссию знаний; уменьшают уязвимость перед глобальными вызовами; формируют локальный суверенитет над семенными ресурсами.

Так банк семян становится политическим объектом, через который общины утверждают контроль над землёй, культурой и будущим. А в условиях ускоряющегося изменения климата, потери агробιοразнообразия, монополизации семенного рынка, нестабильности глобальных продовольственных цепочек банки семян фермерских общин в Танзании выступают альтернативной моделью устойчивого будущего.

Литература:

1. Community Seed Banks. Origins, evolutions and prospects. Bioversity International / ed by R. Vernoooy, P. Shrestha, B. Sthapit. L.: Routledge, 2015.

2. Scott J.C. Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed. L.: Yale university Press, 2020.

3. Tsing A.L. The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins. Oxford: Princeton University Press, 2015.

4. Aoki R. Access to genetic patents and clearinghouse model-Economic perspective // Gene Patents and Collaborative Licensing Models: Patent Pools, Clearinghouses, Open Source Model and Liability Regimes / ed. by G.V. Overwalle. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 350-364.

5. Kloppenburg J.R. First the seed: The political economy of plant biotechnology. L.: University of Wisconsin Press, 2005.

6. Vernoooy R., Shrestha P., Sthapit B. Origins and evolution // Community Seed Banks. Origins, evolutions and prospects. Bioversity International / ed by R. Vernoooy, P. Shrestha, B. Sthapit. L.: Routledge, 2015. P. 11-19.

7. Smale M., Olwande J. Demand for maize hybrids and hybrid change on smallholder farms in Kenya // Agricultural economics. 2014. Vol. 45(4). Pp. 409-420.

8. Shivji I.G. Where is Uhuru?: reflections on the struggle for democracy in Africa. Oxford: Fahamu/Pambazuka, 2009.

9. Hassena M., van den Broek J., de Boef W., Thijssen M., Louwaars N. Integrated seed sector development: Experiences in Africa. The defining moments in Ethiopian seed system. 2012. P. 327-339.

Злобин Егор Викторович

Аспирант,

МГИМО МИД РФ

(zlobinegor@outlook.com)

РОЛЬ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА В ПРОДВИЖЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В XXI в. существенно обострились межгосударственные противоречия. Все основные регионы мира в той или иной степени стали зонами политической турбулентности. Тенденция к росту напряженности, интенсификация пограничных споров, обострение социальных противоречий отчетливо наблюдается и на Африканском континенте. Сегодня Африка, где средний возраст жителя составляет 19 лет, уже приблизилось к 1,5 млрд человек, является одновременно территорией разнообразных возможностей и очагом многочисленных конфликтов.

Причины конфликтов отличаются особой сложностью и имеют многоплановый характер, включающий экономические, политические, социально-культурные и этноконфессиональные составляющие.

В 2024 г. президент Южно-Африканской Республики Сирил Рамафоса отметил серьезную обеспокоенность, особо подчеркнув ситуацию в Сомали, Судане, в регионе Сахель, вооруженные действия на востоке Демократической Республики Конго, а также активизацию террористической деятельности экстремистов на севере Мозамбика: «Мы должны удвоить усилия, чтобы заставить замолчать оружие в Африке и дать возможность Африканскому союзу и нашим региональным экономическим сообществам делать больше в поисках мира и стабильности»¹.

Африканский континент на протяжении последних десятилетий сталкивается с широким спектром вызовов миру и безопасности: от

---

¹ ТАСС. В ЮАР выразили обеспокоенность хрупкостью системы международной безопасности. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20213169> (дата обращения: 29.11.2025).

межгосударственных и внутривластных конфликтов до всплеска активности террористических группировок, таких как «Боко Харам», «Аль-Каида в Исламском Магрибе» и «Исламское государство»². Эти угрозы усугубляются слабостью государственных институтов, нелегальным оборотом оружия, трансграничной преступностью и социально-экономической уязвимостью, что делает вопрос обеспечения стабильности одним из ключевых направлений континентальной политики. На сегодняшний день наиболее важным региональным актором в сфере безопасности является Африканский союз (АС), который со своей стороны прилагает огромные усилия для содействия миру, безопасности и стабильности на континенте³.

В данном исследовании проводится юридический анализ существующих нормативно-правовых документов, принятых под эгидой АС, используется теоретическая база, объединяющая концепции регионализма, миростроительства и институционализма, которые опираются на различные подходы в теории международных отношений и управлении конфликтами, в центре внимания которых находится роль региональных организаций в урегулировании конфликтов и построении мира.

История формирования и развития Африканского союза. Предшественником АС была Организация африканского единства (ОАЕ) – панафриканская межправительственная организация, импульсом для создания которой стало разрушение колониальной системы⁴. В результате, у недавно признанных независимыми государств возникла объективная потребность в консолидации усилий для достижения общих политических целей, направленных на укрепление их суверенитета, а также расширению взаимосвязей в

---

² Запрещенные на территории Российской Федерации террористические и экстремистские организации.

³ Андреева Л.А., Бобохонов Р.С., Воронина Н.А., Грибанова В.В., Мозговой С.А., Мосейко А.Н., Нефляшева Н.А., Пономарев И.В., Следзевский И.В., Уланова Н.С., Хайруллин Т.Р., Харитоновна Е.В. Цивилизационные альтернативы Африки. Том IV. Постколониальный цивилизационный транзит Африки. М: Институт Африки РАН, 2024. 274 с.

⁴ Asare-Nuamah P. Understanding African integration from African theoretical perspective. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/322144276_Understanding_African_integration_from_African_theoretical_perspective (дата обращения: 20.11.2025).

рамках межафриканского сотрудничества. Идеологическую базу формирования организации составил панафриканизм – политико-философское течение, ориентированное на консолидацию народов Африки и утверждение их единства вне зависимости от этнических и национальных различий⁵.

Приоритетом деятельности ОАЕ была борьба с апартеидом и расовой дискриминацией в Южной Африке⁶ и Родезии⁷. Через Африканский комитет по освобождению, активно взаимодействовавший с ООН и поддерживаемый рядом государств, включая СССР, организация добивалась международной изоляции расистских режимов и содействовала освобождению стран, оставшихся под колониальным или расовым гнетом. Эти усилия способствовали обретению независимости Гвинеей-Бисау, Анголой, Мозамбиком, Намибией и завершению апартеида, после чего ЮАР присоединилась к ОАЕ в 1994 г. В сфере миротворчества ОАЕ также предпринимала посреднические усилия, в частности, при урегулировании нигерийско-биафрийского кризиса, предотвратив признание сепаратистского образования и возможную дестабилизацию региона⁸.

К концу XX в. ограниченность мандата и институциональная слабость привели к утрате авторитета ОАЕ, неспособности предотвратить геноцид в Руанде, коллапс Сомали и затяжные конфликты в ряде государств⁹. Это укрепило консенсус о необходимости глубокой реформы.

---

⁵ Kimutai G. OAU – Pan-Africanism; AU – Missing Ideology? URL: https://www.researchgate.net/publication/359985067_OAU_-Pan-Africanism_AU_-Missing_Ideology (дата обращения: 20.11.2025).

⁶ Resolution on South Africa CM/Res.1099 (XLVI). URL: <https://www.peaceau.org/uploads/cm-res-1099-xlvi-e.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).

⁷ Resolution on South Rhodesia. CM/Res. 78 (VII). URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/9578-council_en_31_october_4_november_1966_council_ministers_seventh_ordinary_session.pdf (дата обращения: 20.11.2025).

⁸ Мазов С.В. Миротворческая роль Организации африканского единства во время гражданской войны в Нигерии в 1967—1970 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 2. С. 372-392.

⁹ Kawonishe D. Metamorphosis of the OAU to AU: Problems and Prospects // African Journal of International Affairs and Development. 2002. Vol. 7. № 1. P.89

В первые постколониальные десятилетия происходила не только демократизация политических систем, но и одновременно распространялись этнический и религиозный экстремизм, сепаратизм и возникали серьезные военно-политические конфликты. Стремительно менялись глобальный контекст и условия, в которых происходило становление африканских государств. Африканские лидеры пришли к заключению, что ОАЕ не могла дальше надлежащим образом решать новые проблемы, прежде всего по поддержанию мира и безопасности. В 2002 г. было принято решение о создании Африканского союза – как интеграционного объединения с расширенным мандатом, ориентированного на демократическое управление, защиту прав человека и социально-экономическое развитие.

Переход к Африканскому союзу стал качественным расширением возможностей континентальных институтов в сфере мира и безопасности. Новые полномочия АС позволили отойти от жесткого принципа невмешательства и закрепили возможность вступления в конфликт в случае геноцида, военных преступлений и грубых нарушений прав человека. На базе АС была сформирована Африканская архитектура мира и безопасности (APSA), включающая Совет по миру и безопасности, систему раннего предупреждения, Панель мудрецов и Африканские резервные силы. Эти инструменты были призваны обеспечивать возможность оперативного реагирования на кризисы, развертывания миротворческих миссий и поддержки политических процессов в постконфликтных государствах.

Регионализм и региональное сотрудничество. Согласно теории регионализма, такие организации, как АС, играют ключевую роль в формировании региональной архитектуры безопасности, создавая механизмы взаимодействия и управления конфликтами¹⁰. АС через Совет мира и безопасности (СМС) и Африканские резервные силы (АРС) представляет собой институциональную модель

---

¹⁰ Boulden J. Regional Organizations and Peacekeeping: The Case of Africa // Global Governance. 2004. Vol. 10. № 3. Pp. 377-392.

регионального сотрудничества, направленную на урегулирование кризисов и предотвращение их эскалации. В этом контексте АС обеспечивает площадку для совместного обсуждения угроз и формирования коллективных мер безопасности.

Однако регионализм сталкивается и с рядом ограничений. Эффективность региональных организаций часто снижается из-за нехватки ресурсов и политической разобщенности среди государств-членов¹¹. Возможности АС по реализации мирных инициатив нередко ограничены недостаточным финансированием и логистическими трудностями, что снижает его потенциал для проведения масштабных операций.

Важной сохраняющейся проблемой является разграничение полномочий между Африканским союзом и координационными механизмами региональных резервных бригад, представляющими собой совокупность институциональных структур, процедур и правовых инструментов, обеспечивающих согласование деятельности между Африканским союзом, региональными механизмами и государствами-участниками при формировании, подготовке и развертывании сил Африканских резервных бригад в рамках Африканской архитектуры мира и безопасности. Данный вопрос регулируется Меморандумом о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области мира и безопасности между Африканским союзом, региональными экономическими сообществами и координационными механизмами региональных резервных бригад Восточной и Северной Африки. Подписан 2 сентября 2007 г.¹²

Меморандум представляет собой юридически обязательный документ, определяющий общие принципы и обязанности Африканского союза, региональных экономических сообществ и координационных механизмов резервных бригад в области

---

¹¹ Acharya A. The African Union and the Globalization of International Law // Journal of African Law. 2011. Vol. 55. № 1. Pp. 65-88.

¹² Memorandum of Understanding on Cooperation in the Area of Peace and Security between the African Union, the Regional Economic Communities and the Coordinating Mechanisms of the Regional Stand by Brigades of Eastern Africa and Northern Africa.

поддержания мира и безопасности. Однако его практическая ценность оказалась ограниченной: документ носит преимущественно декларативный характер, не закрепляет четкие процедуры взаимодействия между институтами и не разграничивает их компетенции в сфере миротворчества, что снижает эффективность совместных действий.

Отсутствие ясного распределения полномочий особенно проявилось в ходе конституционного кризиса в Того в 2005 г. Несмотря на первоначально согласованную реакцию, когда АС и Экономическое сообщество стран Западной Африки («ЭКОВАС») совместно осудили неконституционный переход власти, позиции организаций вскоре разошлись: ЭКОВАС оперативно сняла санкции с временного руководства, тогда как Совет мира и безопасности АС, напротив, ввел новые ограничительные меры. Различные сигналы, направленные Форуму Ньяссингбе, подрывали давление на переходные власти и способствовали углублению политического кризиса. Формально, Меморандум закрепляет необходимость опираться на принципы subsidiarity, complementarity и comparative advantages. Однако документ не раскрывает содержание этих подходов и фактически смешивает их с провозглашенной в ст. 20 «ведущей ролью» Африканского союза.

Принцип subsidiarity предполагает, что Союз должен действовать только в тех сферах, где его вмешательство обеспечивает лучший результат, чем усилия РЭС или отдельных государств. Принцип complementarity требует, чтобы АС дополнял деятельность субрегиональных организаций, не замещая их механизмов. Принцип comparative advantages ориентирован на распределение функций в зависимости от институциональной компетентности каждой стороны. Однако отсутствие критериев их практического применения приводит к спорам о том, кто должен играть ведущую роль в конкретной кризисной ситуации.

Конкретизация указанных принципов в нормативно-правовых актах Африканского союза могла бы помочь разграничить

полномочия всех акторов и улучшить эффективность их деятельности в сфере обеспечении мира и безопасности.

Миростроительство и предотвращение конфликтов

Теория миростроительства акцентирует внимание на необходимости долгосрочных усилий по устранению глубинных причин конфликтов, таких как бедность, неравенство и политическая изоляция. Миростроительные инициативы направлены на укрепление социальной сплоченности, продвижение надлежащего управления и создание инклюзивных политических систем¹³. Мандат АС соответствует этим задачам: его участие в миротворческих операциях в Дарфуре (Судан), Сомали и Центральноафриканской Республике отражает стремление стабилизировать постконфликтные регионы. Однако возможности АС по реализации долгосрочных миростроительных программ ограничены политической волей государств-членов и сложностью конфликтов, которые включают этнические, религиозные и политические измерения и требуют контекстуально ориентированных локальных решений.

Участие АС в миростроительстве приобретает особое значение в контексте постконфликтного восстановления. Например, в Судане АС выступил посредником в мирных переговорах между правительством и вооруженными группировками, что завершилось подписанием Всеобъемлющего мирного соглашения (СРА) в 2005 г.

Институционализм и организационный потенциал

Институционализм в теории международных отношений подчеркивает важность формальных и неформальных институтов в формировании поведения государств и содействии координации их действий. Согласно данному подходу, международные и региональные организации играют значимую роль в управлении коллективными вызовами¹⁴.

---

¹³ Lederach J.P. *Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies*. Washington DC: United States Institute of Peace Press, 1997.

¹⁴ Keohane R.O. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Несмотря на наличие развитых институциональных механизмов, АС сталкивается со значительными трудностями в реализации своего мандата. Африканские резервные силы («ASF»), предназначенные для обеспечения быстрого реагирования, часто испытывают дефицит логистических и финансовых ресурсов. Недостаточный уровень оперативной готовности ограничивает эффективность миротворческих операций АС, что ярко проявилось в ходе конфликтов в Сомали и ЦАР. Особенно показательной является деятельность Миссии АС в Сомали (AMISOM), которая сыграла ключевую роль в стабилизации отдельных районов страны и поддержке Переходного федерального правительства.

Заключение

Несмотря на существующие проблемы, АС внес значимый вклад в укрепление стабильности на континенте¹⁵, прежде всего благодаря проведению миротворческих операций, применению инструментов раннего предупреждения и участию в постконфликтном восстановлении. Его деятельность в Сомали, ЦАР и Судане подтверждает, что АС способен играть значимую роль в урегулировании региональных кризисов. Однако эффективность организации остается ограниченной институциональными слабостями, нехваткой ресурсов, политической фрагментацией государств-членов и зависимостью от внешнего финансирования и логистики.

Важным направлением дальнейшего совершенствования африканской архитектуры мира и безопасности является конкретизация принципов субсидиарности, комплементарности и сравнительных преимуществ, закрепленных в Меморандуме 2007 г. Отсутствие их четкого нормативного определения затрудняет разграничение полномочий между АС и РЭС, создает дублирование функций и приводит к противоречивым решениям в кризисных ситуациях. Разработка ясных критериев применения этих принципов

---

¹⁵ Murithi T. The African Union's Evolving Role in Peace and Security in Africa // African Security Review. 2009. Vol. 18. № 3. Pp. 38-51.

позволила бы институционализировать распределение ролей, повысить координацию и избежать противоречий, которые проявились во время политического кризиса в Того в 2005 г.

Будущая результативность Африканского союза в обеспечении устойчивой стабильности будет зависеть от степени укрепления его институционального потенциала, повышения финансовой автономии, политической согласованности государств-членов и углубления интеграции.

Литература:

1. Андреева Л.А., Бобохонов Р.С., Воронина Н.А., Грибанова В.В., Мозговой С.А., Мосейко А.Н., Нефляшева Н.А., Пономарев И.В., Следзевский И.В., Уланова Н.С., Хайруллин Т.Р., Харитоновна Е.В. Цивилизационные альтернативы Африки. Том IV. Постколониальный цивилизационный транзит Африки. М: Институт Африки РАН, 2024. 274 с.

2. Мазов С.В. Миротворческая роль Организации африканского единства во время гражданской войны в Нигерии в 1967—1970 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 2. С. 372-392. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-372-392

3. Acharya A. The African Union and the Globalization of International Law // Journal of African Law. 2011. Vol. 55. № 1. Pp. 65-88.

4. Boulden J. Regional Organizations and Peacekeeping: The Case of Africa // Global Governance. 2004. Vol. 10. № 3. Pp. 377-392.

5. Kawonishe D. Metamorphosis of the OAU to AU: Problems and Prospects // African Journal of International Affairs and Development. 2002. Vol. 7. № 1. Pp.84-111.

6. Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984.

7. Lederach J.P. Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies. Washington DC: United States Institute of Peace Press, 1997.

8. Murithi T. The African Union's Evolving Role in Peace and Security in Africa // African Security Review. 2009. Vol. 18. № 3. Pp. 38-51.

Зубов Вадим Владиславович
к.и.н., доцент Кафедры политологии,
Финансовый университет при Правительстве РФ
(zubov305@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В ПЕРИОД «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Роль социальных сетей в дестабилизации политических процессов в Северной Африке во время «Арабской весны» (2010-2012 гг.) была не просто значительной, но и трансформационной. Новые способы информационного обмена стали катализатором протестов, они изменили информационный ландшафт и динамику политической мобилизации населения. Социальные сети выступили одним из инструментов смены политической архитектуры ряда североафриканских государств, которая, в свою очередь, была нацелена на «перехват управления без разрушения инфраструктуры»¹.

Социальные сети в преломлении к событиям «Арабской весны» стали триггером возникновения новой модели политической мобилизации, связанной с противостоянием горизонтальных сетей и вертикальных иерархий и с обходом государственных СМИ и возникновением так называемой «революционной коммуникации»².

Традиционные оппозиционные партии и профсоюзы были либо подавлены, либо бюрократизированы. Соцсети позволили создать децентрализованные, горизонтальные сети активистов. Страницы вроде «Мы все Халед Саид» в Египте (администрируемые Ваилем Ганимом) стали главными платформами для объявления места и времени акций. При этом государственное телевидение либо игнорировало протесты, либо дискредитировало их. Соцсети и

---

¹ Новиков О.Г., Рьжикова Д.А., Высоцкий Р.Н. Объективные и субъективные предпосылки возникновения цветных революций в XXI веке // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Том 8. № 1. С. 42.

² Водянов И.Н. О роли средств массовой информации в политических процессах на примере «Арабской весны» // Коммуниктология. 2023. Том 11. № 3. С. 87.

спутниковые каналы (например, Al Jazeera) стали альтернативным источником информации в реальном времени, что лишало режимы монополии в инфополе.

Деятельность в рамках социальных сетей выступила одним из факторов разбалансировки политического статус-кво в ряде североафриканских государств, а основными эффектами такой деятельности стали ускорение политического кризиса вследствие снижения адаптационной способности национальных правительств в части контроля за политической динамикой, делегитимация правящих режимов посредством разрушения системы пропаганды и манипуляции как «разновидности внушающей коммуникации»³, фрагментация инфополя путем четкого секционирования противоборствующих социальных групп по признаку внутреннего идеологического единства и неприятия оппонентов⁴.

Таким образом, социальные сети стали ключевым фактором дестабилизации в Северной Африке, изменив саму логику политической мобилизации в условиях авторитаризма. Они катализировали протест, преодолев барьер страха, организовали массы в обход традиционных иерархий, ускорили крах легитимности режимов, глобализировали локальные конфликты.

Литература:

1. Андреева Л.А., Бобохонов Р.С., Воронина Н.А., Грибанова В.В., Мозговой С.А., Мосейко А.Н., Нефляшева Н.А., Пономарев И.В., Следзевский И.В., Уланова Н.С., Хайруллин Т.Р., Харитоновна Е.В. Цивилизационные альтернативы Африки. Том IV. Постколониальный цивилизационный транзит Африки. М: Институт Африки РАН, 2024. 274 с.

---

³ Филиппов А.Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования // Власть. 2024. № 3. С. 136.

⁴ Андреева Л.А., Бобохонов Р.С., Воронина Н.А., Грибанова В.В., Мозговой С.А., Мосейко А.Н., Нефляшева Н.А., Пономарев И.В., Следзевский И.В., Уланова Н.С., Хайруллин Т.Р., Харитоновна Е.В. Цивилизационные альтернативы Африки. Том IV. Постколониальный цивилизационный транзит Африки. М: Институт Африки РАН, 2024. 274 с.

2. Водянов И. Н. О роли средств массовой информации в политических процессах на примере «Арабской весны» // Коммуниктология. 2023. Том 11. № 3. С. 86-99.

3. Новиков О. Г., Рыжикова Д. А., Высоцкий Р. Н. Объективные и субъективные предпосылки возникновения цветных революций в XXI веке // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Том 8. № 1. С. 41-56.

4. Филиппов А. Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования // Власть. 2024. № 3. С. 133-139.

Иванов Алексей Геннадьевич

*к.и.н., заведующий кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
(a-ivanov79@mail.ru)*

Смирнов Никита Олегович

*студент,
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»*

ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ КАНАДЫ В КОНТРПИРАТСКОЙ КАМПАНИИ НАТО У ПОБЕРЕЖЬЯ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ (2008- 2016 ГГ.)

В начале XXI столетия проблема морского пиратства в прибрежных водах Индийского океана, в первую очередь в районе Африканского Рога, приобрела статус одного из наиболее серьезных вызовов международной безопасности. Резкий рост пиратской активности, отмеченный с 2003 г., привел к формированию крупнейшей угрозы мировому судоходству, сопряженной с колоссальными экономическими и репутационными потерями. Возрастающие с каждым годом масштабы морского разбоя в акватории Аденского залива и открытом океане, а также непосредственно связанный с этим риск эскалации террористической угрозы, стали причиной активного вмешательства международного сообщества. На протяжении первой половины 2010-х гг. у берегов Восточной Африки были развернуты флоты большинства ведущих государств мира, включая коалиционные военно-морские силы блока НАТО. Несмотря на ряд крупных военных операций по противодействию сомалийскому пиратству, данный вид противоправной деятельности на море в настоящий момент не искоренен полностью и продолжает оставаться фактором экономической и политической дестабилизации региона.

Проблемам возникновения феномена африканского пиратства, его истории и культурной специфике посвящено немало количество российских и зарубежных исследований. В англоязычной литературе достаточно подробно освещен общий ход и результаты международных контрпиратских миссий, таких как EU NAVFOR «Atalanta», Combined Task Force 151 и т.д. Вместе с этим вопросы участия в данных операциях отдельных государств, их роли, мотивации и непосредственного вклада в нейтрализацию пиратской угрозы практически не подвергались целенаправленному изучению. В данном контексте особенно интересным представляется исследование Канады как классического примера «державы среднего ранга» (middle power) – страны, по ряду признаков не являющейся глобальной державой, но обладающей собственными международными интересами и политическими амбициями¹. В качестве гипотезы предполагается, что участие канадского флота в международной контрпиратской кампании, особенно в период нахождения у власти в стране консервативного правительства Стивена Харпера (2006-2015), преследовало в большей степени политические цели, зачастую преваляровавшие над оперативно-тактическими задачами сдерживания морской преступности в регионе. Развертывание кораблей ВМС Канады в водах Африканского Рога являлось элементом комплексной стратегии по укреплению международного авторитета и формированию имиджа флота страны как современного, боеспособного вида войск глобального назначения, тем самым способствуя легитимации оборонных расходов и привлечению дополнительных инвестиций в военно-морскую отрасль.

В 2008 г. пиратство в водах Аденского залива и вдоль восточного побережья Сомали из локального кризисного фактора трансформировалась в полномасштабную проблему, привлекающую пристальное внимание мирового сообщества. По данным Международного морского бюро (ИМБ), к концу года в регионе было

---

¹ Жуковская Н.Ю. «Средние державы» как элемент современной мировой системы: к вопросу о теоретическом осмыслении концепта // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 1 (171). С. 94-100.

зафиксировано 111 нападений пиратов, что почти вдвое превосходило аналогичный показатель за 2007 г.² В том же году организация «Joint War Committee», оценивающая степень угрозы океанскому судоходству, внесла Аденский залив к северу от Сомали в список зон военных действий и приравненных к ним³. В ответ на официальную просьбу сомалийского правительства, 2 июня 2008 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию №1816, призывающую к координации усилий государств и региональных организаций для защиты морских торговых путей. Данный документ официально позволил ВМС и ВВС государств, сотрудничающих с сомалийскими властями, в течение шести месяцев входить в территориальные воды республики в целях борьбы с пиратством. В резолюции №1846 от 2 декабря 2008 г. СБ ООН продлил указанный срок еще на 12 месяцев, а принятая 16 декабря резолюция №1851 фактически открывала сухопутное, морское и воздушное пространство Сомали для применения «всех необходимых средств» подавления пиратской активности⁴.

В связи со вступлением в силу вышеуказанных постановлений 2008 г. принято считать официальным началом международной контрпиратской кампании. К этому моменту Канада уже более года поддерживала ограниченное военно-морское присутствие в районе Африканского Рога, выполняя оперативные задачи по обеспечению безопасности гуманитарных миссий ООН. С ноября 2007 по июнь 2008 г. под конвоем фрегата «Квебек» в Сомали было доставлено более 21 000 т. продовольственной помощи в рамках Всемирной продовольственной программы⁵. Годом ранее эскадра Постоянной морской группы НАТО (SNMG1), в состав которой входил канадский фрегат «Торонто», совершила плавание вокруг африканского

---

² Ploch L., Blanchard C.M., O'Rourke R., Mason R.C., King R.O. Piracy off the Horn of Africa. Congressional Research Service, 2009. 40 p.

³ Рагунштейн А.Г., Рагунштейн О.В. Противодействие морскому пиратству у берегов Сомали // Auditorium. 2014. № 2 (6). С. 5-15.

⁴ Котляр В.С. Пиратство в XXI веке // Международная жизнь. 2009. № 8. С. 78-89.

⁵ Bedford C. The View from the West: Piracy in Somalia: A Growing Crisis // Canadian Naval Review. 2008. Vol. 4. № 3. P. 35-36.

континента после извержения вулкана на острове Джебель-эт-Таир. В качестве одной из вспомогательных целей данной экспедиции было официально заявлено «пресечение и сдерживание пиратства»⁶. Представленные кейсы являются характерными примерами реализации политики т.н. «мягкой силы», направленной на поддержание положительного имиджа страны посредством участия в глобальных дипломатических акциях, что достаточно ярко иллюстрирует общую тенденцию во внешнеполитическом курсе Оттавы к началу 2000-х гг.⁷

Однако начало широкомасштабного развертывания коалиционных сил в водах Сомали летом 2008 г. значительным образом изменило специфику пребывания в регионе канадского флота. В июне коммодор Королевского ВМФ Канады Боб Дэвидсон принял командование Объединенной оперативной группой 150 (СТФ-150) – флотилией военных кораблей семи государств, образующую морскую компоненту сил операции «Несокрушимая свобода: Африканский Рог» и находящуюся в непосредственном подчинении 5-го флота Военно-морских сил США. Первоначально в цели международной эскадры входило преследование террористов и предотвращение морской контрабанды оружия. Однако впоследствии список задач был расширен, включив, помимо прочего, создание патрулируемой зоны морской безопасности для коммерческих судов в Аденском заливе. Тем же летом состав Объединенной группы пополнился фрегатами «Ирокез», «Калгари» и кораблем снабжения класса «Протектор», которые в соответствии с приказом Министерства национальной обороны отправились в акваторию Индийского океана с военно-морских баз Галифаксе и Эскуаймолте. Развертывание у берегов Сомали трёх флагманских кораблей с более 1000 человек личного состава на борту стало крупнейшей зарубежной военной операцией Канады со времен начала войны в Афганистане. В январе 2009 г. командование США создало Объединенную оперативную

⁶ Thomas D. Anti-Piracy Operations // Canadian Naval Review. 2008. Vol. 3, № 4. P. 25.

⁷ Иванов А.Г. Канадский опыт формирования имиджа страны и строительства институтов soft power // Дискурс-Пи. 2014. № 2-3 (15-16). С. 123-128.

группу 151 (CTF-151), единственной задачей которой стало силовое противодействие пиратству вблизи побережья Восточной Африки. Первым командующим новой союзной группировкой был назначен коммодор Королевского Канадского флота Роджер Жируар⁸.

Параллельно развивалась контрпиратская деятельность самого Североатлантического альянса. В октябре 2008 г. НАТО развернуло первую из двух постоянных военно-морских групп для проведения контрпиратских акций в указанном районе. Первое развертывание, также известное как операция «Союзный поставщик» носило временный характер и предназначалось для сопровождения судов Всемирной продовольственной программы, доставляющих гуманитарную помощь в пострадавшие от голода области Восточной Африки⁹. Спустя 2 месяца, в декабре того же года, командование Североатлантического блока завершило данную миссию и передало обязанности по защите ВПП вновь образованной европейской коалиции EU NAVFOR. Однако рост пиратской активности и непрекращающиеся нападения вскоре побудили Альянс к значительному усилению военно-морского присутствия. С 24 марта по 17 августа 2009 г. проводилась международная операция «Союзный защитник», в качестве целей которой декларировались «контроль, защита и пресечение пиратской деятельности» в Аденском заливе. В августе 2009 г. НАТО заменило ее операцией «Щит океана» под командованием Постоянной морской группы 2 (SNMG2). Как и предыдущие миссии, своей первостепенной задачей она предполагала сдерживание преступности на море и незамедлительное реагирование на угрозы гражданским судам. 2 апреля 2009 г. канадский фрегат «Виннипег» был развернут в составе SNMG1 в рамках интегрированной операции «Секстант», начав 10-недельную миссию по борьбе с пиратством. Эта задача была продолжена в 2010 г. судном

---

⁸ Garrett N.G.D., Hendrickson R.C. NATO's Anti-Piracy Operations: Strategic and Political Implications // Atlantisch Perspectief. 2009. Vol. 33. № 8. P. 9-13.

⁹ Counter-piracy operations (2008-2016). // NATO. – 2022. – URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/operations-and-missions/counter-piracy-operations-2008-2016> (дата обращения: 29.03.2026).

«Фредериктон» в рамках операции «Саиф»¹⁰. Фактически в период с 2008 по 2012 г. наиболее многочисленные и боеспособные единицы Королевского флота Канады были последовательно задействованы у Африканского Рога, их деятельность была полностью вписана в коалиционные структуры НАТО. Данная интеграция служила двум ключевым целям Оттавы: с одной стороны, она демонстрировала союзническую солидарность и позволяла наращивать оперативный опыт флота в условиях реальных угроз, с другой - создавала видимый и политически значимый вклад в общее дело альянса, что было важным элементом стратегического позиционирования страны как надёжного глобального партнёра и ответственного международного игрока¹¹.

Согласно отчету Центрального командования ВМС США, в период с января по август 2009 г. STF-151 и другие сотрудничающие военно-морские силы «столкнулись с 527 пиратами; 282 из них были разоружены и освобождены, 235 были разоружены и переданы для судебного преследования, а 10 были убиты». Тем не менее, количество пиратских нападений, несмотря на все предпринятые меры, продолжило возрастать, и к сентябрю достигло 156-ти, включая 33 успешных захвата. Фактор морского разбоя по-прежнему представлял очевидную угрозу торговому судоходству и доставке гуманитарного груза. Международный арбитр ООН по морскому праву, доктор юридических наук В.С. Котляр в том же году охарактеризовал ситуацию следующим образом: «захваты судов успешно продолжаются и приносят хорошую прибыль, а, как известно, дурной пример заразителен, и вирус пиратства перекидывается на новые районы». Успехи многонациональной морской коалиции не позволяли говорить даже о частичной ликвидации пиратства, поэтому в феврале 2010 г. советом НАТО было принято решение

---

¹⁰ Operation SAIPH // National Defence and the Canadian Forces. URL: <https://web.archive.org/web/20110706181734/http://www.comfec.forces.gc.ca/pa-ap/ops/saiph/index-eng.asp> (дата обращения: 29.03.2026).

¹¹ Иванов А.Г., Смирнов Н.О. Военно-морские операции Канады на Ближнем Востоке (1990-2003 гг.) // Современные достижения университетских научных школ. Сборник докладов национальной научной школы-конференции. Магнитогорск, 2024. С. 209-214.

продлить операцию «Океанский щит» сначала до 2012 г., а впоследствии до 2014 г., когда количество пиратских атак в зоне Аденского залива и Красного моря начало постепенно сокращаться. Опубликованный по итогам первой половины 2013 г. отчет ИМВ зафиксировал самый низкий уровень активности пиратов с середины 2000-х гг.: из 138 нападений на море лишь 7 завершились захватом торговых судов, 2 из которых произошли в Сомалийской прибрежной зоне¹². Статистические данные за последующие годы позволяют проследить устойчивую положительную динамику в разрешении пиратского кризиса. Эксперты Международного морского бюро отмечают, что снижению пиратской активности в районе Сомали способствовал комплекс мероприятий, в числе которых называются: расширение практики использования частных охранных компаний, активное применение специальной техники и оборудования на борту судов, совершенствование специальной подготовки экипажей и организованная деятельность по уничтожению негосударственных вооруженных формирований¹³. Операция «Щит океана» была прекращена НАТО 15 декабря 2016 г. Однако установленные факты пиратских нападений в современный период позволяют сделать выводы лишь о промежуточных результатах в длительной борьбе по полному искоренению данного вида преступной деятельности¹⁴.

Относительно эффективности контрпиратских операций у берегов Сомали силами НАТО и США в академической и экспертной среде на сегодняшний день не существует единой оценки. Западные исследователи, такие как К. Бланшар, Р. О'Рурк, К. Бедфорд и С. Сунклер¹⁵, подчеркивают главенствующую роль иностранных коалиций в противодействии пиратству, приводя в качестве аргумента статистические данные по количеству нейтрализованных пиратских

---

¹² Мезенцев С.В. Применение иностранной военной силы в Африке // Азия и Африка сегодня. 2013. – № 6. С. 44-49.

¹³ IMO. Reports on Acts of Piracy and Armed Robbery Against Ships. Annual report – 2013. MSC.4/Circ.208. URL: <http://www.imo.org/> (дата обращения: 29.03.2026).

¹⁴ Данные по количеству пиратских нападений за 2017–2018 гг. // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190116/1549452391.html> (дата обращения: 29.03.2026).

¹⁵ Sunkler S. Boarding! Op. Atlanta // Kommando. 2012. №4. P. 38-41.

групп и «предупрежденных» нападений. В то же время некоторые африканские политические и военные деятели на протяжении 2010-х гг. высказывали сомнения в заинтересованности западных государств в практическом решении проблемы пиратства. По мнению ряда независимых военных экспертов, сохраняющаяся, хотя и сниженная угроза морских нападений создавала НАТО формальный предлог для поддержания долгосрочного военного присутствия в стратегически важном районе Индийского океана, что само по себе являлось значимым внешнеполитическим интересом.

Кроме того, публичная репрезентация успехов военно-морской кампании служила выгодным средством легитимации и политического пиара западных стран. Систематическая публикация успешных отчетов о победах в боестолкновениях с пиратами, освобождении заложников и задержании подозреваемых в морском разбое решало задачу формирования и поддержания позитивного общественного мнения, укрепляя образ вооружённых сил как современного и эффективного инструмента внешней политики. Канадский кейс в данном отношении показателен: Министерство национальной обороны и Военно-морской штаб страны последовательно и системно использовали контрпиратскую миссию как мощный информационный повод для демонстрации возможностей флота и обоснования его глобальной роли накануне празднования столетнего юбилея.

Начиная с 2008 г., тема противодействия пиратству становится центральной в канадских военно-аналитических изданиях. Например, летний номер журнала «Canadian Naval Review» за 2009 г. содержит серию статей («Пиратство и политика», «После Афганистана»¹⁶, «Возрождение древних проблем»¹⁷), подробно разбирающих тактические аспекты участия Канады в операциях STF-151 и «Союзный защитник». Помимо информирования общественности,

---

¹⁶ Lennox P. After Afghanistan: Maritime Options for the Future of Canadian Global Engagement // Canadian Naval Review. 2009. Vol. 5. № 2. P. 7-9.

¹⁷ Palliser S. Ancient Problems Renewed: Piracy in Somalia // Canadian Naval Review. 2009. Vol. 5. № 2. P. 10-16.

данные публикации аргументировали стратегическую необходимость присутствия военно-морских сил государства в Индийском океане. Как отметил научный сотрудник Канадского института обороны и иностранных дел Патрик Леннокс, «размещение кораблей у берегов Африканского Рога обеспечивает свободный поток торговли через регион и привлекает внимание к Канаде на международной арене. Пора задуматься о том, какой вклад мы будем вносить в обеспечение глобальной стабильности и безопасности».

Немаловажной составляющей медиастратегии ВМС Канады также было визуальное воздействие. Фотографии фрегатов под флагом кленового листа в Аденском заливе, сцен задержания подозреваемых и работы бортовых групп систематически публиковались в статьях и аналитических отчетах, а также на обложках периодических новостных журналов. Уникальным элементом канадской информационной кампании стало участие в ней военно-морских офицеров, непосредственно принимавших участие в боевых операциях. Так, весной 2010 г. «Canadian Naval Review» опубликовало масштабную статью-воспоминание командира фрегата «Виннипег» Крейга Бейнса, детально описавшего опыт командования кораблем в составе SNMG1 с февраля по август 2009 г.¹⁸ Важная роль в информационном сопровождении канадской миссии отводилась официальным видеосюжетам. 20 и 25 ноября 2009 г. на сайте Министерства Национальной обороны были опубликованы два видеоролика под общим названием «Операция Саиф», в которых подробно освещались выполнение боевых задач и жизнь экипажа на борту развернутого в Аденском заливе фрегата «Фредериктон»¹⁹. Публичные высказывания и интервью военных также способствовали формированию желаемого образа военно-морских сил. Комментируя трудности оценки эффективности канадского присутствия, лейтенант

---

¹⁸ Baines C. Dangerous Waters: HMCS Winnipeg Tackles Piracy in the Gulf of Aden // Canadian Naval Review. 2010. Vol. 6, № 1. P. 14-19.

¹⁹ Operation SAIPH: Life on board HMCS Fredericton // National Defence and the Canadian Forces. URL: <https://web.archive.org/web/20120424124827/http://www.comfec.forces.gc.ca/pa-ap/ops/saiph/onboardvideo-eng.asp> (дата обращения: 29.03.2026).

Джейк Френч отметил: «Сдерживание не всегда легко измерить. Вы никогда не знаете, сколько пиратских атак смогли предотвратить, просто находясь в этом районе. Но, безусловно, вид вертолета коалиции, пролетающего над головой, вид военного корабля на горизонте, который может сопровождать гражданское судно - такие вещи могут отпугнуть пиратов, и нам даже не обязательно знать об этом». Подобные нарративы, транслируемые посредством СМИ, позволяли эффективно сместить фокус общественности с количественных результатов на качественную, превентивную роль военного присутствия, что делало вклад Канады политически весомым даже при отсутствии значительных результатов.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что оперативно-тактический вклад Королевских ВМС Канады в международную контрпиратскую кампанию 2008-2016 гг. в целом был ограничен и носил интегрированный характер. Фактическое подавление пиратской активности в Аденском заливе и у побережья Африканского Рога к середине 2010-х гг. стало совокупным результатом усилий многонациональной коалиции, ключевых изменений в практике защиты торгового судоходства, а также военных действий на суше, в которых индивидуальная роль Канады не была определяющей. Однако именно ограниченность непосредственного влияния на нейтрализацию пиратской угрозы нагляднее всего демонстрирует эффект канадского участия в стратегическом измерении. Для Оттавы развертывание сил морского реагирования в прибрежных водах Восточной Африки являлось средством комплексного решения задач политического характера. Во внешнеполитическом отношении оно послужило доказательством приверженности союзным обязательствам НАТО и позволило трансформировать международное восприятие канадского флота от сил преимущественно береговой обороны в сторону современного вида войск, способного к глобальному проецированию²⁰. Активное и

---

²⁰ Иванов А.Г., Смирнов Н.О. Безопасность вместо суверенитета: военно-морская стратегия Канады в Арктике В XXI веке // Актуальные проблемы современной науки, техники и

многостороннее информационное сопровождение операций у берегов Сомали, способствовало конструированию положительного внутреннего имиджа военно-морских сил, преодолению «морской слепоты» в канадском обществе и созданию идеологической основы для последующих инвестиций в оборонный сектор. Канадский кейс наглядно иллюстрирует механизм, посредством которого «держава среднего ранга» использует ограниченное военное участие в многонациональной операции для достижения непропорционально значимых политических результатов²¹.

Таким образом, рабочая гипотеза, сформулированная в начале исследования, в целом была подтверждена.

Литература:

1. Жуковская Н. Ю. «Средние державы» как элемент современной мировой системы: к вопросу о теоретическом осмыслении концепта // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 1 (171). С. 94-100.

2. Иванов А.Г. Канада и война в Ираке 2003-2011 гг. // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX - начало XXI в.). Материалы международной научно-практической конференции / Отв. Ред. А.П. Косов. 2013. С. 83-87.

3. Иванов А.Г. Канадский опыт формирования имиджа страны и строительства институтов soft power // Дискурс-Пи. 2014. № 2-3 (15-16). С. 123-128.

4. Иванов А.Г., Смирнов Н.О. Безопасность вместо суверенитета: военно-морская стратегия Канады в Арктике В XXI веке // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. Тезисы докладов 83-й международной научно-технической конференции. Том 3. Магнитогорск, 2025. С. 117.

образования. Тезисы докладов 83-й международной научно-технической конференции. Том 3. Магнитогорск, 2025. С. 117.

²¹ Иванов А.Г. Канада и война в Ираке 2003-2011 гг. // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX - начало XXI в.). Материалы международной научно-практической конференции / Отв. Ред. А.П. Косов. 2013. С. 83-87; Иванов А.Г., Хайруллин Т.Р. Роль Канады в свержении режима Каддафи в контексте ее стратегии в ближневосточном регионе // Российско-африканские отношения: история, достижения, вызовы и новые горизонты сотрудничества. Материалы XIX Всероссийской школы молодых африканистов. 2020. С. 36-41.

5. Иванов А.Г., Смирнов Н.О. Военно-морские операции Канады на Ближнем Востоке (1990-2003 гг.) // Современные достижения университетских научных школ. Сборник докладов национальной научной школы-конференции. Магнитогорск, 2024. С. 209-214.
6. Иванов А.Г., Хайруллин Т.Р. Роль Канады в свержении режима Каддафи в контексте ее стратегии в ближневосточном регионе // Российско-африканские отношения: история, достижения, вызовы и новые горизонты сотрудничества. Материалы XIX Всероссийской школы молодых африканистов. 2020. С. 36-41.
7. Котляр В. С. Пиратство в XXI веке // Международная жизнь. 2009. № 8. С. 78-89.
8. Мезенцев С. В. Применение иностранной военной силы в Африке // Азия и Африка сегодня. 2013. № 6. С. 44-49.
9. Рагунштейн А. Г., Рагунштейн О. В. Противодействие морскому пиратству у берегов Сомали // Auditorium. 2014. № 2 (6). С. 5-15.
10. Baines C. Dangerous Waters: HMCS Winnipeg Tackles Piracy in the Gulf of Aden // Canadian Naval Review. 2010. Vol. 6, № 1. P. 14-19.
11. Bedford C. The View from the West: Piracy in Somalia: A Growing Crisis // Canadian Naval Review. 2008. Vol. 4, № 3. P. 35-36.
12. Garrett N. G. D., Hendrickson R. C. NATO's Anti-Piracy Operations: Strategic and Political Implications // Atlantisch Perspectief. 2009. Vol. 33, № 8. P. 9-13.
13. Lennox P. After Afghanistan: Maritime Options for the Future of Canadian Global Engagement // Canadian Naval Review. 2009. Vol. 5, № 2. P. 7-9.
14. Palliser S. Ancient Problems Renewed: Piracy in Somalia // Canadian Naval Review. 2009. Vol. 5, № 2. P. 10-16.
15. Ploch L., Blanchard C. M., O'Rourke R., Mason R. C., King R. O. Piracy off the Horn of Africa. – Congressional Research Service, 2009. 40 p.
16. Sunkler S. Boarding! Op. Atlanta // Kommando. 2012. №4. P. 38-41.
17. Thomas D. Anti-Piracy Operations // Canadian Naval Review. 2008. Vol. 3, № 4. P. 25.

Купалов-Ярополк Антон Игоревич
м.н.с. Центра российско-африканских отношений и внешней политики
стран Африки,
Институт Африки РАН
(kazachok.anton@gmail.com)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В МОЗАМБИКЕ 2024 Г.: ГЕНЕЗИС И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Исторически самой влиятельной оппозиционной партией в Мозамбике является Мозамбикское национальное сопротивление (порт. Resistência Nacional Moçambicana, RENAMO). Она была создана 30 мая 1977 г. с целью противостояния правящему прокоммунистическому Фронту освобождения Мозамбика (порт. Frente de Libertação de Moçambique, FRELIMO)¹. Основными причинами основания оппозиции стали политика коллективизации, проводимая в сельских регионах и создание системы исправительных лагерей.

Обострение общественных настроений в Мозамбике после объявления победителя президентских выборов 2024 г. – кандидата от FRELIMO Даниэля Шапу, вызывает два важных вопроса:

1. Проходил ли в стране подобный социально-политический кризис после окончания гражданской войны 1977–1992 гг. и до выборов 2024 г.?
2. Есть ли связь между электоральным поведением граждан и исторически сложившимися политическими предпочтениями в каждой из 11 провинций Мозамбика?

Среди научной литературы на русском языке по проблеме формирования оппозиции в Мозамбике стоит выделить монографию В.И. Шарого «Мозамбик, с которым можно и нужно сотрудничать» (2007). В числе зарубежных исследований особое значение имеет

---

¹ Купалов-Ярополк А.И. Трансформация электоральных трендов в Республике Мозамбик в 2014-2024 гг. // Социология. 2025. № 3. С. 56-60.

работа М. Боуена «The State Against the Peasantry. Rural Struggles in Colonial and Postcolonial Mozambique».

В проведенном исследовании анализируются основные изменения электорального ландшафта в Республике Мозамбик за период президентских выборов 2014, 2019 и 2024 гг.² Пространственное распределение голосов избирателей находится в тесной связи с региональными социально-политическими процессами и исторически обусловленными предпосылками. Автор анализировал официальные источники правительства и зарубежные СМИ за выбранные временные рамки³. Основной тенденцией за этот период является снижение поддержки партии RENAMO и изменения в электоральном поведении в провинциях, ранее активно поддерживавших оппозицию с конца 1970-х гг.

Литература:

1. Андреева Л.А., Бобохонов Р.С., Воронина Н.А., Грибанова В.В., Мозговой С.А., Мосейко А.Н., Нефляшева Н.А., Пономарев И.В., Следзевский И.В., Уланова Н.С., Хайруллин Т.Р., Харитонов Е.В. Цивилизационные альтернативы Африки. Том IV. Постколониальный цивилизационный транзит Африки. М: Институт Африки РАН, 2024. 274 с.

2. Купалов-Ярополк А.И. Трансформация электоральных трендов в Республике Мозамбик в 2014-2024 гг. // Социология. 2025. № 3. С. 56-60. DOI: 10.24412/1812-9226-2025-3-56-60

---

² 2023 & 2024 and earlier elections. URL: <https://university.open.ac.uk/technology/mozambique/2023-2024-and-earlier-elections> (дата обращения 18.02.2025)

³ Заявление А. Длакамы // ИТАР-ТАСС. Претория. 16.04.2013. С. 13.

Матвеев Александр Сергеевич
старший преподаватель, Восточный факультет СПбГУ
главный археограф РНБ
(*asmatveev@mail.ru*)

**ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕССОВ СТАБИЛИЗАЦИИ И
ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В ЛИВИИ В КОНТЕКСТЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
БЛОКОВ НА БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

Доклад посвящен внутренним аспектам и внешнему контексту процессов дестабилизации, которые охватили Ливию после американской интервенции и падения государства, созданного Каддафи, что привело к фактическому распаду страны на две части: западную с центром в Триполи и восточную с центром в Бенгази¹.

После неудачной попытки Х. Хафтара захватить Триполи и объединить страну силой в 2019-2020 гг., благодаря международному посредничеству было достигнуто соглашение о прекращении огня и установлена демаркационная линия к западу от Сирта, *de facto* закрепившая разделение страны на две части. После этого в марте 2021 г. было сформировано Правительство национального единства (ПНЕ), которое возглавил Абдель Хамид Дбейба и которое должно было управлять Ливией до всеобщих выборов, намеченных на конец декабря 2021 г. Однако выборы были отложены на неопределенный срок, и в результате две половины Ливии сегодня существуют самостоятельно.

Западной частью Ливии фактически управляет международно признанное ПНЕ во главе с премьер-министром Дбейбой, которое в 2021 г. сменило Правительство национального согласия (ПНС), которым руководил Фаиз Мустафа ас-Саррадж. Правительство Дбейбы, в отличие от ас-Сарраджа, сумело усилить контроль над местными бандитскими группировками, однако все равно остается,

---

¹ В начале сентября 2025 г. в составе делегации Российской национальной библиотеки мне довелось принять участие в прошедшей в Триполи научной конференции и других мероприятиях, приуроченных к юбилею установления дипломатических отношений между Ливией и СССР. Данная поездка после долгого перерыва позволила уточнить ряд вопросов, касающихся общей ситуации и потенциальной возможности восстановления единства Ливии.

скорее, зонтичным брендом, в то время как на местах по-прежнему сохраняют влияние главаря местных бандформирований, официально входящих в «правительственные силы».

С другой стороны, несмотря на почти пятилетнее пребывание на посту премьера, Дбейба, фактический глава Западной Ливии, по-прежнему рассматривается, по крайней мере частью населения Триполи, скорее, как представитель мисуратских² кланов, а не как выразитель интересов всей страны. Кроме того, широкое недовольство населения вызвала политика властей Западной Ливии: жесткое навязывание перехода от наличных денег к цифровым, что в последнее время обострило недовольство Дбейбой, вылившееся в публичные манифестации.

В целом, население устало от бесконечных «разборок» боевиков в Триполи и соседних областях, хотя и привыкло к ним, и хочет наведения порядка. Общее желание состоит в том, чтобы армия была не формально, а реально государственной, т.е. подчинялась стандартной военной иерархии, а не полевым командирам, и защищала общегосударственные интересы, а не интересы отдельных региональных ОПГ, как это имеет место на западе Ливии.

Восточная Ливия находится сегодня под контролем фельдмаршала Халифы Хафтара и стоящей за ним Ливийской национальной армии (ЛНА). Находящийся на востоке страны законный парламент – Палата представителей в Тобруке, обеспечивает властям на востоке свою долю легитимности.

В отличие от западной части Ливии, Восточная Ливия представляет собой централизованное государство, где после длительной войны с различными исламистскими группировками последние были ликвидированы Хафтаром, и он реально контролирует вооруженные силы востока страны. Тем не менее, при всем положительном отношении к относительной стабильности, достигнутой на востоке, сам Хафтар в Триполи воспринимается неоднозначно, и его прихода здесь никто не ждет. Наряду с этими двумя общеливийскими лидерами, имеющими поддержку в разных половинах страны, была и еще одна фигура национального масштаба, которая вызвала более широкую симпатию, чем Дбейба и Хафтар –

---

² Мисурата – третий по значимости город в Ливии после Триполи и Бенгази, сыгравший ключевую роль в падении режима Каддафи. Дбейба происходит из Мисураты и опирается на мисуратские вооруженные формирования – наиболее значительную военную силу на западе Ливии.

сын Каддафи Сейф ал-Ислам как наследник той стабильности, которая была при прежней власти. При этом следует подчеркнуть, что есть немало и тех, кто категорически не хочет возвращения «режима Каддафи», то есть в данном вопросе четко видна поляризация мнений. Разумеется, у нас нет возможности получить какую-то внятную статистику, но тем не менее очевидно, что количество категорических противников уступает числу потенциальных сторонников возвращения ко временам Каддафи.

Самое главное, однако, состоит в том, что в случае свободных выборов, Сейф ал-Ислам получил бы наибольшее количество голосов по сравнению с другими кандидатами, то есть даже если бы он получил менее половины голосов, то все равно его доля была бы существенно больше, чем могли бы набрать Хафтар и Дбейба по отдельности. Более того, он являлся компромиссной фигурой, в равной степени приемлемой (либо неприемлемой) и на востоке, и на западе Ливии. Поэтому выборы, назначенные на декабрь 2021 г., во избежание подобного результата были «перенесены» на неопределенный срок и, очевидно, не могли состояться пока Сейфа ал-Ислам был жив (в этой связи любые усилия международных посредников, направленные на возобновление «выборного процесса», были объективно бесперспективны). С другой стороны, за отсутствием у Сейфа ал-Ислама собственных вооруженных сил (поддержка боевиков из Зинтана на западе Ливии при всей важности для сохранения его жизни, для борьбы за власть в Ливии была недостаточна), у него не было и шансов прийти к власти военным путем³. Таким образом, ни одна из сторон замороженного конфликта между «востоком» и «западом», как и иные силы внутри страны, не имеет на сегодняшний день достаточных ресурсов для объединения Ливии.

Безусловно, для нынешнего разделения Ливии на две части существует много объективных и субъективных предпосылок. Как известно, Ливия состоит из трех исторически слабо связанных частей,

---

³ Данный доклад был написан и прочитан в декабре 2025 г., однако к моменту его публикации ситуация изменилась: единственный потенциально приемлемый для обеих частей Ливии кандидат – Сейф ал-Ислам был убит 3 февраля 2026 г. Связанное с ним «окно возможностей» для объединения Ливии захлопнулось навсегда. Возможно, его ликвидация была обусловлена желанием других сторон избавиться от потенциального конкурента, хотя более вероятно, этот «джокер» был удален из «ливийской колоды» внешними акторами; впрочем, цели внутренних и внешних игроков в данном случае совпадают.

каждая со своей собственной историей: Триполитания, Киренаика и Феццан – соединенных в период итальянской оккупации и окончательно объединенных в единое государство в рамках независимой Ливии после Второй мировой войны. Все это способствует определенной обособленности двух половин страны с центрами в Триполи и Бенгази. Феццан, где важную роль играют местные группировки туарегов (на западе) и тубу (на востоке), сегодня контролируется властями Восточной и Западной Ливии лишь частично, однако он не обладает политической субъектностью и о возникновении третьего самостоятельного центра речь не идет.

С другой стороны, наряду с внутренними игроками, важную роль в ливийской ситуации играют внешние силы. Очевидно, что Хафтар смог бы взять Триполи в 2019-2020 гг., если бы не поддержка, а затем и прямое военное вмешательство со стороны Турции, сыгравшей ключевую роль в разгроме группировки Хафтара под Триполи, включая ЧВК «Вагнер».

Сегодня ситуация еще более усложнилась, поскольку Ливия, наряду с Суданом, оказалась одним из ключевых центров противостояния главных региональных политических блоков на Большом Ближнем Востоке. В этой связи особое внимание следует обратить на сложное взаимодействие и борьбу этих региональных блоков: Турция – Катар, Саудовская Аравия – Египет, ОАЭ и их воздействие на дестабилизацию обстановки в Ливии.

Блок Турция – Катар имеет четко выраженную идеологическую окраску, центром которой являются идеи «Братьев-мусульман»⁴. Так, боевики Мисураты, главные союзники этого блока в Ливии в 2010-е гг. и основная военная сила, использованная для свержения Каддафи и сегодня определяющая ситуацию на Западе Ливии, позиционируют себя как «Братья-мусульмане»⁵. Сегодня союзником, точнее, сателлитом, данного блока в Ливии является правительство Западной Ливии во главе с Дбейбой.

Саудовская Аравия – Египет. В Ливии «саудовский блок» активизировался в 2014-2015 гг., поддержав Х. Хафтара в его борьбе против исламистов в Бенгази. Сегодня Восточная Ливия является главным союзником этого блока в Северной Африке, при этом

---

⁴ Запрещенная в РФ организация.

⁵ Хотя в Мисурате существуют и другие, в т.ч. ваххабитские формирования (т.н. *мадхалиты*), но они играют подчиненную роль).

Саудовская Аравия является главным спонсором, а непосредственную военную помощь войскам Хафтара оказывает Египет, в первую очередь, египетские ВВС, обеспечивающие воздушную поддержку ЛНА. Не менее значимым союзником и сателлитом этого блока сегодня является Судан, точнее – его армейское руководство во главе с генералом Абдель Фаттахом ал-Бурханом.

ОАЭ. Первоначально ОАЭ были частью «саудовского блока», однако в процессе интервенции саудовской коалиции против Йемена между бывшими союзниками постепенно начали нарастать противоречия. Здесь необходимо учесть, что у ОАЭ есть свой, хотя официально и не афишируемый проект: возрождение талассократической Оманской империи, которая в XVII–XIX вв. контролировала восточное побережье Аравии и Африки. Разумеется, сейчас контроль над морями и портами устанавливается уже не военным путем, а через политические и экономические механизмы. Так, базирующаяся в Дубае портовая компания DP World⁶ сегодня контролирует большую часть морских портов восточного побережья Аравии и Африканского рога. Вытеснение просаудовских сил из Южного Йемена представителями проэмиратского Южного переходного совета, вызвало в конце 2010-х гг. серьезные трения с Саудовской Аравией, приведшее в начале 2020-х гг. к полному разрыву и фактическому выходу ОАЭ из «саудовского блока».

В Восточную Ливию ОАЭ пришли в 2014 г. в составе «саудовского блока», частью которого они были в тот период и, несмотря на конфликт с Саудовской Аравией и Египтом, остаются союзником Хафтара и сегодня, продолжая оказывать ему военную помощь. Характерно, что в Восточной Ливии самолеты и военно-технический персонал ОАЭ базируются на тех же военных базах, что и саудовско-египетские. В Судане ОАЭ сегодня поддерживают враждебную просаудовскому армейскому руководству, возглавляемому ал-Бурханом, военизированную группу – Силы быстрого реагирования (СБР) во главе с Мухаммадом Хамданом Дагло (Хеметти).

Пример Судана показывает определяющую роль вышеуказанных региональных блоков и их противостояния в развитии ситуации в Северной Африке, причем Ливия играет роль важнейшего звена в

---

⁶ DP World (Dubai Port World) — международный оператор морских терминалов, поставщик логистических и других услуг. Работает в 78 странах мира, управляет сетью из более 150 морских терминалов в более чем 45 портах на всех континентах; обрабатывает 10% мировой торговли.

текущем конфликте ОАЭ и Саудовской Аравии: Восточная Ливия является важнейшим логистическим «хабом» для обеспечения поставок суданским прокси со стороны ОАЭ.

Кроме того, следует отметить и еще одну важную тенденцию, проявившуюся во второй половине 2025 г.: активизация Турции в Восточной Ливии. Формально, речь идет о деловой активности турецких компаний, однако параллельно с экономикой идут и попытки налаживания политических контактов с Хафтаром на разных уровнях (например, встреча министра обороны и армейского руководства Турции с сыном Хафтара Садамом в Стамбуле и др.).

За этим стоят ключевые интересы самой Турции, выходящие за пределы борьбы за влияние в Ливии и завязанные на турецкие стратегические проекты в Средиземноморье. В 2019 г. Турция подписала с марионеточным официально признанным правительством ас-Сарраджа в Триполи договор о морском разграничении, который позволяет заблокировать строительство транссредиземноморского газопровода для прокачки газа из месторождений у побережья Египта, Израиля и Ливана в Европу. Однако без ратификации этого договора Палатой представителей в Тобруке его юридическое значение ничтожно. Данный договор был отвергнут Палатой представителей как незаконный сразу после его подписания в 2019 г., однако летом 2025 г. его обсуждение неожиданно возобновилось: была создана парламентская комиссия для его рассмотрения. И, хотя до ратификации пока еще далеко, потенциальная возможность уже появилась.

Кроме конкретной проблемы с шельфом Средиземного моря, активизация Турции в Восточной Ливии связана и с общей политикой Эрдогана, направленной на «возрождение Османской империи», но уже не военным, а политическим путем (включая экономические рычаги и «мягкую силу»). Претендуя на роль регионального лидера на Большом Ближнем Востоке, Турция не может не реагировать и на возросшую роль Российской Федерации в Ливии, которая после утраты позиций в Сирии стала важным логистическим хабом для обеспечения российского присутствия в Африке. Соответственно, активизация контактов Турции с Хафтаром направлена также и на выдавливание России из Восточной Ливии.

Таким образом, рассматривая процессы дестабилизации и попытки стабилизации ситуации в Ливии, можно констатировать, что:

1. На данном этапе ни одна из сторон в Ливии (Дбейба в Западной Ливии, Хафтар в Восточной Ливии, иные силы) не имеет достаточных ресурсов для объединения страны.

2. Текущая ситуация относительно устойчива, фактическое разделение страны на две части обеспечивает стабильность и в целом выгодно обеим сторонам.

3. Без вмешательства внешних игроков или/и ухода одной их ключевых внешних сил из Ливии объединение страны на данном этапе невозможно.

4. Внешние акторы, стоящие за ливийскими игроками, в большинстве своем не заинтересованы в объединении Ливии и не будут предпринимать усилий в этом направлении. Так, после неудачной атаки Хафтара на Триполи в 2019-20 гг., попытки взять под контроль запад страны со стороны саудовско-египетского блока представляются маловероятными.

5. Более того, для ОАЭ сохранение статус-кво является критически важным. Существующие связи с Хафтаром и его окружением, сложившиеся за последнее десятилетие, обеспечивают снабжение эмиратских прокси в Судане – СБР во главе с Хеметти. Объединение Ливии может привести к утрате позиций ОАЭ в Восточной Ливии и нарушить логистический коридор Ливия – Чад – Дарфур, что в свою очередь повлечет за собой проигрыш прокси-войны с Саудовской Аравией. Соответственно, ОАЭ заинтересованы в сохранении разделения Ливии на две части.

6. С другой стороны, Турция, как уже упоминалось, заинтересована в достижении договоренностей с Восточной Ливией в связи со своими глобальными амбициями – сохранить и упрочить свой статус как моста между Европой и Азией, в первую очередь, транзитного коридора для углеводородов, а также для общего упрочения своих позиций в регионе. Таким образом, дипломатическая активность Турции, являющейся главным союзником Западной Ливии, объективно способствует поиску компромисса между двумя частями Ливии и открывает пути к объединению страны. Тем не менее на данном этапе о конкретных перспективах объединения Ливии при посредничестве Турции

говорить сложно, поскольку на этот процесс оказывают влияние много разных международных игроков, причем не только вышеупомянутые региональные блоки, но и такие внешние силы, как Италия, Франция, Греция, Израиль и США.

Махмутова Мария Игоревна

к.и.н., доцент РГГУ

(makmutova.maria@yandex.ru)

МЕХАНИЗМЫ РАННЕЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭНКУЛЬТУРАЦИИ В СИСТЕМЕ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ АЛЬ-АЗХАРА: ДИСЦИПЛИНА, НОРМА И ГЕГЕМОНИЯ

Система дошкольного образования Аль-Азхара (аль-руда) представляет собой один из ключевых, но малоисследованных уровней исламской образовательной инфраструктуры Египта. Она функционирует как параллельная государственному образованию сеть, управляемая Верховным советом по делам Аль-Азхара и включающая более 10 000 учреждений по всей стране. На первый взгляд, аль-руда воспроизводит типичную модель раннего обучения — с занятиями по чтению, письму, математике и творческому развитию. Однако содержательная и организационная структура этих программ обнаруживает глубокую идеологическую направленность: через игру, дисциплину и ритуал осуществляется системная исламская энкультурация ребёнка.

Религиозная составляющая образовательного процесса охватывает не только уроки Корана и этики, но и пронизывает весь педагогический контекст. Даже светские дисциплины (арабский, математика, английский) преподносятся через религиозно окрашенные примеры, где знание связывается с благодарностью Аллаху и моральным поведением. Таким образом, обучение становится инструментом воспроизводства исламской нормы как «естественного» порядка вещей.

Дисциплинарная структура аль-руды, ритуализированные формы приветствия, коллективное чтение сур и строго регламентированный режим дня создают условия для нормализации религиозного поведения и формирования внутреннего самоконтроля, что соотносится с концепцией дисциплинарной власти М. Фуко.

Учитель и мударри выполняет функции не только педагогов, но и моральных наставников и наблюдателей, воплощающих идеал исламской личности. Их деятельность направлена на постепенную интернализацию послушания и коллективизма как моральных добродетелей.

Через призму теорий гегемонической педагогики и скрытого учебного плана можно утверждать, что дошкольное образование Аль-Азхара служит инструментом культурной гегемонии, передавая религиозно-нормативные установки посредством внешне нейтральных педагогических практик — игры, песен, рассказов, повторений. Эти формы создают у ребёнка ощущение естественности исламской повседневности и исключают возможность альтернативных интерпретаций.

В совокупности образовательные практики Аль-Азхара формируют особый тип субъекта — «исламского ребёнка», чьё телесное и когнитивное поведение выстроено вокруг религиозной дисциплины и символического послушания. Такая модель иллюстрирует, как раннее образование становится механизмом гегемонического воспроизводства через энкультурацию, встраивая религиозные нормы в ткань детского опыта и формируя поколение, для которого ислам выступает не идеологией, а самой структурой социальной реальности.

Митрахович Станислав Павлович
*с.н.с., старший преподаватель Финансового университета при
Правительстве РФ,
(stasmitr@mail.ru)*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЛЯ БРИКС: ПОПЫТКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

БРИКС как альтернативный западно-центричному миру кластер развития нуждается в анализе и концептуализации собственной эволюции. Условные «концептуальные основы БРИКС» можно систематизировать в несколько блоков.

Во-первых, это сюжеты о различных вариантах суверенизма и признания многовариантности развития политических, социально-экономических и цивилизационных моделей в современном мире. Данный подход объединяет все страны БРИКС через отказ от «телеологизма» концепций вроде «Конца истории», до сих пор эксплуатируемых Западом. БРИКС признает, что и за пределами БРИКС, да и внутри БРИКС могут сосуществовать альтернативные взгляды (нет цели выработать «свой конец истории»).

Во-вторых, БРИКС ставит задачи решения социально-экономических проблем выше реализации крупных политических и тем более военно-политических задач, что внешними игроками может восприниматься как признак слабости («неготовности выстраивать полноценный альянс»), но на деле является залогом способности удержать для задач развития вместе изначально очень различные страны.

В-третьих, в принципиально важной культурной сфере БРИКС объединяет отказ от распространенного на Западе структурного насилия с навязыванием одной картины мира и одних возможных ценностей. Одним из элементов для концептуальной базы БРИКС в культурном плане могут стать переработанные принципы идеологии солидаризма (разумеется, без его неблагозвучных коннотаций, имевших место в первой половине XX в). Солидаризм как основа для

современного российского консерватизма имеет пересечения с многими философскими и этическими концепциями стран Юга и Востока (по крайней мере, они не столь дистанцированы от него, как, например, западный индивидуализм и постмодернизм). Философские сюжеты подобного рода могут иметь долгоиграющие прикладные имплементации внутри БРИКС (включая и скоординированные концепции по регулированию искусственного интеллекта и т.п.).

В-четвертых, БРИКС предлагает осторожную, но фактически глобализацию (альтер-западную глобализацию) через переосмысление концепций вроде *global governance*. Решать задачи устойчивого развития (без фиксации на западно-центричных моделях вроде необходимости ускоренного энергоперехода любой ценой, или ESG) модель кооперации внутри БРИКС сможет успешнее, чем нынешние центры и проводники западно-центричной глобализации.

Мозговой Сергей Александрович
*к.и.н., с.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований,
Институт Африки РАН
(marine-heritage@yandex.ru)*

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УСЛОВИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В СТРАНАХ АФРИКИ

Новые информационно-цифровые технологии и создаваемая инфраструктура в Африке постепенно становятся ключевым элементом развития африканских стран. В Африке наряду со стремительным ростом населения и экономики мы наблюдаем резкое ускорение урбанизации, внедрение и использование цифровых технологий. Эти процессы нами проиллюстрированы примерами активно внедряемых на африканском континенте информационных технологий в коллективной монографии «Цивилизационные альтернативы Африки» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН¹ и ряде научных статей, посвящённых исследованию проблем и перспектив постколониального формирования африканских государств в условиях современных глобальных процессов 4.0² и внедрению цифровых технологий на современном этапе африканского цивилизационного транзита³.

Цифровизация уже способствует решению множества проблем и задач: повышению уровня образования и науки, внедрению новых технологий, развитию городов и повышению продуктивности

---

¹ Андреева Л.А., Бобохонов Р.С., Воронина Н.А., Грибанова В.В., Мозговой С.А., Мосейко А.Н., Нефляшева Н.А., Пономарев И.В., Следзевский И.В., Уланова Н.С., Хайруллин Т.Р., Харитонова Е.В. Цивилизационные альтернативы Африки. Том IV. Постколониальный цивилизационный транзит Африки. М: Институт Африки РАН, 2024. 274 с.

² Мозговой С.А. Проблемы и перспективы постколониального формирования африканских государств в условиях современных глобальных процессов 4.0 // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций. Саратов: Саратовский источник, 2024. С. 215-218.

³ Мозговой С.А. Цифровизация как фактор современного этапа африканского цивилизационного транзита // Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки: Материалы конференции, Москва, 04 декабря 2024 года. М.: Московская редакция издательства "Учитель", 2025. С. 102-110.

сельского хозяйства, упорядочению использования водных ресурсов, решению проблем экологии, энергетики и обеспечения энергетической безопасности, преодолению потерь от неэффективного природопользования, контролю и надзору за эксплуатацией природных ресурсов, развитию информационно-коммуникационных систем, созданию внутриафриканской транспортной инфраструктуры, и, в конечном счете, созданию рабочих мест, улучшению качества жизни и замедления миграции, т.е. сбережению человеческого потенциала. Новые, прежде всего, цифровые технологии дадут новые навыки, возможности и доступ к социальной среде и будут способствовать её улучшению. А выстраивание эффективно работающих демократических институтов на основе современных информационных технологий могут способствовать сохранению суверенитета африканских государств в политической и экономической сферах, включая сферу природопользования, осуществлению эффективного контроля за природными ресурсами и экосистемами, освоению возобновляемых водных ресурсов, очистке, транспортировке и хранению воды⁴.

Множество современных примеров внедрения цифровизации показывают, что она революционным образом меняет жизнь людей, государств и целых регионов. Уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что цифровизация способствует социально-экономическому развитию. Будущее человечества и Африканского континента связано с развитием цифровых технологий. Поэтому догнать остальной мир – одна из задач, стоящая перед правительствами африканских стран. Цифровизация является движущей силой современного технологического и экономического процесса, во многом определяя его характер и черты. Информационно-коммуникационные технологии занимают все большее место в стратегии социально-

---

⁴ Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник. / НИУ ВШЭ, Центр изучения Африки. - 2-е изд., доп. М.: Издательский Дом ВШЭ. 2023.

экономического развития стран Африки⁵ и создания инновационной научной среды⁶.

Цифровая инфраструктура в Африке постепенно становится ключевым элементом развития⁷. Внедрение цифровых технологий в виде дата-центров, оптоволоконных магистралей связи и мобильных сетей создают условия для экономического роста, социальной интеграции, повышения конкурентоспособности стран⁸. Цифровизация также влияет на коммуникации, образование, здравоохранение, вопросы экологии и охраны природы, способствуют развитию человеческого капитала и др. Цифровые технологии внедряются во все сферы деятельности государств и обществ, оказывают глубокое структурное влияние на экономику (транспорт, энергетику, торговлю), политику, социальную сферу (здравоохранение, образование, сферу услуг), культуру, науку, технологии, военное дело и др. Как отмечают Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев, «африканские общества ожидают большое будущее, а Африка в целом – это континент будущего, где длительное время будет наблюдаться сильная динамика развития и роста в различных аспектах, включая важные для мира экономические процессы... развитие Африки полно противоречий, возможных дестабилизаций и конфликтов, но зато тут есть мощная динамика и мощные потенции... Африка вносит и будет все заметнее вносить свой вклад в процесс подтягивания третьего мира к первому...»⁹.

Однако, вместе с развитием цифровых технологий, которые успешно влияют на экономическое и социальное развитие

---

⁵ Новикова З.С. Информационно-коммуникационные технологии в стратегии социально-экономического развития стран Африки // Африка: современные стратегии экономического развития. М.: Институт Африки РАН, 2016. С. 222-244.

⁶ Калиниченко Л.Н. Стратегии создания инновационной научной среды в Африке // Научно-технологический потенциал современной Африки. М.: Институт Африки РАН, 2022. С. 37-43.

⁷ Мозговой С.А. Роль цифровых технологий в постколониальном развитии Африки: проблемы и стратегические ориентиры применения // Цивилизационное развитие Африки в постколониальную эпоху: условия и факторы глубинной деколонизации африканского мира. М.: ИАФР РАН, 2025.

⁸ См.: Экспертно-аналитический справочник E-Governance in Africa 2025: Balancing Globalisation and Self-Reliance. Maslov A., Kalashnik O. et al. URL: <https://e-governancehub.ru/wp-content/uploads/2024/12/E-Governance-in-Africa-2025.pdf> (дата обращения 1.12.2025).

⁹ Grinin L., Korotayev, A. 2015. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. Cham: Springer, 2015. P. 20.

африканских стран, по мнению ряда специалистов, существуют факторы, которые могут способствовать дестабилизации или как минимум влиять на эти процессы. Зачастую это связано не только с политической, но и с технологической зависимостью. Ведь зачастую цифровой инфраструктурой в основном управляют иностранные компании, при помощи которых эта инфраструктура создавалась. Также и центры обработки данных часто находятся за пределами африканского континента¹⁰.

В то же время, борьба за укрепление своих позиций в тех или иных африканских странах со стороны глобальных игроков связана не только с контролем цифровой информационно-коммуникационной сферы, но поддержкой вооруженной оппозиции в тех или иных конфликтах ради ослабления позиций конкурирующих держав. В этих целях активно задействованы информационные технологии. В арсенале средств активно используется коммуникационный менеджмент¹¹. Все это нередко ведет к бесконечной череде дестабилизационных процессов на африканском континенте¹². Эти факторы влияют на вовлечение африканских сообществ в социально-политические и религиозные конфликты, связанные с борьбой за власть и контролем территорий, где большую роль играет религиозный фактор. Свидетельством этому является очередной виток напряженности на Африканском Роге¹³. Достаточно подробно эта проблема была рассмотрена в коллективной монографии «Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Дерадикализация исламистов: международный и

---

¹⁰ Африка 2025. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Центр изучения Африки. М.: Изд. дом ВШЭ, 2025.

¹¹ Мозговой С.А. Религиозный фактор в коммуникационном менеджменте США // Паблик рилейшнз и коммуникационный менеджмент: зарубежный опыт. М.: МЦСПИК, 2006. С. 153-199.

¹² Гринин Л.Е., Хайруллин Т.Р. Предисловие // Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки: Материалы конференции, Москва, 04 декабря 2024 года. М.: Московская редакция издательства "Учитель", 2025. С. 7-10.

¹³ Хайруллин Т. Р. Очередной виток напряженности на Африканском Роге // Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки: Материалы конференции, Москва, 04 декабря 2024 года. М.: Московская редакция издательства "Учитель", 2025. С. 145-150.

российский опыт. Том V»¹⁴. При этом в вооруженных конфликтах и организации террористических актов стали часто использоваться современные цифровые технологии (в разведке, информационной войне, использовании беспилотных летательных аппаратов и др.).

Успех цивилизационного развития стран Африки зависит от успехов экономического развития и устойчивой социально-политической системы в странах. А это, в свою очередь, возможно при условии развитости демократических институтов, федеративного устройства полиэтничных государств, развития образования и науки, благоприятных внутри- и внешнеполитических факторов и др.

Анализу распространенных, создаваемых и планируемых путей продвижения научных исследований и профессионального образования в различных странах Африки в условиях разворачивающейся в мире новой промышленной революции посвящена вышедшая в Институте Африки в 2022 г. монография «Научно-технологический потенциал современной Африки»¹⁵, подготовленная Центром изучения проблем переходной экономики.

Информационно-коммуникационные технологии, включая социальные сети, также стали использовать в реализации программа «социального партнерства» государств и конфессий. При этом сами конфессии принимают свои социальные программы¹⁶, которые по замыслу их лидеров и властей должны способствовать социализации верующих. Однако часто такие методы ведут к вовлечению верующих в политические проекты правящего класса. Поэтому на наш взгляд необходимо строго придерживаться соблюдения принципа светского характера государства. Для чего необходимо создание демократических институтов и обеспечение права на свободу мировоззренческого выбора¹⁷ как условие процессов стабильного

---

¹⁴ Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Дерадикализация исламистов: международный и российский опыт. М.: ИАФР РАН, 2023. 386 с.

¹⁵ Научно-технологический потенциал современной Африки. М.: ИАФР РАН, 2022. 278 с.

¹⁶ Мозговой С.А. Главные принципы документа «Основные положения социальной программы российских мусульман» // Религиоведение. 2001. № 2. С. 36-44.

¹⁷ Мозговой С.А. Светское как мировоззренчески нейтральное / Материалы ежегодной научной конференции Соркинские чтения. «Актуальные проблемы социологической науки и социологической практики». М., 2002.

развития африканских стран¹⁸. На это должны быть нацелены законодательные акты¹⁹, наука²⁰ и образование²¹. Нет сомнений, что современные цифровые технологии могут способствовать социокультурной регуляции, преодолению состояния зависимости и угнетенности, выбору путей цивилизационного самоопределения и независимого развития постколониальных обществ Африки, т.е. реальной деколонизации. Необходимо сосредоточиться на преодолении цифрового неравенства (разрыва) в доступе не только к Интернету, но и к Индустрии 4.0 и их плодам. Переход к человекоориентированному внедрению цифровых технологий может и должен проходить через реализацию нового поколения цифровых прав человека²².

Литература:

1. Андреева Л.А., Бобохонов Р.С., Воронина Н.А., Грибанова В.В., Мозговой С.А., Мосейко А.Н., Нефляшева Н.А., Пономарев И.В., Следзевский И.В., Уланова Н.С., Хайруллин Т.Р., Харитонов Е.В. Цивилизационные альтернативы Африки. Том IV. Постколониальный цивилизационный транзит Африки. М: Институт Африки РАН, 2024. 274 с.
2. Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник / НИУ ВШЭ, Центр изучения Африки. - 2-е изд., доп. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2023.
3. Африка 2025. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Центр изучения Африки. М.: Изд. дом ВШЭ, 2025.

---

¹⁸ Мозговой С.А. Создание демократических институтов и обеспечение права на свободу мировоззренческого выбора как условие процессов стабильного развития африканских стран // Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2023. С. 71-75.

¹⁹ Бурьянов С.А. Государственно-конфессиональные отношения и тенденции трансформации законодательства о свободе совести // Юридический мир. 2001. № 12. С. 4-13.

²⁰ Бурьянов С.А. Проблемы реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России. М.: Институт свободы совести, 2004. 421 с.

²¹ Мозговой С.А. "Основы православной культуры" в российской светской школе: социально-правовой анализ // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 274-294.

²² Бурьянов М.С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации М.: Русайнс, 2024. 148 с.

4. Бурьянов С.А. Государственно-конфессиональные отношения и тенденции трансформации законодательства о свободе совести // Юридический мир. 2001. № 12. С. 4-13.

5. Бурьянов С.А. Проблемы реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России: Информационно-аналитический отчет Института свободы совести 2001 - сентябрь 2004 гг. – 1-е издание. М.: Институт свободы совести, 2004. 421 с.

6. Бурьянов М.С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации М.: Русайнс, 2024. 148 с.

7. Гринин Л.Е., Хайруллин Т.Р. Предисловие // Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки: Материалы конференции, Москва, 04 декабря 2024 года. М.: Московская редакция издательства "Учитель", 2025. С. 7-10.

8. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Дерадикализация исламистов: международный и российский опыт. М.: ИАФР РАН, 2023. 386 с. ISBN 978-5-91298-280-4.

9. Калиниченко Л.Н. Стратегии создания инновационной научной среды в Африке // Научно-технологический потенциал современной Африки. М.: Институт Африки РАН, 2022. С. 37-43.

10.Мозговой С.А. Главные принципы документа «Основные положения социальной программы российских мусульман» // Религиоведение. 2001. № 2. С. 36-44.

11.Мозговой С.А. "Основы православной культуры" в российской светской школе: социально-правовой анализ // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 274-294.

12.Мозговой С.А. Проблемы и перспективы постколониального формирования африканских государств в условиях современных глобальных процессов 4.0 // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 26 апреля 2024 года. Саратов: Саратовский источник, 2024. С. 215-218.

13.Мозговой С.А. Религиозный фактор в коммуникационном менеджменте США // Паблик рилейшнз и коммуникационный менеджмент: зарубежный опыт. Под ред. Е.Н.Пашенцева. М.: МЦСПИК, Центр коммуникационного менеджмента Российско-

немецкой высшей школы управления АНХ при Правительстве РФ, БФРГТЗ «Слово», 2006. С. 153-199.

14.Мозговой С.А. Роль цифровых технологий в постколониальном развитии Африки: проблемы и стратегические ориентиры применения // Цивилизационное развитие Африки в постколониальную эпоху: условия и факторы глубинной деколонизации африканского мира. М.: Институт Африки РАН, 2025.

15.Мозговой С.А. Светское как мировоззренчески нейтральное / Материалы ежегодной научной конференции Соркинские чтения. «Актуальные проблемы социологической науки и социологической практики». М., 2002.

16.Мозговой С.А. Создание демократических институтов и обеспечение права на свободу мировоззренческого выбора как условие процессов стабильного развития африканских стран // Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки: Сборник материалов конференции, Москва, 05 декабря 2023 года. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2023. С. 71-75.

17.Мозговой С.А. Цифровизация как фактор современного этапа африканского цивилизационного транзита // Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки: Материалы конференции, Москва, 04 декабря 2024 года. – М.: Московская редакция издательства "Учитель", 2025. – С. 102-110.

18.Новикова З. С. Информационно-коммуникационные технологии в стратегии социально-экономического развития стран Африки // Африка: современные стратегии экономического развития: М.: Институт Африки РАН, 2016. С. 222-244.

19.Научно-технологический потенциал современной Африки. – М.: Институт Африки РАН, 2022. 278 с. ISBN 978-5-91298-277-4.

20.Хайруллин Т.Р. Очередной виток напряженности на Африканском Роге // Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки: Материалы конференции, Москва, 04 декабря 2024 года. М.: Московская редакция издательства "Учитель", 2025. – С. 145-150.

21.Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. Springer, Cham. 2015. DOI: 10.1007/978-3-319-17780-9

Некlessа Александр Иванович
*с.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований,
Институт Африки РАН,
(neklessa@intelros.ru)*

ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

1. **Факторы, продуцирующим протестную активность.** К факторам, продуцирующим протестную активность можно отнести разрушение социальной и природной среды обитания: рост социального неравенства, этнические и религиозные дисбалансы, демографическую динамику, высокий уровень безработицы, изменение климатической ситуации, негативную продовольственную и эпидемиологическую обстановку.
2. **Рост турбулентности.** Современная цивилизация переживает ускорение социальных процессов и рост турбулентности. Борьба с дестабилизацией требует не только силовых мер, но и понимания непростой динамики социальных систем. Эмпатия и коэволюционное сопровождение становятся универсальными амортизаторами.
3. **Субъекты перемен и квази-реальность.** Креативное меньшинство формирует новые социальные конструкции, опираясь на традиции и оригинальные фантазии. Их деятельность размывает социальную оболочку, создавая молекулярные цепочки новых связей. Особая ситуация возникает при трансляции виртуальной реальности в физическую действительность, что подтверждается примерами ИГИЛ (организация, запрещенная в РФ) и Мюнстерской коммуны¹.

---

¹ Некlessа А.И. «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму. Приватизация будущего. – ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия. Спец. вып. 2018. С.12-26.

4. **Современный терроризм.** Особое место в процессах дестабилизации занимает современный терроризм. Его цели, выходящее за рамки криминала, формируются в противоречии с господствующим социальным и политическим мейнстримом. Современные технологии позволяют субъектам перемен создавать альтернативные версии реальности и внедрять их в социальную ткань, что усиливает дестабилизацию и ее деструктивный потенциал.
5. **Ближневосточный кейс.** Региональная специфика проявляется в дифференциации конфликтов: ислам и прочие религии, сунниты и шииты, джихадизм и национализм. Эти конфликты формируют устойчивые, но динамичные структуры, определяющие траектории политической эволюции региона.
6. **Методы познания и управления.** Для эффективного противостояния дестабилизации необходимы действенные методы анализа и управления. Так, в XX в. формируется системный подход, эволюционирующий от исследования операций к теории сложных систем и динамического хаоса. Современные методы включают системную динамику, матричное управление, рефлексивные и ролевые модели².
7. **Семантические «гнезда» социальных конфликтов.**

Модель **CONDES Chart** выделяет четыре ключевых «гнезда»:

- консерватизм и традиционализм;
- конформизм и конвенциональная религиозность;
- фундаментализм и диссидентство;
- революционный утопизм.

Их взаимодействие порождает вихри конфликтов и формирует динамическую религиозно-политическую катавасию³.

---

² Неклесса А.И. *Novum Verbum*. На каком языке говорит футур-история? Метафизика. Научный журнал РУДН. № 3 (57). 2025. С. 98-105.

³ Следзевский И.В., Неклесса А.И., Хайруллин Т.Р. Постколониальность и цивилизационный транзит // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе. Ежегодник. Волгоград, 2023. С. 5-40.

8. **Траектории выхода из турбулентности.** Авторская модель «секстивиум» выделяет шесть возможных траекторий: (а) сохранение состояния, (б) синусоидальные колебания, (в) возвращение на предшествующий устойчивый уровень, (г) деградация (негативная эволюция), (д) разрушение системы, (е) динамический хаос как трамплин к развитию.

Реализация той или иной траектории как доминантной зависит от исхода конфронтации конфликтующих аттракторов.

Литература:

1. Неклесса А.И. «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму. Приватизация будущего. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Спец. вып. 2018. С.12-26.

2. Неклесса А.И. *Novum Verbum*. На каком языке говорит футур-история? Метафизика. Научный журнал РУДН. № 3 (57). 2025. С. 98-105. DOI: 10.22363/2224-7580-2025-3-98-105.

3. Следзевский И.В., Неклесса А.И., Хайруллин Т.Р. Постколониальность и цивилизационный транзит // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе. Ежегодник. Волгоград, 2023. С. 5-40.

Почта Юрий Михайлович
д.филос.н., профессор кафедры сравнительной политологии,
РУДН им. Патриса Лумумбы
(yuriy_us@hotmail.com)

УКРАИНСКИЙ ФАКТОР ПРОЦЕССОВ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ АФРИКИ (НА ПРИМЕРЕ САХЕЛЯ)

Украина — новый игрок в африканской геополитике

Украина, выступая как прокси-инструмент западных держав, теряющих влияние в Африке, активно подключилась к кампании дестабилизации в регионе Сахель, поддерживая террористические группировки для подрыва позиций России и суверенитета местных государств.

После начала Специальной военной операции конфликт России и Украины из регионального стал глобальным, в частности он распространился на Африку и имеет там террористические проявления. Можно предполагать, что после достижения мира между Россией и Украиной конфликт между ними в Африке обострится. Россия будет помогать дружественным государствам, борющимся за свой суверенитет и территориальную целостность, противостоять дестабилизации. А Украина будет в качестве прокси западных неоколониальных держав дестабилизировать эти страны. Африка выступает как часть Глобального Юга, ключевые страны которого Киев стремится привлечь на свою сторону.

По мнению специалиста по Сахелю и арабской Африке Григория Лукьянова, власти Украины стремятся «усилить представление о собственном влиянии как глобальной военной державы, возможности вести и побеждать в гибридной войне против России – не только на линии соприкосновения и в Европе, но и в других регионах мира, полезности себя как глобального военного

инструмента. Так же так Киев показывает, что конфликт его с Россией не локальный, а глобальный»¹.

По версии западных журналистов, Украина после начала СВО стремится выступать конкурентом России в Африке, наращивая там свое дипломатическое присутствие. Формально это осуществляется через обучение военнослужащих и программу продовольственной помощи. В своей усиливающейся глобальной борьбе с Россией Киев стремится противостоять российскому нарративу о конфликте с Украиной и преодолеть отказ африканских стран встать на сторону Киева в ООН. Украина хочет убедить африканские страны в том, что её борьба с Россией, её метрополией советских времён, имеет параллели с их собственными усилиями по преодолению наследия европейского колониализма. Украинские дипломаты убеждают африканскую общественность, что военное присутствие России в Африке подрывает стабильность, отрицая при этом какую-либо собственную вовлеченность в тайные операции в регионе².

О недопустимости террористической активности Украины в Африке постоянно говорят российские дипломаты. Как заявил исполняющий обязанности директора департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД РФ Георгий Михно, Украина открыто поддерживает террористов в Африке и поэтому Россия продолжит борьбу против этой неприемлемой практики Украины как на Африканском континенте, так и в других регионах мира³.

По мнению официального представителя МИД России М.В. Захаровой, проигрывая вооруженным силам России, Украина решила

---

¹ Гасымов Н., Лакстыгал И. Как Украина оказалась в конфликте с властями стран Западной Африки В Киеве похвастались помощью повстанцам в Мали, а теперь ее отрицают. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/08/06/1054038-kak-ukraina-okazalas-v-konflikte-s-vlastyami-stran-zapadnoi-afriki> (дата обращения: 04.12.2025).

² Donati J., Harmash O. Ukraine turns to Africa in its struggle against Russia. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/africa-shoestring-ukraine-seeks-allies-with-aid-embassies-2025-06-25/> (дата обращения: 04.12.2025).

³ В МИД заявили, что Россия будет бороться с действиями Украины в Африке. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/11/09/24345937.shtml> (дата обращения: 04.12.2025).

открыть второй фронт в Африке, потворствуя террористическим группировкам в дружественных Москве африканских государствах⁴.

Первый заместитель постоянного представителя РФ при ООН Д. Полянский заявил, что Россия требует «тщательного международного расследования» с участием ООН в связи с поддержкой Украиной боевиков в Африке⁵.

Причины нестабильности в Сахеле: исторический контекст

Активизация деятельности Украины в Африке совпадает с интересами западных держав, теряющих там свои позиции, вынужденных выводить свои воинские контингенты и обращаться к ЧВК, террористическим группировкам для дестабилизации в африканских государствах. В качестве примера драматического процесса избавления отдельных регионов Африки от французского неокOLONIALИЗМА можно привести ситуацию в странах Сахеля, обладающих богатыми природными ресурсами. Стремления руководства ряда стран Сахеля (Буркина-Фасо, Мали и Нигер) избавиться от зависимости от Франции вызывает резкую активизацию деятельности террористических группировок. Причин этому несколько.

Французы, теряя свои позиции в этих странах и выводя свои войска, не сумели оставить после себя какие-либо устойчивые политические системы. Подобная практика дестабилизации региона при выводе войск имеет прецеденты. К таковым можно отнести уход США из Афганистана. Страна была предоставлена террористической группировке «Талибан» (запрещенную ранее в РФ террористическую организацию), которую в свое время США создавали вместе с Пакистаном для борьбы с советским присутствием в этой стране.

К власти в этой ситуации приходят военные правительства, слабо контролирующие свои территории. Возникают серые зоны, в

---

⁴ Захарова заявила об открытии Украиной второго фронта в Африке. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/06/19/26075546.shtml> (дата обращения: 04.12.2025).

⁵ Россия потребовала в ООН расследовать поддержку Украиной боевиков в Африке. URL: <https://ria.ru/20250820/oon-2036592104.html?ysclid=miq2nydv8ml43134793> (дата обращения: 04.12.2025).

которых вакуум власти заполняется племенными ополчениями, отрядами самообороны, криминальными организациями, наркоторговцами, террористическими группировками – как местными, так и привнесенными из арабских стран (Ирака, Сирии, Ливии). Террористические группировки периодически оказываются способны контролировать территории с миллионами жителей, превышающими территории, контролируемые правительствами стран Сахеля.

Сказываются последствия уничтожения Западом ряда арабских мусульманских государств – Ирака, Ливии и Сирии, что привело к возникновению новых террористических группировок, появлению на черном рынке огромного количества оружия, возникновению новых альянсов западных правительств с террористами. Усиление терроризма в регионе Сахеля (в Буркина-Фасо, Мавритании, Нигере, Чаде), в частности, было результатом падения режима Каддафи в Ливии при активном участии Франции⁶.

Международный терроризм в регионе также подпитывается глобальными геополитическими конфликтами, в частности, конфликтом между Россией и Украиной.

В регионе активно действуют такие террористические организации (запрещенные в РФ), как: «Исламское государство» (ИГ), «Исламское государство Западной Африки», «Джамаат Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин» (ДНИМ), «Харакат аш-Шабаб аль-Муджахидин» (ХШМ), «Боко Харам».

По мнению аналитиков Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества, регион Сахеля «стал новым эпицентром международного терроризма, сместив прежние центры – Ближний Восток и Северную Африку». Так, в 2024 г. более 50% всех смертей в мире в результате террористических атак случились в странах Сахеля. При сравнении с ситуацией в 2007 г.

---

⁶ Дегтерев Д.А. Предисловие. Альянс государств Сахеля (АГС): общий путь к суверенному развитию // Альянс государств Сахеля: военно-политические возможности нового регионального блока: доклад № 105/2025. М.: НП РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Sahel-Report105.pdf> (дата обращения: 18.10.2025).

количество жертв терроризма увеличилось здесь в 30 раз. «Основными причинами насилия в регионе являются бедность, тяжёлое наследие французского колониализма и продолжающаяся эксплуатация со стороны империалистических держав»⁷.

Это подтверждает мнение российских специалистов по Африке о том, что конфликт «между прозападными государствами и объединениями с одной стороны и странами, пытающимися избавиться от неокOLONиальной зависимости, с другой уже начался и, судя по всему, обрел необратимый характер»⁸.

Западные интересы и роль Украины как прокси

Украина становится новым актором в Африке, как и в отношениях с Россией, выступая в качестве прокси силы, участвуя в процессах дестабилизации и терроризме. Текущее противостояние между Россией и Украиной отчетливо проявляется в Сахеле. В последнее время заметным внешним союзником террористов в Сахеле стала Украина, обучая боевиков и поставляя им вооружение. По заявлению начальника Генерального штаба Вооруженных сил России В. Герасимова, террористические организации, поддерживаемые Украиной, являются угрозой для безопасности региона Сахель в Африке. Он имел в виду, что Украина участвует в подготовке террористов к использованию БПЛА, тренировке в ведении подрывной деятельности против мирного населения. Об этом также заявляла официальный представитель МИД РФ Мария Захарова. Она сообщила о том, что представители ливийского Правительства национального единства при посредничестве Великобритании организовали сотрудничество с «украинскими боевиками» для поставок ударных БПЛА для тренировок террористов Сахеля⁹.

---

⁷ Печальное наследие колониализма: глобальный терроризм целится в Африку. URL: https://ecrats.org/ru/security_situation/analysis/16765/ (дата обращения: 18.10.2025).

⁸ Денисова Т., Костелянец С. Конфедерация государств Сахеля и дезинтеграция ЭКОВАС. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konfederatsiya-gosudarstv-sakhelya-i-dezintegratsiya-ekovas/?sphrase_id=249250266 (дата обращения: 04.12.2025)

⁹ Герасимов назвал поддерживаемых Украиной террористов угрозой для Сахеля. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6762aace9a794746c6319bf0> (дата обращения: 18.10.2025).

19 июня 2025 г. М. Захарова заявила, что связи Украины с африканскими террористами были подтверждены пресс-секретарем Главного управления разведки минобороны Украины А. Юсовым и послом Украины в Сенегале Ю. Пивоваровым. Она отметила, что Киев продолжает демонстрировать свою террористическую сущность «еще и за пределами своей страны». «Достоверность заявлений подтвердили и правительство Мали, Нигера, которые приняли в итоге решение о немедленном, ... разрыве дипломатических отношений с Украиной в августе 2024 г. Вскоре последовали обращения Мали, Нигера и Буркина-Фасо в Совет Безопасности ООН с требованием принять меры в связи с поддержкой киевским режимом терроризма на Африканском континенте»¹⁰.

Украина усиливает военную поддержку террористических группировок в Африке для дестабилизации ситуации в странах — союзниках России. В Африку посылаются инструкторы, имеющие опыт применения беспилотников в боевых условиях. Местных террористов готовят для нападения на базы, где присутствуют представители российских ЧВК, на подразделения регулярных армий союзных России государств, а также обучают подготовке диверсий против неудобных местных политиков. В ЦАР украинские инструкторы использовали для обучения управлению дронами боевиков французскую инфраструктуру, оставшуюся на территории Чада, что, очевидно, происходило с одобрения Парижа¹¹.

Это вызывает справедливое возмущение местных политиков. Так, глава минобороны ЦАР Клод Рамо Биро, заявил, что подготовка террористов на африканском континенте усилиями киевского режима возмутительна и не имеет оправданий¹².

---

¹⁰ МИД России уличил Киев в сотрудничестве с террористами. Захарова заявила о новых доказательствах поддержки Украиной террористов в Сахеле. URL: <https://news.ru/vlast/mid-rossii-ulichil-kiev-v-sotrudnichestve-s-terroristami> (дата обращения: 18.10.2025).

¹¹ Леонова Ю., Даниилов В. Эскорт войны: Украина наращивает поддержку террористов в Африке. URL: <https://iz.ru/1939940/iuliia-leonova/eskort-voiny-ukraina-narashivaet-podderzhku-terroristov-v-afrike> (дата обращения: 18.10.2025).

¹² Подготовка Киевом террористов в Африке возмутительна, заявил глава МО ЦАР. URL: <https://ria.ru/20251201/afrika-2058827861.html> (дата обращения: 18.10.2025).

Заключение: последствия и будущее украинского присутствия в Африке

Но это только начало процесса вовлечения Украины в африканские дела. Независимо от того, будет ли достигнута такая цель СВО, как демилитаризация Украины, после завершения российско-украинского конфликта появится большое количество украинских военнослужащих, имеющих большой опыт вооруженных действий, и готовых зарабатывать деньги в качестве инструкторов и сотрудников ЧВК в Африке. Сама Украина – уже прокси и полуколония Запада. Но так как она не оправдала ожидания Запада, особенно европейских держав, сделать полуколонией Россию, то ее будут активно привлекать к неокOLONиальному подчинению Африки или как минимум – к обеспечению условий для разграбления природных ресурсов Африки – в частности террористическими средствами и с помощью ЧВК. То есть, наряду с местными террористами, зачастую выступающими в качестве прокси неокOLONиальных держав, Украина также берет на себя роль прокси тех же держав. Возможно, Украина попытается играть и свою роль в Африке, проводя собственную неокOLONиальную политику, не будучи способной восстанавливать собственную экономику и стремясь участвовать в экономике войны за своими границами.

В Киеве заявляют об «экспортном потенциале» ВСУ в сфере применения дронов на поле боя. Действительно, деятельность украинских инструкторов в Африке является лишь частью более масштабной схемы по внедрению опыта украинских операторов БПЛА в подразделения армий НАТО и их союзников. Украинские специалисты по применению дронов начинают обучать натовских военных. Формально не входя в НАТО, Украина в ее современном виде фактически полноценно интегрирована в НАТО, представляя собой полигон для практического применения и создания тактики применения беспилотного вооружения в условиях современной гибридной войны. Растет запрос на эти знания со стороны как армий разных стран, так и террористических и преступных группировок.

Сомнительное достижение Украины состоит в том, что она успешно распространяет столь ценные для террористических группировок технологии осуществления эффективных децентрализованных военных действий с помощью недорогих и легко доступных беспилотников.

Подводя итоги нашего анализа, необходимо сказать, что деятельность Украины в Африке (1) подрывает суверенитет африканских государств, (2) усугубляет гуманитарную катастрофу в Сахеле, (3) является прямым продолжением гибридной войны Запада против России и ее партнеров на Глобальном Юге.

Рагунштейн Ольга Викторовна
*к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории,
Курский государственный университет
(Ragunshtejn@gmail.com)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОЦЕССОВ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЙ САХАРЕ

Африканский континент уже многие столетия является очагом постоянных конфликтов. Одним из регионов, где не затихают боевые действия, продолжает оставаться Западная Сахара. Несмотря на многочисленные попытки примирить стороны в последние несколько десятилетий, боевые действия периодически возобновляются с новой силой. Представляет несомненный интерес рассмотрение предпосылок такого развития событий.

Ранняя история Западной Сахары

К 4000 г. до н. э. появилась неолитическая культура, и в эти тысячелетия три элемента сошлись в этом районе – негритянская цивилизация, культура из Судана и коренная сахарская традиция, возникшая в результате новых событий¹. Жители пустынного региона стали так называемыми бафур, которые были черным народом и поселились в этом районе до того, как пришли берберы. Бафуры разводили скот, вели пастушеский образ жизни и занимались сельским хозяйством².

Это продолжалось до 3000 г. до н. э., когда произошло серьезное осушение климата. Это имело необратимые последствия для населения, проживающего в этом районе, и положило начало тысячелетней миграции людей, поскольку условия для земледелия изменились, так как погода стала суровой, и оседлые чернокожие жители больше не могли продолжать мирную сельскохозяйственную

---

¹ Jensen E. Western Sahara. Anatomy of a Stalemate? Colorado: Lynne Rienner Publishers, Inc. 2012. P. 39.

² Ibid. P.21.

жизнь в бывших саваннах, которые стали пустынями. Таким образом, в этом районе появилась новая, более жестокая группа людей, пришедшая с Атласских гор, с севера — это были берберы. Они были вооружены железным оружием и у них были лошади, что давало преимущество в конфликте с бафурами и вытеснило их с сахарских земель на юг³.

Около 1000 г. до н. э. этот район был завоеван финикийцами, которые осуществили несколько походов⁴. Однако этот район оставался неисследованным и все еще белым пятном на картах империй, искавших золото южной Африки.

Очередным большим изменением в жизни кочевников Сахары стало появление верблюда, который заменил лошадь в их культуре⁵. Излишне говорить, что появление этого животного дало возможность жизни в пустынной среде, поэтому кочевые племена начали обитать в этих районах.

Следующий этап в истории региона наступил с возникновением Римской империи, которая также колонизировала район Магриба, несмотря на то, что не смогла добраться до нынешней территории Западной Сахары. После них сначала вандалы, затем византийцы заняли регион, но, похоже, не оказали сильного влияния на жизнь кочевников⁶.

Первый большой удар был нанесен сразу после распространения ислама с Ближнего Востока. За быстрым завоеванием арабо-мусульманскими армиями с востока в VII в. н. э., конечно же, последовала исламизация региона. Воины ислама под предводительством Омейяда Окбы бен Нафи завоевали территорию к 681 г. После него Мусса бен Нусайр продолжал закреплять регион за обширной мусульманской империей, и в 711 г. нанес решительный удар по берберам, чтобы обеспечить свое правление в этом регионе⁷.

---

³ Hodges T. *Western Sahara. The Roots of a Desert War*. Westport, Connecticut: Larence Hill & Company, 1983. P.3.

⁴ Besenyó J. *Western Sahara*. Pecs: Publikon Publishers, 2009. P. 37.

⁵ Mercer J. *Spanish Sahara*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1976. P. 66.

⁶ Ibid. P. 70-71.

⁷ Rezette R. *The Western Sahara and the Frontiers of Morocco*. P.: Nouvelles Editions Latines, 1975. P.

Обычаи и религиозные законы ислама, арабский язык завоевателей и культурное наследие, пришедшее с продвижением восточной цивилизации, оказали свое влияние на население Сахары, но потребовались столетия, чтобы укорениться в умах кочевого народа, поэтому только в IX в. оно оказало свое влияние на коренных жителей. В то время в регионе Западного Магриба правили два племени берберской общины: зената и берберы санхаджа. Зената были сосредоточены в северной части области, на юге Марокко, в то время как берберы санхаджа жили на юге, в районе сегодняшней Западной Сахары. Санхаджа конкурировали с оставшимся черным населением, которое они вытесняли на юг, по мере завоевания территорий региона. Тем не менее, в то же время Ганское Королевство находилось на пике могущества, и две державы сталкивались в течение нескольких десятилетий. Однако, в конце концов, санхаджа победили и разгромили империю Ганы. В то же время они также одержали решительную победу над северными берберами зената и под знаменем Абдаллы ибн Ясина объединили территорию от Ганы до мусульманской Испании, которую они завоевали в то же время.

Ясин сформировал группу религиозных последователей и создал так называемых «аль-Мурабитун» (Альморавидов). Они были первыми, кто объединил берберов и другие племена Северной Африки и создал огромную империю, которая простиралась даже через Средиземное море. Однако в 1125 г. в Атласе возникла новая сила, и так называемые берберы Масмуда восстали против Альморавидов, которые боролись с внутренними трудностями, и захватили империю, став Альмохадами, следующим крупным образованием в регионе⁸.

В 1218 г. в пустынные районы Магриба прибыло новое племя под названием Макил. Они пришли из Йемена и были чисто арабского происхождения. Вскоре после этого одно из племен – Бени Хассан мигрировало в регион Западной Сахары и начало смешиваться с

37.

⁸ Zunes S., Mundy J. *Western Sahara: War, Nationalism, and Conflict Irresolution*. Second Edition, Syracuse Studies on Peace and Conflict Resolution. Syracuse: Syracuse University Press, 2022. P. 96.

берберами, из которых возникло несколько племен. Одной из первых арабских общин была Улад Делим, которая сохранила большую часть своего арабского наследия, однако другие племена, такие как Текна, состояли больше из берберских этнических групп⁹. Эти племена стали доминировать на территории Сахары, которая, таким образом, на несколько сотен лет стала практически независимой областью, куда только самые рискованные авантюристы и исследователи осмеливались отправляться, пока испанцы, наконец, не решили колонизировать внутреннюю часть области в XIX и XX вв.

Средневековая история Западной Сахары

Средневековые времена принесли важные изменения в жизнь сегодняшней Западной Сахары. В эпоху великих открытий европейских путешественников белые пятна на картах всегда вызывали интерес, и обычно находился покровитель, который финансировал экспедицию для исследования неизвестных областей мира. До эпохи Христофора Колумба и исследования Америки авантюристы начали проявлять внимание к региону Западной Африки, который мог содержать драгоценные товары и минералы, которые могли бы представлять интерес для различных лидеров, искавших богатства и господства на недавно открытых территориях.

Есть записи о путешественниках, перемещавшихся по этому району даже еще в XIII и XIV вв. За 200 лет до Диаша и Васко да Гамы попытку пройти в Индию вокруг Африки предприняли братья Уголино и Вадило Вивальди, генуэзцы.

Вряд ли об этом удивительном путешествии узнал бы мир, если бы генуэзский хронист Джакопо Дориа не вспомнил, что его родич Теодизио Дориа на правах комменды вложил свои кровные деньги в предприятие братьев Вивальди. Поскольку эти деньги были вкладчиком потеряны, Джакопо Дориа счел необходимым упомянуть в своих «Генуэзских анналах» и о неудачной экспедиции братьев Вивальди, которая на двух кораблях, взяв с собой много разных

---

⁹ Thirlwall Norris H. The Arab Conquest of the Western Sahara. L., N.Y., Beirut: Harlow, Longman, Librairie du Liban, 1986. P. 28-29.

товаров, отправилась в 1291 г. в Индию западным путем. Дориа отмечает при этом, что братьев сопровождали два монаха-францисканца — еще один факт, свидетельствующий о тесных связях между генуэзцами и орденскими миссионерами. Братьев Вивальди, говорит далее хронист, последний раз видели у Газоры (Джубы — на атлантическом берегу Марокко), после чего экспедиция бесследно исчезла¹⁰.

Вскоре появились и другие, чтобы последовать за ними: примерно в 1337 г. странник по имени Мохамед бен Рагано достиг острова Тидра, который находится на территории современной Мавритании. Он один из первых людей, пересекших регион, чтобы увидеть красоту пустыни и океана¹¹.

Канарские острова впервые появились в списках путешествий в 1309 г., а следующим человеком, который рисковал своей жизнью, чтобы исследовать территорию, был Хайме Феррер, который отправился в долгое путешествие вдоль побережья Сахары около 1346 г.

Европейские исследователи закрепились на этой территории в 1401 г., когда они, наконец, завоевали Канарские острова и начали свою длительную колониальную деятельность вдоль побережья, а затем и на материковой части континента¹². Европейцы сделали несколько важных открытий, которые они позже сочли достойными эксплуатации, но прежде всего, после того, как завоеватели прибыли на Канарские острова, они почти сразу же попытались исследовать опасные береговые линии противоположного континента.

В 1405 г. Жан де Бетанкур высадился на берег недалеко от региона Западной Сахары и продолжил нападать на сахарави — коренное население поздней Западной Сахары и захватил несколько рабов. Это стало излюбленным занятием европейцев, которые часто посещали этот район, чтобы проводить так называемые энтрады или

---

¹⁰ Mercer J. Spanish Sahara. London: George Allen & Unwin Ltd., 1976. P. 76.

¹¹ Thompson V., Adloff R. The Western Saharans. London: Barnes & Nobles, 1980. P. 105.

¹² Rezette R. The Western Sahara and the Frontiers of Morocco. Paris: Nouvelles Editions Latines, 1975. P. 51-52.

кампании по захвату рабов. Это продолжалось до времени отмены рабства и было очень выгодным бизнесом для нападавших. Однако они также искали золото и использовали религиозное рвение, чтобы обратить мусульман и распространить христианство¹³.

Первая серьезная попытка эксплуатации и колонизации этих территорий была предпринята португальцами, а именно Генрихом Мореплавателем, который с 1421 г. начал несколько вторжений в этот район. Помимо обычных выгод, он хотел найти другой путь в Индию. Самое знаменитое приключение было совершено Жилем Иннесом, который осуществил легендарное путешествие в сегодняшнюю Западную Сахару, проплыв мимо опасного мыса Бохадор, который до тех пор был непроходим.

Тем не менее, он не хотел ничего большего, чем другие колонизирующие империи той эпохи: золота, рабов и других ресурсов, и был мотивирован религиозным рвением. Генрих даже получил папские буллы, разрешавшие отпустить ему грехи против коренных сахарцев, чтобы исследователи могли нападать законно как рыцари, служившие своей религии. Внутренняя часть была, однако, трудной из-за песчаного пустынного климата и сухого ветра, и условия не позволяли закрепиться на самом континенте. Первой базой оказался остров Аргуин в 1448 г., который должен был стать отправной точкой для операций захватчиков на долгое время вперед¹⁴.

Однако португальцы были не единственными, кто хотел использовать регион в своих целях, поскольку кастильцы (испанцы) также стремились получить свою долю. Тогда не было неожиданностью, что испанские захватчики попытались основать для себя форпост на континентальной части Африки, что и сделал Диего Гарсия де Эррера (губернатор Канарских островов), который построил форт на побережье материка в 1476 г. Форт много раз менял владельца в ходе истории, и это был полезный центр, из которого начинались энтрады. Место было названо Санта-Крус, и оно стало одним из самых

---

¹³ Besenyó J. Western-Sahara under the Spanish empire // Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. 2010. Vol. 9. Issue 2. P. 196.

¹⁴ Mercer J. Spanish Sahara. London: George Allen & Unwin Ltd., 1976. PP. 78-80.

востребованных портов на побережье¹⁵. Были также важные договоры, которые разделили сферы интересов в регионе между Испанией и Португалией. Самым важным из них был Тордесильясский договор 1494 г.,¹⁶ который передал контроль над прибрежными районами сегодняшней Западной Сахары испанцам.

Крепость и усилия европейских завоевателей были сочтены сахарцами враждебными, и поэтому они объявили им джихад. Результатом стал захват Санта-Крус, который снова сменил владельцев к первой половине XVI в. Другим важным островом был Аргуин, который сначала был владением португальцев, но в 1638 г. на сцену вышла новая сила: голландцы, которые захватили остров¹⁷. Однако Санта-Крус был не единственным заметным форпостом в пустынной местности, поскольку испанцы отправили еще одного солдата, Алонсо Фернандеса де Луго, с приказом создать три центра, откуда испанцы могли бы продолжить свои набеги за рабами (Тагаост, Сан-Мигель-де-Сака, мыс Бохадор)¹⁸. К этому времени усилия европейцев по колонизации также вызвали религиозный пыл, а именно настойчивые попытки обратить местных жителей в христианство. Эти вновь принятые единоверцы были названы морисками. Однако они не отправились в Европу, потому что хотели остаться на родине¹⁹.

Современный период Западной Сахары

После изучения европейского влияния на африканское побережье Западной Сахары, не менее важно кратко рассмотреть марокканцев, которые жили по соседству с сахарцами. Прежде всего, нужно отметить, что земли, которыми правил Марокко, назывались билад аль-махзен, а южные части, где жили сахарцы, назывались билад ас-сиба. Последняя была далекой страной для марокканцев,

---

¹⁵ Besenyó J. Another Showdown in Western Sahara? // *Terrorism and Political Violence*. 2021. Vol. 33. Issue 3. P. 650.

¹⁶ Тордесильясский договор между королями Испании и Португалии о разделе мира 7 июня 1494 г. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Spain/XV/1480-1500/Ferdi_Isabel/dogovor_tordesiljas_07_06_1494.htm (дата обращения: 28.05.2024).

¹⁷ Hodges T. *Western Sahara. The Roots of a Desert War*. Westport, Connecticut: Larence Hill & Company, 1983. PP. 20-22.

¹⁸ Besenyó J. *Western Sahara*. Pecs: Publikon Publishers, 2009. P. 47.

¹⁹ Mercer J. *Spanish Sahara*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1976. P. 89.

которые редко могли навязать даже ограниченное господство над этой территорией. Однако некоторые из племен билад ас-сиба согласились подписать контракты (байя) с марокканскими правителями, которые затем предоставили им право стать лидерами в своих регионах. В XVII и XVIII вв. в Марокко было несколько династий, одна из них - Саадиты. Один из правителей Саади, Ахмед (сын одного из первых правителей династии, Мухаммеда эс-Шейха) пытался усмирить сахарцев, с большим или меньшим успехом. После 1603 г. страна впала в смуту, но в 1659 г. на престол взошла самая выдающаяся марокканская династия: это были алавиты. Один из их султанов, Мулай Исмаил (1672–1727), был самым важным правителем в их борьбе за завоевание западно-сахарского народа, который должен был подчиниться его правлению из-за большой и мощной армии. Несмотря на это, марокканские силы все еще не могли претендовать на исконные части сахарских земель. Со временем британские компании основали новый торговый пункт в Тарфайе и еще один в Сагياج-эль-Хамре. Султаны Марокко в XIX в. продолжали свою политику умиротворения билад ас-сиба, как и раньше. Марокко также стремилось остановить усилия колонизаторов-французов и испанцев, хотя и с небольшим успехом²⁰.

Колонизация Западной Сахары

Следующим этапом в истории Западной Сахары стала эпоха колонизации, в основном испанцами. После долгих обсуждений в 1884 г. они подали свои претензии на территорию сахарцев²¹. Это было принято Берлинской конференцией в 1885 г.²², и Испания начала исследовать территорию при поддержке короля Альфонсо XII. Было предпринято две попытки исследовать территорию Сахары, но более интересный маршрут был выбран Эмилио Бонелли Эрнандо, который достиг Дахлы, где он основал крепость. В 1886 г. с помощью большого флота испанцы высадились на берег сахарских земель и оккупировали

---

²⁰ Hodges T. Western Sahara. The Roots of a Desert War. Westport, Connecticut: Larence Hill & Company, 1983. Pp. 25-36.

²¹ Mercer J. Spanish Sahara. London: George Allen & Unwin Ltd., 1976. P. 45.

²² Заключительный акт Берлинской «Африканской» конференции. Берлин. 14/26 февраля 1885 г. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. VIII, СПб., 1888. URL: <https://istmat.org/node/27251>(дата обращения: 28.05.2025).

территорию. Однако сахарцы не были довольны испанским вторжением, подняли восстание против колонизаторской власти и напали на Вилья-Сиснерос в 1887 и 1892 гг. С ростом сопротивления сахарцев у испанцев возникла еще одна проблема, которую нужно было решить. Им пришлось договориться с французами, чтобы обозначить границы между контролируемой испанцами Сахарой и подконтрольными французам Марокко и Мавританией. Эти соглашения были заключены в 1900, 1904 и, наконец, в 1912 г. С помощью этих соглашений правительство Мадрида закрепило за собой подконтрольные области²³.

Из-за этих проблем Испания начала переговоры с Австро-Венгерской монархией о возможной продаже их африканской колонии Рио-де-Оро, приобретенной в 1884 г. Колония была предложена для аренды или покупки Австро-Венгерскому колониальному обществу, основанному в 1895 г. Однако Общество в одиночку не могло взять на себя управление территорией, поэтому оно связалось с Министерством торговли Монархии, а также с Министерством иностранных дел. Министерства Австро-Венгерской монархии нашли предложение заманчивым и присоединились к переговорам, которые длились более года, но заинтересованные стороны не смогли прийти к соглашению. В конце концов, испанцы не продали колонию, а попытались укрепить свои позиции²⁴.

Борьба за владение территорией Сахары, которая помогла испанцам закрепить за собой эти земли, началась между французами и религиозным, образованным человеком Ма эль-Айнином, настоящее имя которого было Мохамед Мустафа. Когда он появился, французы уже направлялись в сторону Мавритании. Ма эль-Айнин собрал большое количество последователей, чтобы помочь в его борьбе. Он начал сражаться против французских войск в 1895 г., и отправился в Сагга-эль-Хамру, где основал город Смара²⁵. Он

---

²³ Thompson V, Adloff R. The Western Saharans. London: Barnes & Nobles, 1980. PP. 104–105.

²⁴ Besenyó J. Western-Sahara under the Spanish empire // Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. 2010. Vol. 9. Issue 2. Pp. 195–215.

²⁵ Zunes St, Mundy J. Western Sahara: War, Nationalism, and Conflict Irresolution. Second Edition, 152

продолжил свои атаки на французские силы в 1900-х гг. и в 1907 г. попросил марокканского правителя помочь ему в его борьбе. В 1908 г. кампания продолжилась, и Ма эль-Айнин и его последователи добились некоторого успеха.

Однако марокканский правитель отвернулся от Ма эль-Айнина и заключил пакт с французами. Провозгласив себя Махди, Ма эль-Айнин умер в 1910 г., и его сын, Эль-Хейба, продолжил борьбу с неверными. Тем не менее, он получил серьёзный удар, когда в 1913 г. полковник Муре буквально уничтожил город Смару. В 1916 г., во время Первой мировой войны, немецкая подводная лодка попыталась помочь Махди, но испанцы помешали этому. Когда Эль-Хейба умер в 1918 г., его родственник, Меребби Реббу, продолжал сражаться с французами до 1926 г. В 1929 г. другой родственник Ма эль-Айнина, Мухаммед аль-Мамун, начал представлять сахарцев. Он продолжил борьбу и в 1931–1932 гг. добился некоторых побед над французскими войсками²⁶. В 1934 г. французы завершили контроль над племенами сахарави, поэтому испанцы смогли начать фактическую колонизацию континентальных территорий будущей Западной Сахары.

Таким образом, в качестве выводов необходимо отметить, что на начальном этапе предпосылками процессов дестабилизации в Западной Сахаре были: специфические особенности заселения региона различными этносами; полиэтнический и поликонфессиональный состав местных жителей; агрессивная колониальная политика европейских держав, особенно Испании и Франции.

Литература:

1. Jensen E. *Western Sahara. Anatomy of a Stalemate?* Colorado: Lynne Rienner Publishers, Inc. 2012.

Syracuse Studies on Peace and Conflict Resolution, 2022. P. 102.

²⁶Barros J, Maria Sydow de. *Western Sahara: History, UN acting and foreign interests.* Brazilian Journal of African Studies. 2020. Vol. 5. Issue 10. URL: <https://europub.co.uk/articles/western-sahara-history-un-acting-and-foreign-interests-A-692940> (дата обращения: 17.03.2026).

2. Hodges T. *Western Sahara. The Roots of a Desert War*. Westport, Connecticut: Larence Hill & Company, 1983.
3. Besenyő J. Another Showdown in Western Sahara? // *Terrorism and Political Violence*. 2021. Vol. 33. Issue 3. Pp. 649-656.
4. Besenyő J. *Western Sahara*. Pecs: Publikon Publishers, 2009.
5. Besenyő J. *Western-Sahara under the Spanish empire // Academic and Applied Research in Military and Public Management Science*. 2010. Vol. 9. Issue 2. Pp. 195-215.
6. Mercer J. *Spanish Sahara*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1976.
7. Rezette R. *The Western Sahara and the Frontiers of Morocco*. Paris: Nouvelles Editions Latines, 1975.
8. Zunes S., Mundy J. *Western Sahara: War, Nationalism, and Conflict Irresolution*. Second Edition, *Syracuse Studies on Peace and Conflict Resolution*. Syracuse: Syracuse University Press, 2022,
9. Thirlwall Norris H. *The Arab Conquest of the Western Sahara*. L., N.Y., Beirut: Harlow, Longman, Librairie du Liban, 1986.
10. Thompson V., Adloff R. *The Western Saharans*. London: Barnes & Nobles, 1980.

Самойлова Елена Евгеньевна
Аспирант,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Институт Востоковедения РАН
(helenaxsam@gmail.com)

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТНЕРСТВА РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: ФОРМИРОВАНИЕ КОНТУРОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В АФРИКЕ*

События Арабской весны 2011 г. стали поворотной точкой не только для внутривосточной динамики стран Ближнего Востока и Северной Африки, но и для трансформации региональных альянсов. Одним из наиболее значимых последствий этого периода стало постепенное сближение Российской Федерации с ключевыми государствами Персидского залива — Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами, Катаром и Ираном. Если ранее отношения Москвы с монархиями Залива были ограничены дипломатическим протоколом и отдельными экономическими контактами, то в 2020-е гг. они перешли на уровень стратегического взаимодействия, основанного на прагматичной конвергенции интересов¹. Данная эволюция отражает более широкий тренд формирования «незападных» коалиций, стремящихся к пересмотру однополярной архитектуры международных отношений.

Центральным фактором, обусловившим этот сдвиг, стало ослабление доверия к гарантиям безопасности со стороны Соединенных Штатов. Непоследовательная политика администраций Барака Обамы и Джо Байдена в отношении Сирии, Ирана и Палестины, а также стратегический «поворот к Азии» Вашингтона воспринимались правящими элитами Залива как сигнал о возможном

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-78-00147, <https://rscf.ru/project/25-78-00147/>

¹ Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Кожанов Н.А., Захаров А.А., Мардасов А.Г., Семенов К.В., Хайруллин Т.Р. Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. М.: Ленанд, 2019. 256 с.

уходе США из региона. В этих условиях страны Персидского залива начали политику многовекторности, направленную на диверсификацию внешнеполитических и военно-технических партнерств. Россия, в свою очередь, стремилась преодолеть геополитическую изоляцию и укрепить свой статус глобального центра силы, что было закреплено в «Стратегии национальной безопасности РФ» (2021), где развитие партнерства с государствами Ближнего Востока и Африки обозначено как стратегический приоритет². Таким образом, сближение носило не идеологический, а сугубо прагматический характер: Москва предлагала модель взаимодействия, ориентированную на поддержание баланса сил и региональной стабильности, без попыток экспорта политических ценностей. При этом у Москвы есть четкое понимание, что в среднесрочной перспективе Вашингтон останется основным гарантом безопасности для арабских монархий³. Этот подход, описываемый как «искусство дружить со всеми»⁴, оказался приемлемым даже для разнородных режимов, от шиитской теократии Ирана до суннитских монархий.

Ключевые направления сотрудничества быстро институционализировались. На энергетическом фронте формат ОПЕК+, созданный при активном участии России и Саудовской Аравии, стал важнейшим механизмом координации на мировом нефтяном рынке. В сфере продовольственной безопасности Россия, как крупнейший экспортер зерна, обеспечила надежные поставки в регион, особенно в Египет и Саудовскую Аравию, что добавило устойчивости политическому диалогу. Не менее значимым стало участие Москвы в урегулировании региональных конфликтов: от военной операции в Сирии с 2015 г. (в координации с Ираном) до

---

² Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046?ysclid=mnedqmjuej861267916> (дата обращения: 31.03.2026).

³ Хайруллин Т.Р. Россия и ключевые страны Персидского залива: перспективы сотрудничества // Взаимодействие государства, бизнеса и общества в условиях различных моделей политики развития. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2026. С. 366-369.

⁴ Katz M. N. Russia's Greater Middle East Policy: Securing Economic Interests, Courting Islam. Paris: Ifri, 2010.

гуманитарных инициатив, таких как совместный проект России, Турции и Катара по поставке одного миллиона тонн российского зерна для переработки в Турции и бесплатной отправки в страны с острой продовольственной нестабильностью⁵.

Эти шаги позволили России занять нишу альтернативного посредника, особенно в контексте палестинского вопроса. Согласно опросам Arab Center for Research and Policy Studies за 2024 г., более 80% жителей арабских стран считают политику США несправедливой, что создает устойчивый запрос на новых дипломатических акторов⁶. Как отметил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, десятилетиями нерешенный палестинский вопрос остается «главным фактором, подпитывающим экстремизм на Ближнем Востоке»⁷.

Институциональное оформление партнерства достигло новых высот в 2018-2025 гг.: была подписана Декларация о стратегическом партнерстве с ОАЭ и Всеобъемлющий договор о стратегическом партнерстве с Ираном, охватывающий военно-техническое, энергетическое, ядерное сотрудничество и координацию по противодействию санкциям. Параллельно происходила многосторонняя интеграция: расширение БРИКС в 2024 г. включило в себя ОАЭ, Саудовскую Аравию, Иран и Египет, превратив платформу в ключевой форум «Мирового большинства». Инициатива В. Путина о проведении первого Российско-арабского саммита, запланированного на первую половину 2026 г., знаменует переход к системному диалогу на высшем уровне. Как подчеркнул Лавров, это логическое продолжение Форума партнерства «Россия – Арабский мир», созданного в 2013 г.⁸ Саммит призван обсуждать палестинское

---

⁵ Заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации по «зерновой сделке». // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1903205/?ysclid=mmediy1qin956358385 (дата обращения: 31.03.2026).

⁶ The Arab Center for Research and Policy Studies (ACRPS). Arab Public Opinion and the Palestinian Question. Doha, 2024.

⁷ Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова для проекта RT «Мосты на Восток» 9 октября 2025 г. // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/2052817/?ysclid=mnedmqjk9c672141231 (дата обращения: 31.03.2026).

⁸ Там же.

урегулирование, сирийский кризис и совместные проекты в духе «Концепции коллективной безопасности в зоне Персидского залива», предлагающей инклюзивные структуры вместо военных блоков и принцип «разговаривать со всеми», включая переходные власти в Сирии и Ливии⁹.

Особую значимость приобретает проекция отношений России со странами Персидского залива на Африканский континент. Здесь реализуется синергетическая модель «безопасность-инвестиции-дипломатия», в рамках которой Россия предоставляет военно-технические и дипломатические ресурсы, а страны Залива — финансовые возможности и логистическую инфраструктуру. Москва позиционирует себя наследницей советской традиции поддержки национально-освободительных движений и выступает против неокOLONиальных практик. Как заявил С. Лавров, «границы проведены “по линейке”..., без учета этнических групп», а Африка должна развивать перерабатывающую промышленность, а не ограничиваться ролью сырьевого придатка. Пример с кофе — из \$460 млрд мировой выручки Африке достается лишь \$2,4 млрд — иллюстрирует эту несправедливость¹⁰.

Тем не менее, взаимодействие имеет существенные структурные ограничения. Его прагматичная основа не предполагает формирования классического союза с взаимными оборонительными обязательствами. Аналитик Адлан Маргоев вводит понятие «вертикальных ограничений» — невозможности углубить отношения до уровня союзничества из-за сохраняющихся связей стран Залива с США¹¹. Страны региона продолжают участвовать в проамериканских структурах безопасности, а глубинные противоречия между

---

⁹ Концепция обеспечения коллективной безопасности в зоне Персидского залива // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1466420/?ysclid=mnedsecr4b595242851 (дата обращения: 31.03.2026).

¹⁰ Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова для проекта RT «Мосты на Восток» (Москва, 9 октября 2025 г.)

¹¹ Маргоев А.Р. Многовекторная политика России и Китая на Ближнем Востоке: ограничения «по вертикали» // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogovektornaya-politika-rossii-i-kitaya-na-blizhnem-vostoke-ogranicheniya-po-vertikali/?ysclid=mnedunw185573139028> (дата обращения: 31.03.2026).

Саудовской Аравией и Ираном сохраняются, несмотря на их примирение при посредничестве Китая в 2023 г.

Россия вынуждена лавировать между этими интересами. Например, она резко осуждает действия Израиля в Газе как «коллективное наказание», но при этом характеризует «план Трампа» (2025) как «реалистичный шаг», дающий «надежду остановить кровопролитие», несмотря на отклонение от принципа двух государств¹². В Сирии после смены власти в 2024 г. Москва наладила контакты с переходной администрацией Ахмада аш-Шараа, сосредоточившись на сохранении военных баз и переформатировании их функций под гуманитарные задачи. Кроме того, продолжающийся конфликт на Украине ограничивает возможности Москвы по масштабной автономной проекции силы в Африке, повышая ее зависимость от партнеров из стран Персидского залива.

Таким образом, взаимодействие России со странами Персидского залива представляет собой характерный пример «кооперации без единства» — гибкой, многоуровневой и устойчивой к тактическим колебаниям, но лишенной идеологической сплоченности. Тем не менее, именно эта прагматичность делает его жизнеспособным в условиях многополярного миропорядка. Альянс становится значимым фактором формирования новой архитектуры безопасности, охватывающей пространство от Ближнего Востока до Африки, и демонстрирует, как конкуренция может трансформироваться в кооперацию ради достижения общих стратегических целей.

Литература:

1. Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Кожанов Н.А., Захаров А.А., Мардасов А.Г., Семенов К.В., Хайруллин Т.Р. Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. М.: Ленанд, 2019. 256 с. ISBN: 978-5-9710-6798-6.

---

¹² Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова для проекта RT «Мосты на Восток» (Москва, 9 октября 2025 г.)

2. Хайруллин Т.Р. Россия и ключевые страны Персидского залива: перспективы сотрудничества // Взаимодействие государства, бизнеса и общества в условиях различных моделей политики развития. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2026. С. 366-369.

3. Katz M.N. Russia's Greater Middle East Policy: Securing Economic Interests, Courting Islam. Paris: Ifri, 2010. 24 p.

4. The Arab Center for Research and Policy Studies (ACRPS). Arab Public Opinion and the Palestinian Question. Doha, 2024. 42 p.

Турьинская Христина Михайловна
к.и.н., с.н.с. Центра изучения стран Африки южнее Сахары,
Институт Африки РАН;
ИЭА РАН
(krikri75@yandex.ru)

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ПОСТЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ В КАМЕРУНЕ

Два месяца назад, 12 октября в Республике Камерун состоялись выборы президента, и победу на них одержал действующий глава государства Поль Бийя, франкофон и южанин из народности бети/эканг. Значение нынешних президентских выборов – поистине историческое. Эта республика с населением около 30 млн чел. – ключевой игрок в центральноафриканском регионе; страны-соседи и международные организации пристально наблюдали за внутривнутриполитической обстановкой в Камеруне. От результатов выборов зависело, окончится или продолжится эра Бийи, находящегося у власти в Камеруне уже 43 года. А учитывая период пребывания на посту премьер-министра при президенте Ахмаду Ахиджо, Поль Бийя занимает высшие должности в стране в общей сложности уже полвека.

Старейший в мире президент, Бийя в 92 года пошел на свой восьмой срок, и к концу новой семилетки ему будет без малого 100 лет; его президентство, вероятно, окажется пожизненным, но даже после его ухода Камеруну не гарантирована смена социально-экономического и политического курса, равно как не гарантирована и привычная стабильность, которая в последние годы дает сбои. Бийя продолжает продвигать идеологию «общинного либерализма», предложенную им еще в 1980-е гг. и перекликающуюся с ценностями камерунского национализма и либерализма/капитализма. Несмотря на циркулировавшие в СМИ разноречивые прогнозы и рейтинги, Бийя оставался фаворитом предвыборной гонки. Тем более, что в распоряжении его команды – мощный административный ресурс в

масштабах всей страны и поддержка со стороны многих традиционных вождей, а особенно во франкофонной части страны, на юге, востоке и в центре, где кандидат мог рассчитывать на голоса своих соплеменников. Прежде и камерунский север поддерживал Бийю, получая из столицы материальные субсидии и посты в руководстве.

Среди основных проблем Камеруна, которые так или иначе обыгрывались в ходе выборной кампании, – трудности социально-экономического развития, безопасность, периферийный капитализм и неокOLONиализм, терроризм, сепаратизм, региональные дисбалансы, трайбализм (проблемы англофонов, бамилеке и др.), коррупция, растущая бедность и имущественное неравенство. Оговоренное центром в рамках «большого национального диалога» расширение автономии западных англоязычных регионов реализовано не полностью, что порождает новые вспышки сепаратизма на этих территориях. Впрочем, в своей предвыборной агитации П. Бийя обещал продолжить политику децентрализации в стране. Оппозиция тем временем по-прежнему выступает против централизации, за подлинную децентрализацию и федерализм, а наиболее радикальные – за отделение англофонных регионов.

В докладе рассматриваются расклад сил на выборах, постэлекторальный кризис, проблемы централизации как дестабилизирующего фактора, а также перспективы децентрализации и решения национального вопроса в Камеруне.

Харитоновна Елена Владимировна

к.психол.н., доцент, с.н.с.,

Центр цивилизационных и региональных исследований,

Институт Африки РАН

(evh1956@mail.ru)

**ВОЗМОЖНА ЛИ СТАБИЛИЗАЦИЯ СИТУАЦИИ
ПОСРЕДСТВОМ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ В УСЛОВИЯХ
НАРАСТАНИЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И
ПРОТИВОСТОЯНИЯ КОНКУРИРУЮЩИХ АЛЬЯНСОВ? (НА
ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРОГРАММ В СТРАНАХ САХЕЛЯ И
ЗАПАДНОЙ АФРИКИ)**

Совместные культурные программы и фестивали всегда считались объединяющими, стабилизирующими факторами, способствующими преодолению конфликтов и противоречий и налаживанию диалога между сторонами. Однако, бывают ситуации, когда культура становится фактором конкуренции в рамках взаимоотношений различных политических проектов. Известно, что после серии военных переворотов в странах Сахеля и прихода к власти антизападных лидеров в январе 2024 г. власти Нигера, Буркина-Фасо и Мали заявили о выходе из ЭКОВАС, которое ввело экономические санкции против собственных членов, а также угрожало военным вмешательством в дела трёх государств Сахеля. Образование Альянса государств Сахеля (АГС), впоследствии конфедерации, положило начало конкуренции прозападных и альтернативных западным проектов в регионе.

Альянс (Конфедерация) государств Сахеля подверг критике ЭКОВАС за неспособность и нежелание оказать содействие Мали, Буркина-Фасо и Нигеру в их борьбе с нарастающими в регионе террористическими угрозами. Фактически, образование Альянса государств Сахеля привело к разделению региона на два политически противоположных блока государств, изменив баланс сил в регионе. Между ЭКОВАС и АГС продолжает сохраняться напряженность и в

экономической, и в военно-политической сфере. По мнению эксперта в области управления и региональной интеграции Института управления, гуманитарных и социальных наук Панафриканского университета Мохамеда Ламина Каба (специально для интернет-журнала «Новое Восточное Обозрение»), «ЭКОВАС подчиняется диктату своих колониальных хозяев, в частности Франции, и, как следствие, контролируется ими», кроме того, согласно его точке зрения, «выход из ЭКОВАС Буркина-Фасо, Республики Мали и Республики Нигер можно объяснить тем, что ЭКОВАС отошел от идеалов своих отцов-основателей и panaфриканизма»¹.

В Сенегале, в Дакаре 1 декабря 2025 г. открылся ECOFEST- 2025, особое внимание на котором уделено культуре и политическим изменениям. ЭКОФЕСТ организован ЭКОВАС, ЗАЭВС и правительством Сенегала, традиционно на нем всегда присутствовали представители европейских стран. Задачей фестиваля является создание региональной платформы, «где культура становится движущей силой миростроительства, интеграции, социальной инклюзии и экономического обмена»². На фестивале планируется поднять вопрос: «Политические изменения и кризисы в Западной Африке: что может сделать культура?» Организаторы считают, что культура может сыграть роль в предотвращении конфликтов и укреплении регионального единства. Однако можно предположить (данных нет), что представителей АГС на этом фестивале не будет.

Популярные музыкальные фестивали в странах АГС. Известно о пяти лучших музыкальных фестивалях в Мали: первый – «Фестиваль в пустыне» (Festival in the Desert) – проводится в Тимбукту и прилегающих пустынным районам; второй - фестиваль на Нигере (Festival on the Niger) – в историческом городе Сегу на берегу реки

---

¹ Каба М.Л. Влияние выхода Альянса государств Сахеля из ЭКОВАС на свободное перемещение людей, товаров и услуг в Западной Африке. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/02/18/vliyanie-vyhoda-alyansa-gosudarstv-sahelya-iz-ekovas-na-svobodnoe-peremeshhenie-lyudej-tovarov-i-uslug-v-zapadnoj-afrike/> (дата обращения 01.12.2025).

² Сенегал открывает ECOFEST 2025, уделяя особое внимание культуре и политическим изменениям. URL: <https://wadr.org/senegal-opens-ecofest-2025-with-spotlight-on-culture-and-political-change/> (дата обращения 01.12.2025).

Нигер; третий - международный джазовый фестиваль в Томбукту – это сочетание джаза, блюза и традиционной малийской музыки; четвертый - «Фестиваль на крыше мира» (Festival on the Roof of the World) – на Бандиагарском уступе в стране догонов и посвящен уникальной культуре догонов; пятый – Фестиваль музыки Мандинго (Mandingo Music Festival) в Бамако, посвященный наследию гриотов, специфика которых – мощный вокал, сложные ритмы, проникновенные мелодии. Фестиваль направлен на преемственность поколений и связь традиций и современности. На этих фестивалях всегда присутствовали представители региона, включая страны ЭКОВАС. После выхода Мали из состава Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) 28 января 2024 г., его представители не присутствовали на музыкальных фестивалях в Мали, поскольку военный контекст и политические изменения отразились и на культурном взаимодействии конкурирующих государств и альянсов³.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о разрушении и неэффективности инструментов, традиционно считавшихся консолидирующими и стабилизирующими, таких как культурные проекты. Политические процессы, а также на данный момент непреодолимые различия в системе ценностей между странами ЭКОВАС и странами альянса государств Сахеля, вставшими на путь антиколониальной борьбы, являются доминирующими по отношению к потенциально консолидирующим факторам.

---

³ Кроу П. Военный подтекст ощущается на знаменитом фестивале искусств в Мали. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.75371362-692db859-74963cdb-74722d776562/https/www.yahoo.com/news/military-overtones-vibrate-renowned-mali-070634502.html (дата обращения 01.12.2025).

Ходунов Александр Сергеевич
к.полит.н., м.н.с. Центра изучения стабильности и рисков,
НИУ ВШЭ
(nalim13s@mail.ru)

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ЭФИОПИИ С 2020 Г. НА ФОНЕ ИЗМЕНЕНИЯ МИРОПОРЯДКА: УДАСТСЯ ЛИ СОХРАНИТЬ ЕДИНСТВО СТРАНЫ?*

Происходящее интенсивное изменение мирового порядка в последние десятилетия и особенно в последние годы оказывает существенное влияние на развитие ситуации в разных регионах мира, особенно – наиболее нестабильных. Самым быстрорастущим континентом, увеличивающим свое влияние в мире, является Африка, хотя ее развитие полно противоречий и случаев дестабилизации вплоть до кровавых гражданских войн¹. В настоящее время одним из наиболее нестабильных регионов Африки (как, впрочем, и всего мира) является Африканский Рог. Расположенное там Сомали воспринимается в мире как своего рода символ вооруженной нестабильности: эта страна с 1991 г. находится в состоянии развала, хаоса и гражданской войны, хотя ситуация после 2011 г. начала заметно улучшаться благодаря помощи Турции и Катара².

Что касается крупнейшей страны Африканского Рога, Эфиопии, то она с момента окончания гражданской войны конца 1980-х – начала 1990-х гг. и свержения Менгисту Хайле Мариама в 1991 г., в течение почти трех десятилетий демонстрировала очень быстрый экономический рост и политическую стабильность. Однако с 2020 г. страну сотрясают гражданские войны с очень большим количеством жертв. В 2020–2022 гг. в Эфиопии произошла одна из самых

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

¹Гринин Л.Е., Гринин А. Л., Коротаев А.В. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее // История и современность. 2024. № 3. С. 87–112. DOI: 10.30884/iis/2024.03.05.

²Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Схватка за Сомали // История и современность. 2024. № 3. С. 69–86. DOI: 10.30884/iis/2024.03.04.

кровавопролитных войн в ее истории и мире в целом с начала этого века – гражданская война в Тыграе, когда сепаратисты в штате Тыграй пытались отделиться от центральной власти. Не прошло и года, как в 2023 г. началась очередная кровавая гражданская война, на этот раз в регионе Амхара, также расположенном на севере, но гораздо ближе к центральной части страны, где повстанцы также подняли оружие против центральной власти. Кроме того, уже 3 года идет вооруженный конфликт (хотя и менее интенсивный, чем два предыдущих) с сепаратистами из народа оромо.

Целью данной статьи является определение причин, хода и промежуточных итогов гражданских войн в Эфиопии на фоне ее социально-экономического развития и в контексте меняющегося миропорядка. Также будет рассмотрено, насколько реальна угроза единству этой страны на фоне вооруженной дестабилизации.

Вначале представляется необходимым кратко охарактеризовать особенности социально-экономического развития Эфиопии последних десятилетий, которые представляются весьма интересными и примечательными. Нужно отметить, что Эфиопия в 2019 г. (в год до начала гражданской войны) по такому важнейшему показателю экономического развития, как ВВП на душу населения, согласно данным Всемирного банка, находилась далеко не на первом месте даже среди стран Тропической Африки. Этот показатель был равен 2,4 тыс. долл. на душу населения, и страна обгоняла только 11 стран Тропической Африки (не считая Эритреи и Южного Судана, по которым не было данных, но скорее всего они были беднее Эфиопии). В 2024 г., несмотря на гражданскую войну, стране удалось существенно увеличить этот показатель – до 2,9 тыс. долл. на человека, и опередить уже 17 стран, по которым имеются данные, включая также Гаити и Соломоновы острова. Но всё равно, Эфиопия по этому ключевому показателю отстаёт от 91% стран и территорий мира³. Из этого можно заключить, что нищета, лишения и отсутствие доступа к основным

---

³Рассчитано по: World Bank. GDP per capita, PPP (constant 2021 international \$) // World Development Indicators. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD> (дата обращения: 04.12.2025).

благам цивилизации по-прежнему остаются уделом значительной части жителей Эфиопии (особенно – в районах, охваченных гражданскими войнами).

Но все-таки, не стоит недооценивать успехи экономического развития этой страны. Во-первых, только за 2019–2024 гг. экономический рост в Эфиопии составил 3,4% на душу населения. Среднегодовые темпы роста этого показателя с 1994 г., когда он был равен всего лишь 741 долл., оказались равны за эти три десятилетия вообще 4,6%, а сам показатель вырос в 3,9 раза⁴, что является, без сомнения, впечатляющим ростом, особенно для такого нестабильного региона. Таким темпам развития может позавидовать большинство стран мира. Если посмотреть темпы роста общего объема ВВП, то они, предсказуемым образом, окажутся еще более впечатляющими: с 1994 до 2024 гг. ВВП Эфиопии вырос с 41,2 млрд до 380,9 млрд долл., или в 9,2 раза (фактически, на порядок!), а среднегодовые темпы роста ее экономики были равны 7,7% в год и очевидно были одними из самых высоких в мире⁵.

Тогда встает вопрос, почему Эфиопия при таком бурном росте до сих пор остается одной из самых бедных стран мира? Проблема Эфиопии – в том, что быстрый рост начался с чрезвычайно низкого уровня. Ведь в 1994 г. Эфиопия только начала восстанавливаться после массового голода и гражданской войны, и по ВВП на душу населения опережала лишь 4 страны мира (по-прежнему, без учета Эритреи и Южного Судана). Так что даже если страна сохранит очень высокие темпы развития, они еще долго не позволят догнать даже средний уровень дохода по Тропической Африке (4,4 тыс. долл. на душу населения в 2024 г.), не говоря уже о среднемировом (21,3 тыс. долл. в том же году) ⁶. Для существенного повышения подушевого ВВП и реального превращения в среднеразвитую страну, руководству

---

⁴Рассчитано по: там же.

⁵Рассчитано по: World Bank. GDP, PPP (constant 2021 international \$) // World Development Indicators. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.РР.КД> (дата обращения: 04.12.2025).

⁶См.: World Bank. GDP per capita, PPP (constant 2021 international \$) // World Development Indicators. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.РСАР.РР.КД> (дата обращения: 04.12.2025).

Эфиопии нужно будет сохранить высокие темпы роста еще несколько десятилетий. Но, учитывая, что в стране целые регионы охвачены пламенем войны, невозможно сказать с уверенностью, что Эфиопию гарантированно ждёт впереди такая же благополучная экономическая динамика.

Даже несмотря на очень низкий ВВП на душу населения, быстрая положительная динамика в экономике всё-таки привела к существенному улучшению ситуации со здравоохранением в стране. Это можно ясно видеть на примере динамики общего коэффициента смертности (ОКС). Этот показатель очень существенно уменьшился: с 17,4‰ в 1994 г. до 9,5‰ в 2009 г. и 6,0‰ в 2023 г., или в 2,9 раза. В 1994 г. лишь в 14 странах мира (все – в Тропической Африке), ОКС был выше, чем в Эфиопии (из 217 стран и территорий), и Эфиопия отставала по этому показателю от 93% стран. 29 лет спустя, ОКС ниже, чем в Эфиопии, могли похвастаться 52 страны (преимущественно, ближневосточные) из тех же 217, то есть, Эфиопия отставала уже только от 24% стран мира. Эта страна с 203-го места в мире по ОКС (в порядке возрастания) в 1994 г. смогла перепрыгнуть на 53-е в 2023 г., опередив целых 150 стран мира, что, скорее всего, представляет собой мировой рекорд по сокращению общей смертности. Сегодня ОКС в бедствующей Эфиопии ниже, чем в таких спокойных странах, как Бразилия, Вьетнам, Индия, Турция, Шри-Ланка (если не считать развитые страны с высоким процентом пожилых)⁷. Этот в высшей степени выдающийся результат не может не впечатлять, и говорит о стремительном развитии здравоохранения и социальной сферы в стране, особенно с учетом пока еще очень низких доходов. Если бы не гражданские войны, сокращение смертности было бы ещё более быстрым.

Детская смертность (до 5 лет) в Эфиопии также достаточно быстро снижалась за рассматриваемый период – со 179‰ до 46,5‰, или в 3,8 раза. Для сравнения, в целом в мире этот же показатель

---

⁷Рассчитано по: World Bank. Death rate, crude (per 1,000 people) // World Development Indicators. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CDRT.IN> (дата обращения: 04.12.2025).

снизился с 89,6‰ до 36,7‰, или в 2,4 раза. Правда, Эфиопии не удалось добиться такого же впечатляющего прогресса по снижению этого показателя, как в случае с общим коэффициентом смертности, и она по-прежнему отстает от большинства стран мира. Однако отрыв от среднемирового уровня всё же значительно сократился – с 2 раз до 1,3 раза. В 1994 г. Эфиопия опережала по детской смертности только 15 стран (в них показатель был еще выше), а в 2023 г. – уже 32 страны. Эфиопия в 1994 г. несколько отставала от Тропической Африки (в ней детская смертность была тогда равна 174,7‰), а в 2023 г. в ней показатель был уже в полтора раза ниже, чем в регионе (68,1‰)⁸. Очень быстрое снижение детской смертности также подтверждает быстрое и успешное развитие здравоохранения и в целом социальной сферы в стране. Однако это развитие, очевидно, происходит неравномерно. Стоит отметить, что, согласно социально-демографическому обследованию в 2019 г., между регионами (штатами) Эфиопии наблюдаются колоссальные различия по детской смертности: от 26‰ в столице Аддис-Абебе и 43‰ в штате Тыграй, до 110‰ в самом бедном штате Сомали⁹.

Определенных успехов Эфиопии удалось добиться за это время и в снижении рождаемости. Ее общий коэффициент составил 49,6‰ в 1994 г., опустившись до 45‰ в 2001 г., 38,9‰ в 2008 г. и 31,9‰ в 2023 г., хотя в последние годы его снижение заметно замедлилось¹⁰. Однако естественный прирост населения в результате обвального падения смертности сократился не очень сильно – с 32,2‰ до 25,9‰, оставаясь очень высоким на мировом фоне. В результате, быстрый рост населения продолжается. В Эфиопии в 2024 г. проживает уже 132,1 млн (10-е место в мире), по сравнению с 55,6 млн в 1994 г. (22-е место). Население за эти 30 лет выросло в 2,4 раза, или на 76,5 млн человек¹¹,

---

⁸Рассчитано по: World Bank. Mortality rate, under-5 (per 1,000 live births) // World Development Indicators. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.DYN.MORT> (дата обращения: 04.12.2025).

⁹Ethiopia Mini Demographic and Health Survey 2019: Final Report. Rockville, Maryland: EPHI and ICF, 2021. P. 52.

¹⁰См.: World Bank. Birth rate, crude (per 1,000 people) // World Development Indicators. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN> (дата обращения: 04.12.2025).

¹¹Рассчитано по: World Bank. Population, total // World Development Indicators. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 04.12.2025).

что представляет собой колоссальную величину, которая не могла не создать серьезного напряжения в политической системе страны.

В ситуации весьма оптимистичной долгосрочной динамики социально-экономического развития, в Эфиопии, как гром среди ясного неба, совершенно неожиданно для иностранных наблюдателей, началась гражданская война в провинции Тыграй, где проживает одноименный народ тыграй, исповедующий православие. Вооруженный конфликт начался в ноябре 2020 г., когда внимание всего мира было направлено на пандемию, и продолжался до ноября 2022 г., когда при посредничестве Африканского Союза удалось заключить мирное соглашение, по которому центральное правительство восстановило контроль над провинцией. Одна из причин гражданской войны заключалась в том, что элиты Тыграя были недовольны отстранением от власти в федеральном правительстве своей партии НФОТ (Народный фронт освобождения Тыграя). Кроме того, правительство Эфиопии не признало итоги выборов на уровне провинции в сентябре 2020 г., на которых победил НФОТ. В начале войны представители этой партии, которые возглавили восстание, заявляли, что больше не считают Тыграй частью Эфиопии. При подавлении местных сепаратистов, власти Эфиопии решили сделать ставку прежде всего на авиацию. Правительство также отрезало регион от внешнего мира, отключив электричество, телекоммуникации и банковские услуги и заблокировав ввоз товаров. В целом, война происходила чрезвычайно ожесточенным образом и привела к колоссальным жертвам: от 380 тыс. до 600 тыс. человек, из них погибших от прямых убийств – от 30 тыс. до 90 тыс. Большинство жертв погибли от голода и эпидемий. Миллионы жителей штата оказались перемещены из-за военных действий. Массовый голод вновь вернулся в страну впервые после 1980-х гг., хотя пока только на уровне отдельного штата. Для подавления восстания правительство активно привлекало иррегулярные ополчения, составленные из народа амхара, так как он проживает вблизи штата Тыграй. Эритрея также

включилась в конфликт на стороне эфиопского правительства¹². В итоге победа над сепаратистами была одержана, но трещина в единстве страны уже возникла. К тому же нельзя исключать, что конфликт не возобновится в ближайшем будущем: основные проблемы региона до сих пор не решены и недовольство населения очень велико, что усугубляется жертвами и разрушениями. Изначально НФОТ не стремился к отделению Тыграя от Эфиопии, а скорее к учету требований тыграев в рамках единого государства. Однако в Эфиопии стал быстро распространяться «язык ненависти» в отношении тыграев (как в СМИ, так и в соцсетях – вплоть до прямых призывов к геноциду в одной из телепередач, где говорилось, что «95% эфиопов могут быстро уничтожить 5% населения Тыграя», и других подобных заявлений со стороны отдельных высокопоставленных политиков и даже профессоров, когда весь народ тыграй сравнивался с «раковой опухолью», которую «необходимо уничтожить»)¹³. К сожалению, этот «язык ненависти» против целого народа не был должным образом осужден и пресечен со стороны центральных властей. В результате, особенно в контексте блокады и разрушений гражданской войны, идеи сепаратизма в форме полного и окончательного отделения региона от Эфиопии постепенно получают популярность в Тыграе.

Не успела страна восстановиться после разрушительной гражданской войны, как в апреле 2023 г. начался очередной внутренний вооруженный конфликт: на этот раз, в провинции Амхара, в непосредственной близости от Аддис-Абебы. Нужно отметить, что народ амхара (он также исповедует православие) традиционно был государствообразующим народом Эфиопии, из этого народа с XIII в. происходили эфиопские монархи. В настоящее время премьер-министром (высшая должность в стране) является

---

¹² The Guardian view on the world's forgotten conflict: Ethiopia's devastating war // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/oct/23/the-guardian-view-on-the-worlds-forgotten-conflict-ethiopia-devastating-war> (дата обращения: 04.12.2025).

¹³См.: Nigussie H., Kiflu G., Desta B. Echoes of Violence: Analyzing Hate Speech in the Ethiopian Broadcast Media // Journal of Communication Inquiry. 2024. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01968599241276513>.

представитель народа оромо Абий Ахмед Али, лауреат Нобелевской премии мира, занявший эту должность с 2018 г. Он стал стремиться к централизации власти в ущерб региональным автономиям. Амхара считают, что их после 1991 г. оттеснили на вторые роли в государстве и что против них применяются репрессии, и выражают недовольство своим положением. Весной 2023 г. между амхара и властями Эфиопии возник конфликт по поводу требования А. Ахмеда о разоружении амхарских ополченцев. Ополченцы наотрез отказались, после чего в регионе началась война. Ополчение амхара, чьи истоки восходят к войне в Тыграе, называется Фано. Характерно, что Фано возрождают традиции армии монархической Эфиопии до революции 1974 г., когда амхара были господствующим этносом: военная форма и титулы в ополчении взяты из периода монархии, по которой ностальгируют очень многие амхара. Что касается политических устремлений Фано, то в первую очередь они направлены на установление контроля над всеми регионами, где проживают амхара. Представления группировки о будущем страны в целом четко не определены, но представляется, что она не хотела бы отделения региона Амхара от Эфиопии в долгосрочной перспективе, а хотела бы свержения центрального правительства и восстановления господства народа амхара над всей Эфиопией, но сейчас эта цель для Фано неактуальна.

В настоящее время правительственными войсками удалось остановить продвижение Фано. Однако восстановить контроль над той частью области Амхара, которой овладели повстанцы (а это достаточно большая компактная территория), им так и не удалось. Во всяком случае, сами ополченцы Фано, которых насчитывается около 20 тыс. чел., утверждают, что до сих пор контролируют более 80% региона Амхара. Даже если это так, то речь идет в основном о

сельских районах, а города и прилегающие к ним дороги по-прежнему остаются под контролем власти¹⁴.

Общее число жертв этого конфликта автору найти не удалось. Но оно, по-видимому, гораздо меньше, чем войны в Тыграе, и скорее всего измеряется десятками тысяч. Интенсивность этого конфликта также, судя по всему, значительно ниже, хотя он напрямую угрожает стабильности эфиопской политической системы из-за развертывания боевых действий поблизости от центра страны. Правительство в этой войне также сделало ставку на авиацию и беспилотники. Фано обвиняет правительственную армию в массовых военных преступлениях и идеализирует свое поведение на войне (такое утверждение само по себе весьма необычно: как правило, регулярные армии ведут себя на войне намного аккуратнее и осторожнее, чем иррегулярные формирования, в которых отряды обычно слабо связаны друг с другом и нет четкой иерархии)¹⁵. По заявлениям сторонников Фано, ополченцы смогли каким-то образом создать централизованную иерархическую структуру и больше не совершают преступлений, как было во время предыдущей гражданской войны, когда они представляли собой разрозненные милиционные формирования без серьезной дисциплины¹⁶. Правительство, со своей стороны отрицает все обвинения и говорит, что оно лишь восстанавливает порядок и борется против сепаратистов и «экстремистских группировок», которые с оружием в руках покушаются на единство страны¹⁷.

Между тем, недовольство властью назрело даже среди некоторой части оромо (этот народ исповедует главным образом суннитский

---

¹⁴ Tutenges R. Inside Ethiopia's Fano insurgency – photo essay // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2025/dec/01/inside-ethiopia-fano-insurgency-photo-essay> (дата обращения: 04.12.2025).

¹⁵ Abera E. T. Abiy's brutal war in Ethiopia's Amhara region // Martin Plaut. URL: <https://martinplaut.com/2025/01/05/abiys-brutal-war-in-ethiopia-amhara-region/> (дата обращения: 04.12.2025).

¹⁶ Abera E. T. Ethiopia: Fano is emerging as a key actor and an alternative force in the Horn of Africa // Martin Plaut. URL: <https://martinplaut.com/2025/02/28/ethiopia-fano-is-emerging-as-a-key-actor-and-an-alternative-force-in-the-horn-of-africa/> (дата обращения: 04.12.2025).

¹⁷ На севере Эфиопии введут чрезвычайное положение из-за боев с ополчением // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/914815> (дата обращения: 04.12.2025).

ислам), чьи представители также создали свои вооруженные формирования под названием «Армия освобождения Оромо», заявив, что будут защищать права своего народа от преследований со стороны правительства. С 2022 г. между ними и правительственными силами также начался вооруженный конфликт с многочисленными жертвами и беженцами, число которых достигло 1,8 млн. Восставшие районы были отрезаны от продовольственной и медицинской помощи. Однако очень большая часть народа оромо (в отличие, например, от тыграев) по-прежнему поддерживает федеральное правительство¹⁸. Такая тенденция, когда всё новые народы и территории начинают обзаводиться самостоятельными формированиями, не сулит центральной власти ничего хорошего.

Здесь встает вопрос, сможет ли Эфиопия сохранить свое единство в условиях продолжающейся гражданской войны? По всей видимости, ситуация в Эфиопии начинает напоминать обстановку в распадающейся Югославии во время наиболее интенсивных боевых действий (1991–1995 гг.), когда центральное правительство в Белграде под руководством сербов, столкнувшись с сильными сепаратистскими движениями в разных частях страны, сделало ставку на их вооруженное подавление, рассчитывая на многократное превосходство в численности войск и в вооружении (особенно – в тяжелом вооружении, которое почти отсутствовало у противостоящих центру боевых отрядов). Тем не менее, несмотря на мощные военные операции по силовому подавлению восставших республик, стремление к независимости и боевой дух у некоторых крупных народов Югославии (прежде всего – хорватов) наоборот только выросли, так что их формирования вначале остановили, а затем и вовсе нанесли поражение правительственным войскам (преимущественно состоявшим из сербов), которые к тому же на фоне экономического кризиса в Сербии теряли мотивацию воевать¹⁹. Если

---

¹⁸Tekle A. The Silent Conflict: What Is Really Happening in Oromia? // The Reporter. URL: <https://www.thereporterethiopia.com/45060/> (дата обращения: 04.12.2025).

¹⁹Hebrang A. Zločini nad civilima u srpsko-crnogorskoj agresiji na Republiku Hrvatsku. Zagreb: Udruga hrvatskih liječnika dragovoljaca 1990.–1991.; Zadar: Ogranak Matice Hrvatske u Zadru, 2013.

воля к сопротивлению и готовность сражаться за свою независимость от центрального правительства у восставших народов Эфиопии окажется такой же сильной, как и в бывшей Югославии, а энтузиазм правительственных войск будет спадать, то существование этой страны в современных границах также будет поставлено под вопрос. Насколько вероятен данный сценарий, сказать сложно. Но его нельзя полностью исключать. Очень многое будет зависеть от общей динамики ситуации в регионе, а также от того, справится ли правительство А. Абия с амхарскими ополченцами, представляющими сейчас наиболее серьезную угрозу правительству. Если их разгромить не удастся, успех сепаратистов может вдохновить некоторые другие регионы Эфиопии подняться на восстание против правительства, у которого будет всё меньше и меньше сил и ресурсов для подавления новых мятежей. Не говоря уже о том, что Эфиопии предстоит решать внешние территориальные споры и конфликты почти со всеми своими соседями (Эритрея, Судан, Сомали), а также с Египтом из-за роста потребления воды реки Нил.

Вместе с тем, существует важное разительное отличие ситуации в Эфиопии не только от бывшей Югославии, но и фактически от всех государств, охваченных гражданскими войнами: в Эфиопии уже 5-й год с момента начала внутренних войн сохраняется быстрый экономический рост. Это приводит к быстрому улучшению уровня жизни людей, особенно в Аддис-Абебе: город в последние несколько лет быстро благоустраивается, а его жители массово пересаживаются с дешевых мотоциклов на современные автомобили²⁰. Возможно, такая ситуация обусловлена тем, что интенсивные сражения происходят скорее в сельской местности, а крупные эфиопские города – «моторы» экономического роста, а также их окрестности, в целом, остаются в безопасности и не подвергаются осадам и обстрелу (в отличие от ситуации, скажем, в Хорватии и особенно Боснии и Герцеговине, где именно крупные города понесли главные жертвы и разрушения).

---

²⁰Автор выражает благодарность директору Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ А.В. Коротаеву, обратившему свое внимание на это обстоятельство.

Если рассматривать ситуацию в Эфиопии в контексте меняющегося мирового порядка, то нужно учитывать, что серьезные трансформации в Мир-Системе всегда ведут за собой усиление дестабилизирующих тенденций в наиболее хрупких странах и регионах мира с большим конфликтным потенциалом. Эфиопия по своему государственному устройству является федерацией и состоит из множества автономных провинций (штатов), населенных разными народами (крупнейшие – оромо и амхара, а также сомали, тыграй, сидамо, гураге и др.), исповедующими разные религии (православие, протестантизм, ислам, местные традиционные верования). Причем, ни один народ в стране не составляет абсолютного большинства: оромо составляют около трети, а амхара – около четверти населения. Быстрый демографический рост дополнительно осложняет имеющиеся этноконфессиональные конфликты. Таким образом, Эфиопия является весьма уязвимой страной с этноконфессиональной точки зрения, и изменение миропорядка оказывает на нее существенное дестабилизирующее влияние. До определенного этапа изменение миропорядка давало Эфиопии определенные преимущества (в частности, усиление региональных игроков, таких как Саудовская Аравия и ОАЭ, помогло стране серьезно нарастить туда свой экспорт). Однако в последние годы напряжение в регионе стало таким сильным, что Эфиопия уже не смогла удержать свою стабильность. Вхождение Эфиопии в БРИКС в 2024 г. теоретически могло бы позитивно сказаться на внутренней ситуации в стране, если бы у нее были развитые политические и экономические связи с другими крупными странами-членами этих организаций, но они развиты недостаточно. Поэтому вступление в БРИКС на данном этапе не смогло стабилизировать внутреннюю ситуацию.

Какой будет внутривнутриполитическая ситуация в Эфиопии, предсказать невозможно даже на ближайшие несколько лет. Остается надеяться, что сценария кровавого развала страны удастся избежать. Однако уже сейчас общее число жертв только в Тыграе могло составить от 0,3% до 0,5% населения страны, что уже приближается к

проценту погибших в югославских войнах, – как минимум 0,5% от довоенного населения Югославии, или 130 тыс. человек²¹. Если учесть предполагаемые оценки жертв в ходе конфликта с Фано и ополченцами оромо, то общее число жертв гражданских войн в Эфиопии на данном этапе практически наверняка может превысить 0,5%. Это означает, что если гражданские войны в этой стране продолжатся таким же темпом, то итоговый процент погибших может оказаться гораздо больше, чем в бывшей Югославии, что не может не отразиться негативно также и на экономической динамике в стране.

Литература:

1. Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее // История и современность. 2024. № 3. С. 87–112. DOI: 10.30884/iis/2024.03.05.

2. Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Схватка за Сомали // История и современность. 2024. № 3. С. 69–86. DOI: 10.30884/iis/2024.03.04.

3. Ethiopia Mini Demographic and Health Survey 2019: Final Report. Rockville, Maryland: EPHI and ICF, 2021.

4. Hebrang A. Zločini nad civilima u srpsko-crnogorskoj agresiji na Republiku Hrvatsku. Zagreb: Udruga hrvatskih liječnika dragovoljaca 1990.–1991.; Zadar: Ogranak Matice Hrvatske u Zadru, 2013.

5. Nigussie H., Kiflu G., Desta B. Echoes of Violence: Analyzing Hate Speech in the Ethiopian Broadcast Media // Journal of Communication Inquiry [online]. 2024. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01968599241276513>. DOI: 10.1177/01968599241276513

---

²¹The anti-war movement in Serbia (1991 – 1999) // Warinserbia.rs. URL: <https://warinserbia.rs/the-anti-war-movement-in-serbia/> (дата обращения: 04.12.2025).

Чаденкова Алиса Георгиевна

М.Н.С.,

Институт Африки РАН

(Chadenkova_asy@mail.ru)

**«РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ» ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ КОНГО: МЕХАНИЗМЫ ПРЕВРАЩЕНИЯ
МИНЕРАЛЬНОГО БОГАТСТВА В ФАКТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ В
XXI В.**

Демократическая Республика Конго (ДРК) обладает большими запасами природных ресурсов. Страна представляет из себя одну из важнейших минеральных баз Африки южнее Сахары за счет огромных запасов кобальта, алмазов, меди, вольфрама, золота, колтана, олова и цинка. Особое значение имеет колтан – ресурс, использующийся в электронной промышленности и ядерной энергетике¹. Однако наличие большого количества важных и редких ресурсов является для Демократической Республики Конго ключевым дестабилизирующим фактором. Таким образом, ДРК оказалась в состоянии «ресурсного проклятия» - ситуации, при которой страна с богатыми природными ресурсами сталкивается с низкими темпами экономического роста и стагнацией.

Подобное «проклятие» неразрывно связано с колониальным прошлым страны, когда были заложены элементы экономики, основанной на выкачивании природного сырья без создания инфраструктуры. Позднее после обретения независимости в ДРК так же продолжился данный курс, где ресурсы и контроль над ними стали инструментами для личного обогащения государственной элиты. На сегодняшний момент ДРК по-прежнему зависима от подобного выкачивания природных ресурсов, что закладывает почву для дестабилизации обстановки внутри страны.

---

¹ Общие сведения о Демократической Республике Конго // Посольство Российской Федерации в Демократической Республике Конго URL: <https://drc.mid.ru/ru/rdcongo/> (дата обращения: 02.04.2026).

В XXI в. минеральные ресурсы ДРК стали ключевым фактором нестабильности. Так, подобные ресурсы становятся финансовой базой для вооруженных групп. Еще в апреле 2024 г. повстанческая группа «Движение 23 марта» (M23) захватила горнодобывающий рудник Рубая на востоке Конго, из которого поступает около 15% мировых запасов колтана². Захват подобного источника ресурсов позволил M23 получать прибыль от продажи тантала и успешно перейти в наступление в 2025 г. Таким образом, контроль над месторождениями редких природных ресурсов и торговля ими становятся ключевым финансовым ресурсом для M23 в ходе противостояния с правительственными силами ДРК. Помимо этого, природные ресурсы привлекают соседние африканские государства и внерегиональных акторов, что обостряет проблему использования нелегально добытого сырья. Эти акторы интегрируют сырье, добытое на территории конфликта от повстанческих группировок в глобальные цепочки поставок для электроники и энергетики, лишь усугубляя и обостряя кризис внутри страны.

В настоящий момент «ресурсное проклятие» является точным описанием ситуации, в которой находится ДРК. Редкие минеральные ресурсы приводят к обострению насилия и коррупции не только на востоке, но и повсеместно. Участие внерегиональных акторов, таких как США и Китай, лишь усугубляет «проклятие», поскольку применение нелегально добытого сырья встраивается уже в легальные цепочки поставок.

---

² M23 rebel group generates approximately \$300,000 a month from mining-UN // Africanews. URL: <https://www.africanews.com/2024/10/01/m23-rebel-group-generates-approximately-300000-a-month-from-mining-un/> (дата обращения: 02.04.2026).

Abraham Waya
Boston University,
Boston, USA

RELIGIOUS CONFLICTS AND THE UBUNTU ANTIDOTE: AFRICANS AS CO-ARCHITECTS OF A GLOBAL CIVILIZATIONAL ORDER

This paper argues that large-scale, ideologically driven religious terrorism in sub-Saharan Africa is almost exclusively a phenomenon of radical Salafi-jihadism (Boko Haram/ISWAP, ISSP, Al-Shabaab, ADF)¹ rather than of Islam as historically embedded on the continent. Through comparison with Christian-linked armed movements (Lord's Resistance Army, Anti-Balaka) and communal retaliatory violence in Nigeria's Middle Belt and the Central African Republic, it demonstrates that only Salafi-jihadist insurgencies exhibit systematic takfīrī and kuffar theology (excommunication and apostasy), transnational state-building ambition, and sustained scriptural literalism. Their emergence and persistence are traced primarily to profound theological ignorance and the collapse of classical Islamic scholarship, which has left leadership and rank-and-file adherents devoid of exposure to the intellectual tradition of the Islamic Golden Age, or contemporary reformist discourses on pluralism, human rights, gender, science, and digital ethics. This vacuum enables charismatic yet theologically unqualified figures to impose reductionist, anti-intellectual interpretations that brand virtually all contextual or reformist thought as bid'ā (innovation), enforced through terror against Muslims and non-Muslims alike. Recruitment, however, is driven far less by doctrinal conviction than by socio-economic desperation among marginally educated, unemployed youth who are offered purpose, status, and material gain through looting, ransom, and forced marriage of abducted schoolgirls.

The paper cautions against analytical conflation of jihadist terrorism with communal self-defence by Christian communities, retaliatory

---

¹ Organizations banned in Russia.

pogroms, or ordinary criminal banditry by Muslim perpetrators. It proposes that sustainable counter-strategies must combine security measures with massive investment in broad-based education and theological literacy while deliberately mobilizing Africa's indigenous pluralist traditions. Central among these is **Ubuntu jurisprudence**—the relational, restorative legal philosophy (“because we are, therefore I am” or “a person is a person through other persons”, or “Umuntu ngumuntu ngabantu”) already constitutionalised in post-apartheid South Africa, operationalised in Rwanda's gacaca courts, and increasingly applied in reconciliation processes in Nigeria, Mozambique, and the Sahel. Ubuntu reframes religious exclusivism and takfir as ontological assaults on shared humanity, delegitimizes jihadist ideology using authentically African ethical categories, and anchors a distinctive “accommodative secularism” that equitably supports spiritual traditions without theocratic capture. The Ubuntu model is significant because it predates colonialism, is non-western and has proven successful; it neutralizes both theocracy and militant secularism; it delegitimizes jihadist ideology on African terms; it provides a scalable export.

Successful implementation of these hybrid, indigenously rooted approaches—supported by positive-neutrality constitutions, regulated foreign religious funding, and localized interfaith mechanisms—would not only dismantle jihadist insurgencies but would reposition Africa as coarchitect of a post-Eurocentric civilizational paradigm, drawing from ancient African civilizations like Egypt, Nubia, Kush, etc. By delivering empirically verifiable models of large-scale Christian–Muslim–Traditionalist coexistence, spiritually integrated development, and modernized precolonial pluralist governance, the continent would refute Huntington's “clash of civilizations,” contribute original theories of the secular and post-secular, and compel global discourse to engage African political theology as an authoritative equal rather than as a perpetual recipient of imported “civilizing” projects.

Antonino Adamo
National Research Council of Italy
Campobello di Mazara, Italy

**BETWEEN MERCENARISM AND PEACEKEEPING: PRIVATE
MILITARY COMPANIES VERSUS THE ECONOMIC COMMUNITY
OF WEST AFRICAN STATES MONITORING GROUP IN SIERRA
LEONE – A CASE-STUDY (1995-2000)**

The purpose of this study is to compare two foreign interventions in West Africa aimed at resolving conflict: the 1995 involvement of Executive Outcomes (EO), a South African private military company (PMC), against Sierra Leone's Revolutionary United Front (RUF), and the intervention by the Economic Community of West African States Monitoring Group (ECOMOG) between 1997 and 2000. The analysis begins with an overview of the context, including the origins of both PMCs and African regional security frameworks, followed by an evaluation of the two interventions. The research underscores the shortcomings of EO and ECOMOG: EO's role is deemed largely ineffective due to issues of legitimacy, accountability, and other controversies, while ECOMOG's deficiencies are attributed to financial constraints, limited military professionalism, and the absence of unified political will. Finally, the discussion broadens to the wider debate on African regional peacekeeping and its recent developments, arguing that regional peacekeeping currently represents the most viable approach to conflict resolution in West Africa.

THE ROLE OF BRICS+ IN SHAPING STABILITY AND GOVERNANCE IN AFRICAN COUNTRIES

The expansion of BRICS into BRICS+ represents a major reconfiguration of global power, offering African countries new avenues for partnership, development, and strategic autonomy. At a time when many African states face recurring destabilization, driven by governance deficits, economic fragility, religious radicalization, climate-induced pressures, and external geopolitical competition, the BRICS+ platform provides an alternative framework for addressing the root causes of instability. This paper explores the role that BRICS+ can play in supporting stability, institutional resilience, and developmental governance across African countries.

The discussion focuses on the evolving architecture of BRICS+ and the ways in which its principles, multipolarity, South–South cooperation, and non-interference, may influence Africa’s engagement within the emerging world order. Particular attention is given to the mechanisms through which BRICS+ could expand developmental financing, strengthen infrastructure networks, promote technology partnerships, enhance energy transitions, and support climate adaptation efforts, all of which contribute to reducing structural sources of instability. The paper also examines the importance of capacity-building, knowledge exchanges, and governance support, drawing on the diverse experiences of BRICS+ members such as India, Brazil, South Africa, China, and the newly included partners. In addition, the paper analyses the potential of BRICS+ to enhance Africa’s strategic autonomy by diversifying its international partnerships and reducing reliance on traditional Western institutions. The role of political dialogue, security coordination, and multilateral consultations within BRICS+ is explored to understand how these channels might contribute to creating enabling conditions for long-term stability.

Overall, this paper examines how BRICS+, as an expanding and influential grouping, may shape the stability landscape in African countries within the broader context of a transforming global order.

Nayla Mohamed Elhassan
Former Manager of Sudan Academy for Administrative Sciences
Sudan

Kamal Ahmed Karrar
Sudan

THE SUDAN WAR AND ITS IMPACT ON DESTABILIZATION IN SUDAN AND THE AFRICAN REGION

The war that erupted in April 2023 between the Sudanese Armed Forces (SAF) and the Rapid Support Forces (RSF) represents the most acute manifestation of Sudan’s long-standing structural crises—rooted in authoritarian governance, militarized politics, economic collapse, and unresolved center–periphery conflicts. Rather than an isolated confrontation, the conflict is the culmination of decades of fragmented state-building and competing power networks entrenched within both the military and paramilitary spheres.

1. Internal Destabilization Dynamics

1.1 Collapse of State Institutions

The war has accelerated the breakdown of Sudan’s already fragile state apparatus. Key administrative, judicial, security, and financial institutions have become non-functional or territorially fragmented. The erosion of central authority enables:

- the rise of localized governance by armed groups,
- parallel taxation and resource extraction structures,
- and the replacement of public services with ad-hoc community or militia-controlled systems. This institutional vacuum diminishes prospects for nationwide policy coordination, humanitarian access, and long-term stabilization.

1.2 Militarization and Fragmentation

The conflict has deepened militarization across society. The proliferation of armed actors—including tribal militias, urban defense groups, criminal networks, and foreign mercenary elements—has

transformed the conflict into a multi-layered security crisis. The absence of a unified chain of command increases the likelihood that localized violence will persist even if a formal ceasefire is reached.

1.3 Humanitarian and Social Breakdown

Sudan now faces one of the world's fastest-growing humanitarian disasters. Massive internal displacement, the collapse of urban economies, and the destruction of agricultural production have generated:

- widespread food insecurity,
- rising intercommunal tensions,
- and degradation of social cohesion.

These conditions create a feedback loop in which humanitarian need fuels competition for scarce resources, thereby intensifying local conflict dynamics.

1.4 Political Vacuum and the Death of the Transition

The war has halted the democratic transition that began after the 2019 revolution. Civilian political forces are marginalized, fragmented, or displaced, while armed actors dominate political negotiation spaces. The lack of an inclusive national political framework leaves Sudan without a credible pathway toward civilian rule, reform, or constitutional stability.

2. Regional and Continental Destabilization Effects

Sudan's geostrategic position—bordering seven countries and linking the Horn of Africa, the Sahel, and North Africa—magnifies the regional consequences of its collapse.

2.1 Refugee Flows and Humanitarian Spillover

Millions of displaced Sudanese have fled into Chad, South Sudan, Egypt, Libya, Ethiopia, and the Central African Republic. These flows strain weak host-state capacities, deepen economic pressures, and alter local demographic balances, often triggering new conflict risks.

2.2 Cross-Border Armed Movements and Illicit Economies

The conflict has intensified transnational trafficking networks involving weapons, gold, fuel, and migrants. These illicit economies:

- empower non-state armed groups across the Sahel and Horn,
- weaken state sovereignty in border regions,
- and integrate Sudan's war economy into wider regional criminal systems.

This links Sudan's instability to broader security challenges from Mali to Somalia.

2.3 Geopolitical Competition and Proxy Dynamics

Sudan has become a terrain for competing regional and international interests, including Gulf powers, neighboring African states, and global geopolitical actors. Support for one faction or another—whether through funding, weapons, or diplomatic leverage—risks turning Sudan into a long-term proxy battleground. Such dynamics complicate peace negotiations and regional alignment.

2.4 Disruption of Regional Trade and Economic Systems

The war has disrupted critical trade routes that connect East Africa with North Africa and the Sahel. The paralysis of Port Sudan and the Red Sea corridor has major implications for regional food supply chains and energy markets. Instability in Sudan also threatens Red Sea security—a zone already facing piracy, militarization, and geopolitical competition.

3. Broader Implications for African Stability

Sudan's war reflects and exacerbates continental patterns of instability:

- the rise of hybrid armed actors and privatized militaries,
- state fragmentation in the Sahel and Horn,
- intensified resource conflicts,
- and failure of regional institutions to manage cross-border wars.

Sudan's collapse therefore carries lessons for African governance: without deep structural reforms to civilian authority, economic justice, and regional cooperation, militarized elites and external powers will continue to shape political outcomes at the expense of democratic transitions.

Conclusion

The Sudan war is not merely a national crisis—it is a regional destabilization engine reshaping political, security, and economic landscapes across East and Central Africa. Ending the conflict requires more than a ceasefire; it demands dismantling war economies, rebuilding national institutions, curbing foreign interference, and re-establishing civilian-led governance. Without these foundational steps, Sudan's instability will continue to reverberate across the continent.

Mohammed AbdAlwahid Mohammed Hussain
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Russia

**THE SUDAN CONFLICT AS A REGIONAL DESTABILIZATION
CATALYST: HUMANITARIAN, SECURITY, AND ECONOMIC
IMPLICATIONS FOR CHAD, SOUTH SUDAN, EGYPT, AND
ETHIOPIA**

The ongoing civil war in Sudan between the Sudanese Armed Forces (SAF) and Rapid Support Forces (RSF), erupting in April 2023, has escalated into one of Africa's most severe humanitarian crises, displacing over 10 million people and creating massive refugee flows into neighboring states. This conflict exemplifies destabilization processes by exporting insecurity through porous borders, exacerbating vulnerabilities in fragile neighbors like Chad, South Sudan, Egypt, and Ethiopia. These spillovers threaten regional stability amid competing external influences from UAE, Russia, and Egypt, aligning directly with the conference theme on prospects for African destabilization.

Objective:

This study analyses how Sudan's internal conflict drives cross-border destabilization, focusing on humanitarian overload, security risks from arms trafficking and militias, and economic disruptions in four key neighbours, to propose containment strategies for regional actors.

Methods:

The analysis draws on secondary sources including UN reports, IGAD assessments, and policy analyses from 2023-2025, employing a qualitative case-study approach with process tracing to map spill over mechanisms. Data encompasses refugee statistics, conflict event datasets (e.g., ACLED), and economic impact models for trade corridors.

Results:

Chad faces over 600,000 Sudanese refugees straining resources and enabling jihadist incursions; South Sudan contends with arms flows

fuelling ethnic militias and famine risks; Egypt grapples with 1 million+ inflows pressuring the Nile economy and border security; Ethiopia sees heightened GERD tensions and militia crossovers amid its own conflicts. Collectively, these amplify food insecurity, political extremism, and interstate frictions across the Horn of Africa and Sahel.

Conclusion:

Sudan's war risks a broader regional cascade unless IGAD, AU, and BRICS+ powers coordinate on refugee repatriation, border stabilization, and neutral mediation. Policymakers must prioritize multilateral sanctions on arms suppliers and economic aid packages to avert synchronized destabilization in Africa's northeast.

Nuah M.M. Makungu
Independent researcher,
Canada

SECURITY ISSUES AND DESTABILIZATION ON THE BORDERS: IN THE NAME OF WHAT IDEOLOGY IS THE UGANDAN ADF (THE ALLIED DEMOCRATIC FORCES) SOWING INSECURITY AND DEATH IN WEAK-GOVERNED ITURI AND NORTH KIVU IN EASTERN DRC?

The provinces of Ituri and North Kivu on the DRC's borders with Uganda and South Sudan have been destabilized for decades. Security issues and destabilization experienced since the 1990s originate in Uganda, and in the culture of militia spread in these countries. They are accentuating the underdevelopment of these provinces. How did we find ourselves in this situation? Who are the players involved?

According to *The Washington Post*, the ADF's original manifesto, from shortly after its formation, called for the overthrow of President Yoweri Museveni's government. The Ugandan government considers ADF as a group force driven more by ideology, survival, criminal financing, and strategic interests than by a coherent political negotiation agenda. Their long-term objective in Uganda includes establishing some form of Islamic rule against "the kafirs" (non-Muslim Ugandans).

At its origin, ADF began in the 1990s as an anti-Museveni political system, a movement or a guerrilla force formed by Ugandan militants; over time, its membership and motives mixed local grievances, criminal economies, and Islamist rhetoric. It is an armed rebel group. It also emphasizes identity. It is widely treated as a terrorist organization or actor that has carried out mass killing of civilians, including attacks on churches and other targets in Eastern DR Congo, and has roots in Uganda.

The Ugandan national army defeated it. Their number was decreased. They can't send fighters in Uganda as a group to avoid a huge

loss of their elements. ADF remains only as an intelligence problem. That is why they went to find refuge on the border of their country and the DRC.

In the DRC, ADF is ideologically driven by Islamist or jihadist objectives and ties to ISIS (Islamic State in Iraq and Syria)¹, at least a faction is. A major ADF faction led by Musa Bakulu publicly pledges allegiance to ISIS. It is often described as part of the Islamic State's Central Africa Province (IS-ISIS)². It is labelled as a terrorist group by governments and international observers. It has been the target of military operations by Uganda, the DRC, and regional partners.

Militants of the ADF do not have a public political platform for self-governance or autonomy. There is no well-documented ADF manifesto that calls for what they want: do they want DRC territory to be autonomous, or do they want a state recognized by Kinshasa in straightforward political terms?

They are not looking for a negotiated peace deal. Their behavior (terror tactics, kidnappings, resource exploitation) suggests they are not primarily engaging in negotiation demands like a separatist movement might. There is no actual, reliable public record of them demanding positions in the Congolese government or formal political integration.

The ADF is deeply involved in illicit resource exploitation. According to the Institute for Security Studies (ISS), the group profits from gold mines, timber, and mines, such as coltan, cassiterite, and more, in Eastern DRC. They tax local populations as part of their financing strategy. They take advantage of weak governance zones to embed themselves in Congolese local economic networks connected to Uganda's local economy. They benefit from the complicity of illicit actors (multiple militias) from both countries in these crimes.

They are deeply economically motivated and integrated into the illicit resource economy, using mines, taxation, and extortion.

---

¹ Organizations banned in Russia.

² Organizations banned in Russia.

They expand when the state or other armed actors are distracted, to expand. When the Congolese army is focused on M23, the ADF has space to operate more freely.

Part of this control is strategic. Smaller, agile cells allow them to operate in urban or peri-urban zones, making them less predictable and more embedded. They use “hit-and-run” insurgent tactics but also sometimes shift to more stationary operations when useful, suggesting they are trying to build some kind of parallel governance or social structure. Their strategy is opportunistic. At the same time, rather than being purely a guerrilla force, the ADF is building semi-permanent structures in some places, establishing a long-term presence. Their structure reportedly includes camps with internal security, clinics, prisons, and schools. Their tactics and structure suggest they prefer to maintain power through force and terror, rather than through political compromise.

The ADF is not monolithic; factions shift in leadership, and local alliances (ethnic, criminal-like militias, or opportunistic) affect actions. Some cells behave more like pure criminal gangs, others like ideological militants.

The ADF is best described today as an insurgent group with Salafi-jihadist elements; a faction of it has formally allied with the Islamic State, and it is widely treated as a terrorist actor that has carried out mass killings of civilians, including attacks on churches and other targets in Eastern Congo, and has roots in Uganda. There is no publicly reliable evidence that the ADF has a clear, coherent “demand list” in the DRC or in Uganda, at least in a political-negotiating sense. Their goals in the DRC as well as in Uganda are best understood as a mix of jihadist ideology, criminal enterprise, and territorial control.

Neha Sinha
Dr. B.R. Ambedkar University Delhi
India

Arindam Goswami
World Risk Governance (WoRisGo)
India

PIRACY DYNAMICS AND MARITIME SECURITY IN THE GULF OF GUINEA: TRENDS AND CHALLENGES

Piracy has emerged as a critical maritime security challenge, impacting trade and economic stability. With the increase in maritime trade, there has been a rise in piracy in traditional hotspots which includes the Gulf of Aden, Gulf of Mexico, Gulf of Guinea and the Southeast Asian region. The Gulf of Aden showcased the reemergence of maritime piracy as a contemporary threat in 2000 with the prolonged Somali Civil War, leading to challenges in effective government and lack of regulation in seas. This led to the instability in Somali territorial waters, making it a hub for illegal activities and sophisticated money-spinning enterprise.

Among these, the Gulf of Guinea (GoG) to a great extent is more dangerous for commercial shipping as the region accounts for the majority of maritime kidnappings across the globe. Due to ongoing instability in West Asia, the GoG has risen as a highly promising alternative source of global energy. However, the region is well known for its internal conflicts along with piracy, surfacing as an additional maritime security threat, exacerbating the region's vulnerabilities. Despite a global decline in piracy, there has been a continuous rise of violence in the Gulf of Guinea - especially off Nigeria's coast, making it a piracy-buffed region. The International Maritime Bureau states that the Gulf of Guinea accounts for over 90 percent of maritime kidnappings worldwide. Recognised as a major global piracy hotspot, the pirates attack various types of vessels and engage in illegal activities such as cargo theft, ransom kidnappings and hijackings.

The primary targets of the pirates are ships involved in the offshore oil and gas sector, enabling them to demand substantial ransoms for the safe return of the abducted crew members. These pirates often employ advanced weaponry to threaten crew and carry out their criminal operations. While most incidents occur in the waters off Nigeria and Benin, numerous attacks have also been reported near the coasts of other West African countries. Multiple vessels have been attacked so far in the region, with the most recent incident taking place on December 03, 2025, where nine crew members were abducted from LPG carrier CGAS Saturn. Earlier incidents include the rescue of six crew members in Nigeria who had been kidnapped by pirates on March 25, 2023, from a Danish oil tanker near the coast of the Republic of Congo. The International Chamber of Commerce's (ICC) International Maritime Bureau (IMB) expressed concern in its 2023 mid-year report over the rising incidents of piracy and armed robbery in the Gulf of Guinea. With multiple incidents taking place over the years, reports have stressed upon the need to increase security in such regions.

While the rising influence of piracy in maritime security, international responses have stepped up notably, including Ghana's increasing naval budget and India's SAGAR. The paper examines the evolving trends of piracy in the Gulf of Guinea, identifying the key drivers, security concerns, and the implications for regional and international maritime governance. It assesses the security vulnerabilities of the states, and how states respond to such challenges. The paper also examines the international community's role, including the involvement of multinational maritime security initiatives and the impact of global maritime regulations on enhancing safety in the Gulf of Guinea waters. Guided by the securitisation theory, pioneered by Barry Buzan, Ole Waever, and Jaap de Wilde, the paper highlights how sea piracy is depicted as a security concern and its implications. Furthermore, the paper also depicts how such security challenges are not inherent but shaped by societal and political forces.

Securitisation theory offers a crucial perspective on how sea piracy becomes a security concern, shaping policies, strategies, and global partnerships to address it. It evaluates existing policies, and identifies the challenges and opportunities in combating piracy, emphasising the importance of sustained political will, capacity building, and international partnerships for long-term maritime security and stability in the region.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге обсуждения представленных докладов и проведенной дискуссии по наиболее острым вопросам стабилизационных/дестабилизационных процессов в странах Африки, участники конференции пришли к следующим теоретически важным выводам.

Формирование нового миропорядка, характеризующегося полицентричностью и ослаблением глобальных институтов управления, привело к реконфигурации внешнего присутствия в Африке. Внешние игроки в новом миропорядке, хотя с одной стороны, заинтересованы в стабильности африканских государств для успешного ведения бизнеса, однако с другой стороны, используя африканские государства как арену для собственной геополитической конкуренции, так или иначе могут способствовать усилению их внутренней дестабилизации. В ряде случаев поддержка слабых правительств или, напротив, негосударственных акторов создаст систему «управляемой нестабильности», выгодной внешним силам для сохранения доступа к ресурсам и влиянию.

В целом ряде стран до сих пор наблюдается тяжелая социально-экономическая ситуация, связанная с затянувшимися финансово-экономическим и продовольственным кризисами.

Кроме того, в условиях перехода к многополярности будет усиливаться роль и значение африканских государств в международных и мировых процессах в т.ч. через участие в международных организациях и объединениях. БРИКС+ является одним из таких объединений, выступающее в качестве реальной альтернативы западным коалициям. Активное взаимодействие России с государствами Африки

также открывает новые горизонты в деле трансформации международных отношений.

Модернизация в Африке происходит в ускоренном режиме, что создает фундаментальное противоречие между темпами экономических и инфраструктурных преобразований и скоростью институциональной адаптации. Форсированное внедрение рыночных механизмов, урбанизация и интеграция в глобальные цепочки поставок опережают формирование устойчивых политических институтов, правовых систем и механизмов социальной защиты. Результатом может стать институциональная пустота, которую заполняют неформальные практики, теневые экономики и вооруженные группы. Все это создаст потенциальные риски для дестабилизационных сценариев, которые могут иметь долгоиграющий характер.

Особое место занимают передовые технологии в странах Северной Африки и Африки южнее Сахары. Технологическое развитие само по себе не всегда может являться фактором стабилизации в отсутствие институциональной среды. Технологии нейтральны, но в условиях нестабильности они с высокой вероятностью могут быть присвоены негосударственными вооруженными акторами, что может привести к усилению асимметрии между слабыми государствами и хорошо оснащенными повстанческими группами.

Таким образом, Африка в условиях формирования нового миропорядка превращается в пространство с высоким уровнем турбулентности. Этому способствуют, ускоренная модернизация, которая скорее всего приведет к структурным социально-политическим изменениям; внешние игроки будут использовать эти изменения для геополитической конкуренции, усиливая их; дестабилизация будет распространяться по региональным «конфликтным поясам»;

технологическое развитие станет противоречивым инструментом, который с равной вероятностью может как повышать устойчивость сообществ, так и усиливать соперничество (в т.ч. вооруженное) различных акторов.

Эти и другие проблемы были подробно рассмотрены участниками конференции в ходе выступлений с докладами и в последующей дискуссии.